

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Манкевич Дмитрий Владимирович

**НАСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-х гг:
ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент Кузнецов А.А.

кандидат исторических наук,
доцент Маслов В.Н.

Калининград

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	36
1.1 Общенациональные факторы демографического развития Калининградской области в период её интенсивного заселения	36
1.2 Региональные условия формирования населения края	61
ГЛАВА 2: ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ	89
2.1 Заселение области во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: этапы, проблемы и результаты	89
2.2 Численность и половозрастной состав населения	118
ГЛАВА 3: ПРОЦЕССЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	132
3.1 Динамика, структура и регулирование рождаемости	132
3.2 Смертность	148
3.3 Брак и семья	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	187
ПРИЛОЖЕНИЯ	206
Перечень приложений	206
Приложения 1 – 5	207

ВВЕДЕНИЕ

Прошедшее столетие отечественной истории ознаменовалось глубокими изменениями основ общественного быта, социальной структуры, преобладающего типа культуры. Трудно не согласиться с теми исследователями, которые считают одним из важнейших явлений XX века исчезновение крестьянской России. Ушло в прошлое традиционное общество – аграрное, сельское, патриархальное, проникнутое идеями сословности и коллективизма. Ему на смену пришло общество современное, индустриальное, городское, демократическое, индивидуалистское. С позиций теории модернизации процесс перехода к индустриальному типу общества интерпретируется как универсальный, закономерный и прогрессивный.

Демографическая модернизация была частью этого великого и болезненного социально-исторического процесса. На смену традиционному типу воспроизводства населения, для которого были характерны высокие смертность и рождаемость, тотальная брачность, преобладание крупной, сложной семьи пришёл современный тип воспроизводства (низкие смертность и рождаемость, пониженные показатели брачности, малая семья). Демографические перемены были неотделимы от модернизации экономики, политической системы, образования, развития духовной культуры, успехов медицины и здравоохранения, эволюции жизненного окружения и мировоззрения людей.

Интерес современных специалистов к различным аспектам демографической истории России в Новейшее время очень высок, о чём свидетельствует значительное количество крупных работ, подготовленных и изданных в России после 1991 г.¹ В

¹ Назовём лишь некоторые: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. 1927-1959. М., 1998. 187 с.; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. М., 1992. 224 с.; Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. 558 с.; Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. 415 с.; Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. 265 с.; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. 288 с.; Корнилов Г.Е. Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. 175 с.; Население России в 1920-е-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. 224 с.; Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 1. 1900-1939. М., 2000. 463 с., Т. 2. 1940-1959. М., 2001. 416 с.; Т. 3. Кн. 1. 1960-1979. М., 2005. 304 с., Кн. 2. 1980-1990. М., 2011. 295 с.; Население России за 100 лет (1897-1997). М., 1998. 222 с.; Население Советского Союза. 1921-1991. М., 1993. 143 с.

фокусе внимания отечественных историков, социологов, демографов и экономистов оказались как масштабные, так и частные сюжеты общенационального или регионального уровня. Подобное внимание к развитию населения России в прошедшем веке объясняется сложностью и противоречивостью отечественной истории XX столетия, грандиозностью свершившихся перемен, дискуссиями о содержании и последствиях «советского проекта», а также расширением доступа к ранее засекреченным архивным документам, в том числе статистического характера.

Послевоенное прошлое самого западного региона России – Калининградской области – на рубеже XX-XXI вв. также стало объектом пристального внимания историков. Быстрая смена социально-культурной общности, произошедшая на территории региона во второй половине 1940-х гг., высокая интенсивность миграционных процессов, заинтересованность зарубежных (прежде всего - немецких) коллег в совместных научных проектах и мероприятиях стали дополнительными факторами интенсификации конкретно-исторических, историко-демографических, историко-культурных исследований.

Усилиями калининградских историков опубликованы сотни документов, десятки статей, изданы учебные пособия и обобщающие труды. Тема становления области принадлежит к числу приоритетных в региональной историографии. Вместе с тем, изучение демографической истории Калининградской области лишь набирает обороты, многие её аспекты и сюжеты ещё ждут своего исследователя.

Актуальность темы исследования определяется несколькими факторами.

1. В первое послевоенное десятилетие в СССР был реализован один из возможных вариантов преодоления кризиса в демографической сфере, что побуждает обратиться к анализу особенностей и конкретных механизмов его осуществления, в том числе на региональном уровне.

2. Вторая половина 1940-х – 1950-е гг. были для молодой области периодом интенсивных демографических процессов. Причудливое сочетание ряда факторов: экономических и социально-политических последствий Великой Отечественной войны, демографической компенсации, голода 1946-47 гг., депортации немецкого населения, масштабных переселенческих мероприятий, общенациональных тенденций социального развития определяло демографический облик региона, закладывая основы его

дальнейшей эволюции. Самая западная область России формировалась как приграничный, «переселенческий» регион в годы, последовавшие за окончанием Великой Отечественной войны, что породило ряд специфических особенностей её демографического развития, нуждающихся в изучении.

3. В то же время, в историографии отсутствуют исследования, содержащие комплексный анализ конкретно-исторических условий, основных тенденций и показателей демографического развития региона во второй половине 1940-х – 1950-х годах в контексте общероссийской демографической модернизации.

4. Разработка темы исследования может способствовать выявлению особенностей социально-демографического развития переселенческих регионов в период послевоенного восстановления, формированию обоснованной оценки эффективности государственной политики в регулировании миграционных процессов и естественного движения населения в рассматриваемый период, раскрытию конкретных проявлений демографического перехода, выявлению типичного и уникального в эволюции населения самой западной российской области.

5. Вместе с тем, анализ тенденций и проблем демографического развития области позволяет лучше понять логику общенационального движения к современной модели воспроизводства населения, прояснить ряд вопросов, связанных с трансформацией рождаемости и смертности, половозрастной и брачно-семейной структур, репродуктивного, матримониального, социального поведения советских людей.

Степень изученности темы. До начала 1990-х гг. серьёзная научная разработка проблем демографического развития РСФСР и её отдельных регионов была весьма затруднена рядом обстоятельств. Как справедливо отмечает О.М. Вербицкая, большинству исследователей были абсолютно недоступны материалы текущего статистического учёта населения, которые содержались в архивах в условиях полной секретности (в качестве источников работ по демографической истории выступали опубликованные данные, в том числе – всесоюзных переписей населения), «атмосфера секретности вокруг демографической статистики» делала абсолютно невыносимым открытое обсуждение проблем, связанных с демографическими последствиями Великой Отечественной войны, голода 1946-1947 гг., реализацией государственной аграрной и

социальной политики². В связи с «закрытостью» архивов в изучении истории Калининградской области сохранялись многочисленные лакуны, «белые пятна» (динамика численности населения области в первое послевоенное десятилетие, масштабы стихийной миграции, основные показатели естественного и механического движения населения и т.д.).

Ситуация начала постепенно меняться на рубеже 1980-1990-х гг., что способствовало активизации исследований послевоенной истории края, вовлечению в научный оборот (в т.ч. публикации) документов из закрытых ранее фондов областных (ГАКО, ГАНИКО) и центральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ) архивов. На сегодняшний день региональная историография представлена внушительным комплексом работ, в том числе по социальной и демографической проблематике. Однако, несмотря на появление в 1990-2000-е гг. целого ряда интересных и глубоких исследований, в историографии на сегодняшний день отсутствуют специальные работы, содержащие комплексный анализ конкретно-исторических условий, основных тенденций и показателей демографического развития Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах в их сопоставлении с общенациональными тенденциями. В связи с этим возможно говорить об историографии *отдельных аспектов темы*, что подтверждается обзором литературы.

В развитии исследований демографической истории СССР послевоенных лет можно выделить *два этапа*. **Первый этап** продолжался с середины 1940-х до конца 1980-х гг. На протяжении сорока лет развитие социальной истории, исторической социологии и демографии сдерживалось идеологическими и цензурными преградами, господством единой методологии и слабостью контактов с зарубежными научными школами. Степень самостоятельности авторов, как и доступность источников во многом зависели от изучаемой эпохи: холопство XVII в., крепостное крестьянство или свободные сельские сообщества пореформенной поры изучались всесторонне с использованием обширного документального материала. Историки, избравшие сферой

² Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2002. С. 7, 8. В то же время, как отмечает исследователь, многие историки советского периода, обращавшиеся к проблемам развития городского и сельского населения, брака и семьи, реалий общественной жизни, «вынужденно обходя «острые углы», опускаясь временами до явной лакировки реальности, после ритуального восхваления... пытались максимально наполнить свои работы новым конкретным материалом, реальными фактами, которые говорили бы сами за себя». Там же. С. 10.

своего интереса общество эпохи социализма, находились в менее выгодных условиях – уровень идеологического контроля (как и самоцензуры) был значительно выше, а основной массив статистических данных – недоступен для использования.

Интенсивность историко-демографических исследований в СССР до конца 1950-х гг. была крайне низкой: в одной из своих статей В.К. Яцунский признавал, что «история населения является забытым участком в нашей исторической науке»³. Явно недостаточное внимание уделялось проблемам развития народонаселения СССР и РСФСР после 1917 г. В начале 1980-х гг. Д.К. Шелестов констатировал факт абсолютного преобладания научных исследований по дореволюционной проблематике, почти полное отсутствие работ по истории населения СССР в эпоху строительства социализма, редкие контакты между историками и демографами⁴. Анализ зарубежного историко-демографического наследия в советской историографии связывался с критическим анализом «классовой направленности» западных теорий и опубликованных работ, с разоблачением «буржуазных теорий общественного развития» и капитализма в целом, как неспособной решить проблемы народонаселения системы⁵.

Однако, несмотря на объективные трудности реализации своей миссии, историко-демографическое направление в рамках советской науки было представлено целой плеядой серьёзных исследователей, среди которых – Б.Ц. Урланис, А.Я. Кваша, В.И. Козлов, Н.И. Платунов, Д.К. Шелестов и другие. В центре внимания советских исследователей находились проблемы миграции населения в период форсированной индустриализации и в послевоенные годы⁶, переселенческая политика как инструмент стимулирования и контроля миграционных процессов⁷, динамика и факторы роста

³ Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724-1916 гг. // История СССР, 1957. № 1. С. 192.

⁴ Шелестов Д.К. История и демография // Вопросы истории. 1981. №5. С. 14, 15.

⁵ Шелестов Д.К. О современной буржуазной исторической демографии // Вопросы истории. 1982. №6. С. 62, 73.

⁶ Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950-1956 гг. // Вопросы истории. 1981. №12. С. 56-65; Вербицкая О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946-1958 гг. // Вопросы истории. 1986. №12. С. 13-26.

⁷ Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981. 200 с.; Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 258 с.

численности городского и сельского населения⁸, воздействие экономической модернизации на колхозно-совхозную деревню.⁹

Благоприятное воздействие на развитие конкретно-исторических и демографических исследований оказала Всесоюзная перепись 1959 г., ставшая своеобразным рубежом в послевоенной истории изучения народонаселения в СССР. Проведению переписи предшествовало широкое обсуждение её методических вопросов, публиковались сборники статей зарубежных демографов¹⁰. Подготовка переписи и обстоятельная публикация её результатов способствовали активизации научного поиска в большинстве отраслей общественной науки. Подлинный «бум послесталинского оживления»¹¹ произошёл в демографии, которая фактически возродилась после тяжелейших испытаний 1930-х-1940-х гг.

В 1970-е гг. были опубликованы статьи и монография А.Г. Вишневого, в которых автор особое внимание уделил демографическому переходу (революции) как магистральной линии развития населения СССР и человечества в целом¹². В 1977 г. под его редакцией был издан сборник «Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР»¹³, авторский коллектив которого сформулировал ряд проблемных вопросов, сохраняющих актуальность и в современных условиях, обратился к сюжетам о влиянии войн XX в. на брачность и продолжительность жизни, о динамике численности населения и снижения смертности в СССР, а также о предпосылках «демографической революции». Особо стоит отметить статьи Б.Н. Миронова, М.С. Тольца и А.Г. Вишневого, посвящённые анализу демографических процессов в пореформенной и предреволюционной России: исследователи отмечали, что демографическое поведение крестьянского населения и городских низов оставалось глубоко традиционным,

⁸ Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) // История СССР. 1980. №5. С. 115-130; Кожурин В.С., Погодин С.А. Изменение численности городского населения СССР в 1939-1979 гг. // История СССР. 1980. №6. С. 133-137; Козлов В.И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) // История СССР. 1991. №5. С. 3 – 17; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. 136 с.

⁹ Сымонович Ч.Э. Советская деревня в 50-80-е гг. (взаимосвязь экономического и политического развития) // Вопросы истории. 1988. №2. С. 42-60.

¹⁰ См., например: Послевоенные переписи населения. Сборник статей. М., 1957. 343 с.

¹¹ Борисов В.А. Демография: Учебник для вузов. М., 1999. С. 44.

¹² Вишневский А.Г. Демографические процессы в СССР // Вопросы философии. 1973 №2; Он же. Демографическая революция. М., «Статистика». 1976. 239 с.

¹³ Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. 247 с.

признаки перехода к современной модели воспроизводства лишь зарождались (в репродуктивной сфере), начало интенсивной фазы демографического перехода приходилось, таким образом, на годы социалистической реконструкции российского общества¹⁴. По мнению А.Г. Вишневого, снижение рождаемости и заметное увеличение продолжительности жизни населения СССР в послевоенные годы свидетельствовали о вступлении страны в решающий этап демографического перехода. В историографии получила развитие и другая интерпретация социально-демографических перемен. О.М. Вербицкая оценивала сокращение рождаемости на рубеже 1940-1950-х гг. как проявление серьезного демографического кризиса¹⁵.

В исследованиях 60-70-х гг. были сформулированы вопросы, сохраняющие актуальность и в современных условиях, историки впервые обратились к сюжетам о влиянии войн XX в. на брачность и продолжительность жизни, о динамике численности населения и снижения смертности в СССР, о миграциях сельского населения в первые послевоенные годы, а также о предпосылках «демографической революции», которая рассматривалась как закономерная и прогрессивная¹⁶.

В середине-второй половине 1980-х гг. наблюдалось расширение проблематики исследований за счёт таких сюжетов, как голод 1946-1947 гг., проблема достоверности и репрезентативности данных всесоюзных переписей населения, демографические последствия Великой Отечественной войны и политических репрессий¹⁷. Важным событием стало издание очередного, 4-го тома «Истории крестьянства СССР»,

¹⁴ Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83-104; Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Там же. С. 105-135; Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Там же. С. 138-154.

¹⁵ Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) // История СССР. 1980. №5. С. 125-128.

¹⁶ Сифман Р.И. Интервалы между рожденьями и между вступлением в брак и первым рождением // Изучение воспроизводства населения. М., 1968. С. 107–133; Она же. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979. С. 50–60; Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения. М., 1968. С. 171–183; Вербицкая О.М. Основные факторы миграции и их влияние на изменение численности колхозного населения в 1946–1950 гг. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 93–103.

¹⁷ Среди наиболее интересных работ назовём следующие: Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг. // История СССР. 1991. №4. С. 3 – 19; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. №3. С. 84-104; Земсков В.П. Спецпоселенцы (по документам НКВД/МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3-27.; Кваша А.Я. О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне // СО-ЦИС. 1989. №1. С. 60-66.; Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? // История СССР. 1991. № 11. С. 21-25.

где впервые в обобщённом виде был представлен обширный фактический материал, характеризующий численность, половозрастной состав и социальный облик сельского населения РСФСР второй половины 1940-х – 1950-х гг.¹⁸ В 1988 году коллективом авторов Института социологии АН СССР была подготовлена и опубликована другая комплексная работа – «Население СССР за 70 лет», обобщившая наработки советских исследователей¹⁹. При всех несомненных достоинствах обобщающих трудов они имели один существенный недостаток – достаточно бедную источниковую базу, что прекрасно осознавали члены авторских коллективов, отмечавшие фрагментарность статистических данных²⁰. Тем не менее, опираясь на опубликованные (официальные) статистические данные, исследователи сумели определить основные тенденции развития народонаселения СССР в предвоенные десятилетия и послевоенные годы: значительное увеличение смертности в первой половине – середине 1930-х гг., интенсивное снижение рождаемости в 1930-1950-е гг. и младенческой смертности в военный и, особенно, в послевоенный период, эволюцию брачно-семейных структур и отношений.

До конца 1980-х гг. направления и формы изучения послевоенной истории Калининградской области были вполне типичными для советской историографии и краеведения: недоступность подавляющей части архивных документов и отсутствие реальной свободы в выборе методологии побуждали исследователей обращаться к традиционным сюжетам – истории областной партийной организации, колхозно-совхозной системы, культурного строительства. Проблемы демографической и социальной истории региона практически не разрабатывались, за исключением отдельных сюжетов, связанных с заселением сельских районов области, которые, как правило, выступали в роли второстепенных, периферийных в публикациях по краеведческой тематике²¹.

¹⁸ История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М., Наука, 1988. 395 с.

¹⁹ Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. 216 с.

²⁰ Там же. С. 120, 214. В заключении к монографии академик Л.Л. Рыбаковский подчёркивал, что издание «готовилось в период ограниченного доступа к статистическим данным о населении» и выражал надежду на то, что «те, кому доведётся писать книгу о населении СССР через 5-10 лет, будут располагать принципиально иными информационными возможностями и станут очевидцами результатов начавшегося улучшения демографического развития СССР». Там же. С. 214.

²¹ В качестве наиболее интересных публикаций, в которых, так или иначе, затрагивалась социальная тематика, следует назвать несколько работ калининградских историков: Гальцова С.П. Основные

В советский период в области было опубликовано только два специальных исторических исследования, посвященных проблемам *формирования населения* Калининградской области, и оба они принадлежали Э.М. Колгановой – одному из первопроходцев в изучении советской истории края. Статьи «Заселение Калининградской области» (1962 г.) и «Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа» (1974 г.) – стали крупным вкладом в изучение заселения региона²². Написанные на основе *открытых* документов Областного переселенческого отдела и партийного архива обкома КПСС, статьи впервые дали характеристику переселенческих кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг., собранные автором анкеты переселенцев позволили провести исследование, направленное на выявление причин переезда в Калининградскую область из других регионов СССР²³. Автору удалось рассмотреть процесс заселения на широком историческом фоне, показать значение «миграционных достижений» для развития хозяйства, образовательного и культурного потенциала молодой области.

Материалы архивного фонда основателя исторического факультета КГУ, профессора Г.П. Жидкова свидетельствуют о том, что выдающийся историк-аграрник осознавал важность социально-демографической тематики в раскрытии особенностей развития калининградского села и, совместно с А.П. Лисовым, готовил рукопись монографии под рабочим названием «Калининградский земледелец вчера и сегодня: историко-социологический очерк»²⁴. К сожалению, рукопись так и осталась незавершенной, однако именно Г.П. Жидковым была намечена обширная программа всесто-

этапы развития сельского хозяйства Калининградской области (1945-1980) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1985. С. 27-34; Гордеев И.А. Военные совхозы и их роль в становлении социалистического сельского хозяйства Калининградской области (1945-1947) // Северо-Запад аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 84-93; История края (1945-1950). Калининград, 1984. 120 с.

²² Колганова Э.М. Заселение Калининградской области // Ученые записки КГПИ. Калининград, 1962. Вып. 8. С. 154-175; Её же. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии. Калининград, 1974. С. 34-64.

²³ Неопубликованные варианты статей, а также анкеты переселенцев-колхозников и рабочих совхозов, хранятся в личном фонде Э.М. и И.П. Колгановых в Государственном архиве Калининградской области (далее – ГАКО). См. ГАКО. Ф. 20, Оп. 1, Д. 4, 5. К сожалению, Э.М. Колгановой оказались недоступны документы областного статистического управления, а также соответствующие фонды центральных архивов, в то время засекреченные. В связи с этим, некоторые выводы и наблюдения, сделанные Энергией Макарьевной, позднее были пересмотрены отечественными исследователями, в частности Ю.В. Костяшовым.

²⁴ ГАНИКО. Ф. 4511. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-130.

ронного анализа реалий социально-культурной жизни областного крестьянства, в которой не последнее место занимали проблемы изменения численности, состава и миграционной подвижности сельского населения.

Определённый вклад в изучение региональной историко-демографической проблематики внесли калининградские географы и социологи²⁵. Однако, экономико-географические исследования, изданные в 1970-1980-е гг., во-первых - рассматривали преимущественно миграционные процессы 1960-1980-х гг., и, во-вторых – анализировали их исключительно в качестве фактора промышленного и сельскохозяйственного развития области.

Бурные социально-политические процессы первой половины 1990-х гг., демократизация общественной жизни и государственного управления, массовое рассекречивание архивных фондов (ЦСУ и Госплана СССР, НКВД/МВД, СНК/Совмина), расширение контактов с зарубежными учёными способствовали превращению недавнего демографического прошлого в один из приоритетных объектов внимания исследователей. Начался *второй этап* развития исследований социально-демографических процессов в СССР, главными особенностями которого стали ослабление политико-идеологического контроля и появление возможности создавать научные реконструкции, опираясь на недоступные ранее источники.

Знаковым явлением в развитии научных представлений о народонаселении СССР и России стала публикация ряда обобщающих работ, основанных на солидной источниковой базе. В 1990-е гг. вышли в свет монографии, подготовленные авторским коллективом в составе Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой²⁶, на страницах которых были представлены не только извлечённые из засекреченных ранее фондов статистические показатели, рассчитанные на их основе демографические коэффициенты (рождаемости, смертности и т.д.), но и критический анализ официальной демографической статистики 1930-1970-х гг., опубликованных результатов все-союзных переписей населения.

²⁵ См., например, Поспелов К.А. Влияние миграции на формирование и использование трудовых ресурсов в отдельном регионе // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. Калининград: Изд-во КГУ, 1977. С. 19-32; Федоров Г.М. Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области // Там же. С. 100-108.

²⁶ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922-1991. М., 1993; Они же. Демографическая история России: 1927-1959. М., 1998.

Более обстоятельный анализ демографической составляющей российской модернизации Новейшего времени был дан коллективом сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством А.Г. Вишневого в монографии «Демографическая модернизация России. 1900-2000»²⁷. Монография подводит итог многолетних исследований, содержит массу фактического материала, в том числе и статистических данных, архивные источники которых оказались, по различным причинам, для нас недоступны. Важными достоинствами работы являются её аналитический характер, информационная насыщенность, компаративистский подход к рассматриваемым сюжетам, целостный взгляд на противоречивый путь, освоенный населением России в истекшем столетии.

Итогом активной научной деятельности другого авторского коллектива – сотрудников Института Российской истории РАН (Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, В.М. Кабузан, Н.А. Араловец, В.Н. Земсков, А.И. Репинецкий и др.) – стали многотомные исторические очерки «Население России в XX веке». Второй том издания посвящён социальной и демографической истории 1940-х – 1950-х гг.²⁸

В процессе подготовки обобщающих коллективных трудов, изданных в 1990-2000-е гг., был введён в научный оборот колоссальный объём статистической информации, представлена общенациональная динамика основных демографических процессов, численности населения, определены факторы и направления эволюции советского (российского) социума, дана характеристика демографической политики советского руководства, выявлена специфика трансформации половозрастной, брачной, семейной структур, взаимосвязь «демографической модернизации» и конкретно-исторических явлений.

В постсоветский период предпринимались небезуспешные попытки рассмотрения историко-демографических сюжетов в рамках комплексного анализа советского периода отечественной истории. Впервые изданное в 1998 г., переизданное в 2010 г., исследование А.Г. Вишневого «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР», стало важной вехой на пути к тесному междисциплинарному диалогу в изучении советского «демографического опыта»²⁹. Автор – известный отечественный

²⁷ Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

²⁸ Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт., т. 2. 1940-1959. М., 2001.

²⁹ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. 433 с.

демограф – попытался (и безуспешно) проанализировать важнейшие направления эволюции российского социума, присущих ему социальных и демографических структур, матримониального и репродуктивного поведения населения. Вывод А.Г. Вишневого, в целом, оптимистичен: несмотря на «консервативный» (и, как следствие – ограниченный) сценарий модернизации, реализовавшийся в советское время, разрыв с ведущими странами Запада был заметно сокращён, что сформировало предпосылки для успешной конкуренции с ними в будущем. Демографическая модернизация «по-советски», в значительной степени ограничивавшая свободный индивидуальный выбор человека, вместе с тем изменила условия воспроизводства населения, частной жизни людей, способствовала «заполнению социальной «середины», создала условия для формирования полноценного «среднего класса».

За два с половиной постсоветских десятилетия были изданы многочисленные статьи и монографии, затрагивающие отдельные аспекты демографической истории СССР, такие, в частности, как: взаимовлияние социальных миров города и деревни, демографические последствия Великой Отечественной войны, ускоренной модернизации и массовых репрессий³⁰, социально-правовое положение колхозного крестьянства и аграрная политика советского руководства³¹, организованная и стихийная миграция сельского населения в первые послевоенные годы³², сложные взаимоотношения индивида, коллектива и государственной власти в рамках советской социально-правовой системы.³³ Объектом серьёзного научного изучения стали массовые обще-

³⁰ Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. №1. С. 135-146; Бугай Н.Ф. 20-50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. №4. С. 175-185;

³¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008; Безнин М.А., Демони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. №3. С. 81-99; Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. №3. С. 109-125.

³² Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939-1959 гг.: проблемы демографического развития. М., ИРИ РАН. 2002; Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // Вопросы истории. 2003. №2. С. 138-147; Горбачев О.В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945-1985 гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва, 2003. 472 с.

³³ Жидкова Е.М. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950-60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. М., 2008. С. 266-289; Лебина Н.Б. Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950-1960-е годы // Там же. С. 255-265.

ственные настроения, ментальность советского человека³⁴, которые рассматриваются как один из определяющих факторов его демографического поведения, голод 1946-1947 гг. и его влияние на смертность, рождаемость и миграционную активность советского крестьянства³⁵.

Комплексную характеристику социально-демографического развития сельского населения РСФСР и отдельных регионов республики содержат монография и докторская диссертация О.М. Вербицкой³⁶, в которой прослеживается эволюция основных составляющих естественного движения населения села, выявлены качественные изменения военного периода и послевоенных лет. Не теряют популярности и традиционные историко-демографические темы: численность населения, динамика рождаемости и смертности, в том числе младенческой, трансформация половозрастной структуры и проблема старения населения³⁷.

Таким образом, в современной российской историографии и демографии проблематика численного и структурного развития российского общества во второй половине 1940-х – 1950-е гг. представлена значительным количеством исследований, в которых на основе междисциплинарного подхода, в целом, реализована задача создания достоверной научной картины эволюции населения РСФСР в послевоенный период. Наиболее активно в современной науке разрабатываются проблемы, связанные

³⁴ Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. №2. С. 121-135; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. 265 с.; Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.) // Отечественная история. 1995. №5. С. 45-59; Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. №4. С. 99-108; Зубкова Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. №3. С. 90-100; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. 232 с.

³⁵ Зима В.Ф. Голод, медицина, власть: 1946-1947 годы // Отечественная история. 2008. № 1. С. 117-126; Кондрашин В.В. Голод 1946-1947 гг. в России и Украине: общее и особенное // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 130-137; Попов В.П. Голод и государственная политика (1946-1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. №6. С. 60-71; Репинецкий А.И. «Никому мы не нужны». Голод 1946-1947 гг. в Куйбышевской (Самарской) области // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 106-109.

³⁶ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2002. 416 с.; Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939-1959 гг. М., 2002. 318 с.

³⁷ Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. Тула, 2009; Араловец Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 55-62; Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. №10. С. 76-94; Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 350-357; Жиромская В.Б. Война и старение российского населения // Российская история. 2010. № 4. С. 46-55.

с воздействием войны и голода 1946-47 гг. на естественный ход трансформации воспроизводства населения, миграционными перемещениями различного характера, трансформацией брака и семьи. Целый ряд проблем и сюжетов требуют дальнейшей конкретизации, абсолютные и относительные показатели – уточнения, однако на сегодняшний день сформирована внушительная фактическая и методическая база, позволяющая вести дальнейший научный поиск, в том числе – на уровне отдельных регионов.

На рубеже 1980-х-1990-х гг. берёт начало новый (современный) этап развития *региональной историографии*.

В Калининградской области его стартовым моментом можно считать создание Ассоциации устной истории и начало реализации ею исследовательского проекта «Переселенцы»³⁸. Итогом проекта стала публикация на немецком, польском и русском языках коллективного труда, изданного в России (в 2002 и 2003 гг.) под названием «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»³⁹, в котором впервые в обобщённой и систематизированной форме массовому читателю была представлена обстоятельная характеристика организации переселения, хозяйственной деятельности и быта переселенцев.

Отличительными признаками периода стали расширение проблематики исследований и источниковой базы (за счёт рассекреченных документальных комплексов областных и центральных архивов), формирование историко-демографического направления в рамках областной историографии и начало подлинно научного изучения социально-демографической истории региона, интенсивные научные контакты с историками из Литвы, Польши, ФРГ.

Новаторский характер носили опубликованные в 1990-е гг. исследования доктора исторических наук, профессора Ю.В. Костяшова, посвящённые депортации немецкого населения с территории Калининградской области и заселению региона в 1946 –

³⁸ Ассоциация была создана в 1988 г. на историческом факультете Калининградского государственного университета. Подробнее см.: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2-е изд., исп. и доп. Калининград, 2003. С. 3-8.

³⁹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003. 336 с.

начале 1950-х гг.⁴⁰ В дальнейшем им были впервые опубликованы и проанализированы данные о численности и естественном движении населения во второй половине 1940-х гг., о национальной структуре переселенческих контингентов, о масштабах стихийной эмиграции (т.н. «обратничества»), а также подготовлен и издан ряд работ о различных аспектах организации переселенческих кампаний и обустройства новых жителей молодой области, об эволюции государственной политики по вопросам интеграции региона в советскую социально-экономическую и политическую систему⁴¹.

Широко используя демографическую статистику, материалы ведомственного делопроизводства, информационные документы, интервью первых переселенцев, Ю.В. Костяшов реконструировал количественные и структурные (качественные) параметры заселения области, существенно (почти в 2 раза) расширил перечень административных образований – регионов выхода переселенцев, убедительно обосновал тезис о высокой миграционной подвижности как городского, так и сельского населения (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.), впервые обратился к воздействию голода 1947 г. на демографическое и социальное развитие области.

Важный вклад в изучение послевоенного социального и демографического развития Калининградской области внесли и некоторые другие преподаватели, научные сотрудники калининградского университета (сегодня – Балтийский федеральный

⁴⁰ Костяшов Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186-188; Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82-88;

⁴¹ Костяшов Ю.В. Секретные документы отдела спецпоселений МВД СССР о заселении Калининградской области в 1946 г. // Проблемы источниковедения и историографии. Калининград, 1999; Его же. О естественном движении населения в Калининградской области в 1946-1950 гг. // Проблемы исторических и философских наук. Калининград, 2000; Его же. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945-1950-гг.) // Национальные отношения в Новое и Новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000; Его же. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946-1951 гг. // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 227 – 236; Его же. На колхозном собрании: штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 132-138; Его же. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 211-219; Его же. «Желающих переселиться мало...». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Вып. 6. С. 61-68; Его же. Особенности заселения Калининградской области и формирования её трудового потенциала // Материалы международной конференции «Социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря». Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 299-316. Большая часть вышеперечисленных статей и некоторые другие работы были опубликованы автором в 2009 г. в виде очерков. См. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945-1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.

университет им. И. Канта): профессор Г.В. Кретинин, доценты В.Н. Маслов и Е.А. Маслов. В статьях Г.В. Кретицина и В.Н. Маслова рассматривается многогранная деятельность советских военных комендатур и других чрезвычайных органов власти 1945-1947 гг., в том числе по обеспечению продовольственного и медицинского обслуживания немецкого населения, прибывающих из республик и областей СССР переселенцев, даётся оценочная численность немецкого населения Кёнигсберга накануне штурма⁴².

В статьях и диссертационном исследовании Е.А. Маслова проблема заселения региона рассматривается в контексте формирования религиозной структуры его населения⁴³. Автором был мобилизован внушительный массив демографической статистики, изучены миграционные потоки, выявлен удельный вес различных административных субъектов РСФСР, БССР и УССР в структуре регионов выхода переселенцев, сделан вывод о «типичности» переселенцев как представителей регионов выхода, а также о том, что область пополнялась жителями преимущественно «православных и, что очень важно, обладавших высокой степенью религиозности населения территорий»⁴⁴. Некоторые аспекты социального развития калининградского села и миграционного движения населения, в том числе проблема использования хуторов для раз-

⁴² Кретинин Г.В. История Восточной Пруссии и Калининградской области – состояние и перспективы научных исследований. //Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып. 1; Его же. Военные комендатуры Кёнигсбергского особого военного округа в 1945-1946 гг. //Вестник РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 12. С. 55-62; Он же. Ещё раз о военных комендатурах Кёнигсбергского особого военного округа в 1945-1946 гг. //Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 12. С. 88-93; Его же. Проблема идентичности калининградцев //Калининградский социум в европейском измерении. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 50-93; Его же. О численности немецких войск и гражданского населения Кёнигсберга во время его штурма 6-9 апреля 1945 г. //Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 50-66; Маслов В.Н. Сельскохозяйственная деятельность советской военной комендатуры Кёнигсберга в 1945 г. //Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005; Его же. Хозяйственная деятельность военной комендатуры Хайнрихсвальдского района Особого военного округа в 1945 – начале 1946 года //Калининградские архивы. – Калининград: Изд-во И.П. Мишуткина И.В., 2008. С. 110-116; Его же. Временное гражданское управление Особого Военного округа (1945-1946 гг.) // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 67-76; Его же. Продовольственный вопрос в деятельности советской военной комендатуры Кёнигсберга в 1945 г. //Вестник КГУ. 2003. Вып. 2. С. 47-52.

⁴³ Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения //Балтийские исследования: Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 17-33; Его же. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Калининград, 2004.

⁴⁴ Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения. С. 27.

мещения советских граждан, половозрастные и социокультурные характеристики переселенцев «первой волны» рассматривались также в статьях И.А. Гордеева, М.Г. Шендерюк и Н.В. Живенок⁴⁵.

Интенсивным перемещениям населения, происходившим на территории края в первые послевоенные годы, были посвящены соответствующие главы обобщающих работ по истории Восточной Пруссии и сельского хозяйства Калининградской области, написанные М.А. Клемешевой и Ю.В. Костяшовым⁴⁶. Правовое и материально-бытовое положение немецкого населения края, организация переселения немцев в советскую зону оккупации Германии стали предметом внимания А.В. Филатова и В.Н. Пацериной⁴⁷. В рамках чрезвычайно популярного сегодня микроисторического жанра написана монография Л.А. Ефремова, в которой рассматривается процесс заселения и дальнейшего социального развития отдельно взятого посёлка области (Мельниково, Зеленоградского р-на)⁴⁸.

В 1990-2000-е гг. продолжалась деятельность калининградских географов по изучению населения области, результатом которой стала публикация монографии Г.М. Фёдорова, а также защита диссертации о системе сельского расселения области⁴⁹. Предметом исследования в кандидатской диссертации И.П. Ким стала государственная политика, направленная на интеграцию и развитие присоединённых после

⁴⁵ Гордеев И.А. Хутора и их жители на территории Калининградской области в первые послевоенные годы //Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1997. С. 68-75; Его же. Создание материально-технической базы сельского хозяйства Калининградской области в 1946-1950 гг. //Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2001. С. 64-75; Шендерюк М.Г. Социальный портрет переселенца //Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 180-184; Живенок Н.В. Миграция: теория и современность (региональный аспект) //Вопросы истории России. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 80-91.

⁴⁶ Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца второй мировой войны: Ист. Очерки. Документы. Материалы. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1996. Гл. 12, 13; Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград: Янтарный сказ. 2002. Гл. 14; История сельского хозяйства Калининградской области /отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. С. 39-45.

⁴⁷ Филатов А.В., Пацерица В.Н. Население Северо-Восточной Пруссии после Второй Мировой войны. Правовой анализ. Часть 1. Переселение или изгнание? Правовые предпосылки и последствия. Калининград. ООО Промышленная типография «Бизнес-Контакт», 2001. 224 с.

⁴⁸ Ефремов Л.А. История Рудау-Мельниково. Калининград. ИП Мишуткина И.В., 2006. 320 с.

⁴⁹ Фёдоров Г.А. Население Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 2001; Левченков А.В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата географических наук. Калининград, 2005. 194 с.

второй мировой войны к СССР территорий⁵⁰. Диссертация, основанная преимущественно на архивных материалах, содержит компаративный анализ принципов, нормативной базы и конкретных мероприятий по заселению Калининградской и Сахалинской областей во второй половине 1940-х гг.

В современной региональной историографии на достаточно высоком научном уровне разработан ряд сюжетов истории народонаселения Калининградской области. В частности – исследованы нормативная база и организация переселенческих кампаний, выявлены половозрастная и национальная структура переселенческих континентов, в значительной степени изучен процесс материально-бытовой и социокультурной адаптации советских переселенцев. Региональная историография существенно обогатилась новыми подходами, концепциями и выводами.

В то же время за пределами внимания учёных остались такие важные аспекты истории населения, как изменение интенсивности и структуры основных демографических процессов в середине-второй половине 1950-х гг., характер и эволюция заболеваемости, специфика демографического развития Калининградской области в сопоставлении с другими регионами РСФСР и некоторые другие. Необходимо отметить и то, что устойчивый интерес историков обращён на период становления и интенсивного заселения области (прежде всего – на вторую половину 1940-х гг.), что порождает необходимость расширения хронологических рамок исследования с целью выявления среднесрочных тенденций.

Исследовательская деятельность калининградских историков соответствовала общероссийской тенденции активизации региональных исследований по социально – демографической проблематике. С демографической историей отдельных регионов РСФСР в 2000-е – начале 2010-х гг. связали темы своих диссертационных исследований Л.В. Геращенко, А.С. Мухортов, Г.И. Большакова, О.В. Ильина, А.А. Мальцев⁵¹.

⁵⁰ Ким И.П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после второй мировой войны: Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова: 1945 - первая половина 1949 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 2010. 255 с.

⁵¹ Геращенко Л.В. Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке в 1940-1953 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009; Мухортов А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941-1950 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2010; Большакова Г.И. Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940-1960-е годы // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И.

В современной зарубежной историографии отдельные аспекты истории населения Калининградской области также стали предметом научного изучения. Немецких и литовских исследователей интересуют преимущественно судьба «калининградских немцев» и проблемы заселения края, а также процесс «встраивания» региона в советскую социально-экономическую и социально-культурную систему. Особо хотелось бы отметить монографии и статьи П. Бродерзена,⁵² В. Фробарта⁵³, Ф. Тера⁵⁴, А. Арбушаускайте⁵⁵, в которых затрагиваются различные аспекты социальной и социокультурной истории области.

В целом, за последние двадцать пять лет была проделана внушительная работа по изучению и переосмыслению истории населения края, прежде всего – её демографических и социокультурных аспектов, однако обозначенные выше особенности современной историографии свидетельствуют о сохранении широких возможностей для исследовательского поиска.

Объектом исследования в диссертации является население Калининградской области второй половины 1940-х – 1950-х гг., которое рассматривается как демографическая общность и часть советского (союзного и российского) социума.

Канта, 2008. С. 42-46. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне европейского Севера России в 1940 - 1950-е годы. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2010; Мальцев А.А. Демографические процессы в российской деревне в 1946 - 1959 гг. (на материалах Среднего Поволжья). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Самара, 2012.

⁵² Brodersen P. Enttäuschte Hoffnungen. Kaliningrader Industriearbeiter und die Neubesiedlung des nördlichen Ostpreußen in der sowjetischen Nachkriegszeit (1945-1953) // Berichte und Forschungen. Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Mitteleuropa. Bd. 10. Oldenburg, 2002. S. 117-143 (1. Teil); Bd. 11. Oldenburg, 2003. S. 7-46 (2. Teil); Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. 367 S.; Он же. «Позови меня тихо по имени...»: кампания переименований в Калининградской области в 1946-1950 гг. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 201-210.

⁵³ Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945-1990. Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz, 2001. 297 S.

⁵⁴ Тер Ф. Этнические чистки в балтийском регионе во время и после Второй мировой войны и их современные последствия // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время. Калининград, 2004. С. 220-233.

⁵⁵ A. Arbusauskaite, Karaliauciaus-Kaliningrado srities civiliu gyventoju padetis 1945-1951 metais. In. Klaipedos ir Karaliauciaus krastu XVI-XX a. istorijos problemos, Acta Historica Universitatis Klaipedensis VIII. – 2001. – p. 91-124; A. Arbusauskaite, Soviet Occupation of former East Prussia: Konigsberg-Kaliningrad and Klaipeda In: The Baltic Countries under occupation: soviet and nazi rule 1939-1991/ Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia.– 23. – Ed. Annu-Mai Koll, Akademityck AB, 2003. – P. 17-49; A. Arbusauskaite, “Kaliningrado vokieciu” klausimo issprendimas: Lietuva, 1951- ieji In: Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII, Klaipeda: KU, 2009. P. 207-230.

В качестве **предмета исследования** выступает *комплекс демографических структур, процессов, явлений и показателей*, характеризующих население области, а также *факторы его формирования и развития*. Под демографическими структурами в диссертации понимаются структуры населения, непосредственно связанные с его воспроизводством: половая, возрастная, брачная и семейная. Под демографическими процессами – важнейшие составляющие воспроизводства населения: рождаемость, смертность, брачность и разводимость. Показатели представлены как абсолютными (количество демографических событий – рождений, смертей, численность населения), так и относительными (коэффициентами и др.) величинами. Таким образом, в сфере внимания находятся факторы, направления и динамика демографического развития региона, численность, половозрастная структура, уровень рождаемости и смертности, брачность и разводимость, заболеваемость населения.

Цель исследования – выявить основные факторы и тенденции демографического развития Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах в контексте общероссийских демографических процессов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

- выявить и охарактеризовать основные общенациональные и региональные факторы, влиявшие на процесс формирования и эволюции населения Калининградской области в исследуемый период;
- проанализировать процесс заселения области, оценить его роль в демографическом развитии региона;
- выявить динамику численности и половозрастного состава населения области;
- проследить динамику рождаемости, установить её факторы, выявить основные изменения репродуктивного поведения населения;
- определить динамику смертности, её факторы и возрастную структуру;
- провести анализ брачности и разводимости населения;
- определить региональные особенности развития населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг., значение рассматриваемого периода в контексте демографической истории Калининградской области.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину 1940-х и 1950-е гг. Нижняя грань определяется образованием области в составе РСФСР и началом её массового заселения, верхняя – сближением основных областных демографических показателей со средними для РСФСР, завершением периода ярко выраженного «демографического своеобразия» области. В истории самой западной российской области современные исследователи выделяют период заселения области (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.), на изучение которого и направлены основные усилия региональной историографии. Это объясняется как непреходящим значением данного периода областной истории, высокой «плотностью» событийного ряда первых послевоенных лет, так и влиянием «архивной революции» 1990-х гг. Вместе с тем, исследование демографических процессов не должно ограничиваться периодом становления области. В 1950-е гг. население области вступило в новый, более спокойный, но не менее важный этап своего развития, определивший главные направления эволюции областного социума вплоть до конца XX века.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам Калининградской области, определенным административными актами 1946-1947 гг.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование осуществлено на основе принципов объективности и историзма, системности и целостности. Посредством принципа историзма анализируются изучаемые явления в процессе их возникновения, развития, изменения. Принципы системности и целостности позволяют рассматривать демографические характеристики и процессы как части особой подсистемы советского общества, тесно связанной с другими его элементами, население Калининградской области – как сложную, открытую социально-демографическую систему.

При написании работы, использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, классификация и другие), специальные исторические (сравнительно-исторический, историографический, историко-генетический), статистико-демографические методы. Поставленные исследовательские задачи, объект и предмет исследования предполагают использование междисциплинарного подхода и применение статистико-демографических методов при работе с данными демографической и медицинской статистики. В работе представлены результаты расчетов общих коэф-

фициентов рождаемости и смертности, брачности, разводимости, ряд других коэффициентов, позволяющих проследить основные изменения демографической ситуации. Несмотря на широкое использование методов и понятийного аппарата демографии, диссертация является *конкретно-историческим исследованием* и направлена на уточнение и конкретизацию научной картины послевоенного прошлого области.

Теоретическую основу диссертации составили современные концепции развития населения, демографического перехода (революции), демографической модернизации, эпидемиологического перехода. Развитие населения представляет собой сложный процесс его количественных и качественных изменений, трансформацию структуры, естественного и миграционного движения под влиянием конкретно-исторических факторов. Основное содержание демографического перехода (революции) сводится к смене типов воспроизводства населения, переходу к новому равновесию рождаемости и смертности: от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. В СССР теория демографического перехода впервые была использована в работах А.Я. Кваши, в дальнейшем широко была представлена в исследованиях А.Г. Вишневого⁵⁶, который и предложил новое понятие, отражающее сущность трансформации российского социума в XX веке – «демографическая модернизация»⁵⁷. Содержание демографической модернизации России составляет совокупность изменений ключевых демографических процессов и явлений – рождаемости, смертности, брачности, заболеваемости, разводимости и сопутствующих им прокреативного (репродуктивного), матримонимального, семейного поведения людей. На этом пути Россия следовала тем же путём, что и западный мир, однако интенсивность и конкретная траектория движения определялись социально-культурной спецификой и конкретно-историческими условиями, в том числе – сильнейшими социальными катаклизмами XX в., демографическими катастрофами. Концепция эпидемиологического перехода предполагает переход от преобладания экзогенных к доминированию эндогенных причин смерти, т.е. к радикальному изменению структуры смертности, а также снижение показателей

⁵⁶ Кваша А.Я. Этапы демографического развития СССР // Факторы рождаемости. М., 1971. С. 28; Интересно, что выражение «демографическая революция» ещё в 1925 г. употребил советский демограф А.П. Хоменко, а в 1929 г. – польский исследователь Л. Радзинович. См. Демографическая модернизация России, 1900-2000. М., 2006. С. 10.

⁵⁷ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

смертности, укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни населения. К его проявлениям относится трансформация структуры заболеваемости: сокращение доли «архаичных» патологий (прежде всего инфекционных заболеваний) и рост удельного веса хронических недугов (болезни сердечно-сосудистой системы, онкологические заболевания и т.д.).

Автор исходит из признания многофакторности и неоднозначности демографического развития России и Калининградской области в исследуемый период, придерживается методологической установки на непредвзятое изучение и объективную оценку как определённых достижений демографической политики государства, так и очевидных её изъянов, рассматривает основные тенденции эволюции населения региона как закономерные и, в целом, прогрессивные.

Источниковая база. Корпус опубликованных источников по теме исследования, благодаря работе калининградских историков и архивистов, за последние годы был существенно расширен⁵⁸. Тем не менее, основу настоящего исследования составили *неопубликованные источники* – материалы Государственного архива Калининградской области (ГАКО), Государственного архива новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), в том числе ранее не вводившиеся в научный оборот.

Формирование населения Калининградской области, его количественное и структурное развитие во второй половине 1940-х – 1950-е годы было связано с деятельностью целого ряда государственных и партийных инстанций районного, областного, республиканского и союзного уровней, большинство из которых (Совет Министров СССР, Госплан, обком ВКП(б)-КПСС, облисполком и др.) оказывали существенное влияние на демографические процессы (формируя основы демографической политики, регулируя миграционные потоки, создавая нормативно-правовые, культурно-идеологические и материально-экономические предпосылки для развития области), другие – выступали в роли проводников государственной воли или фиксировали

⁵⁸ В советский период было издано несколько небольших документальных сборников, однако социально-демографическая тематика на страницах этих изданий была представлена слабо. В 1990-2000-е гг. количество публикаций документов существенно возросло. Не последнюю роль в это сыграло издание периодического сборника «Калининградские архивы».

статистические показатели. Фонды данных учреждений (органов власти, организаций) и были выбраны для дальнейшего изучения.

В РГАСПИ: Ф. 17 (Центральный комитет ВКП(б). В ГАРФ: Ф. 9401 (Особая папка И.В. Сталина); Ф. 327 (Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР). В РГАЭ: Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, далее ЦСУ СССР); Ф. 5675. Главное переселенческое управление при Министерстве сельского хозяйства СССР; Ф. 4372 (Государственная плановая комиссия при Совете Министров СССР, далее – Госплан СССР). В ГАКО: Ф. 90 (Калининградское областное отделение всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний); 180 (фонд уполномоченного Госплана СССР); 181 (Статистическое управление Калининградской области Центрального статистического управления Госплана при Совете Министров СССР, далее – Облстатуправление); 183 (Калининградский областной переселенческий отдел); 232 (Калининградское Областное Управление по делам литературы и издательств, далее – Обллит); 233 (Калининградский областной отдел здравоохранения, далее – Облздравотдел); 297 (Калининградский облисполком); 298 (Управление по гражданским делам Кёнигсбергской – Калининградской области); 332 (Управление по гражданским делам при Военном совете Особого военного округа); 462 (Отдел народного образования Калининградского облисполкома). В ГАНИКО: Ф. 1 (Калининградский обком партии). Кроме того были просмотрены личные фонды: в ГАКО - фонд 20 (Э.М. и И.П. Колгановы), в ГАНИКО – фонд 4511 (Г.П. Жидков).

Видовая принадлежность выявленных архивных источников весьма разнообразна. В общем виде их классификация может быть представлена следующим образом: статистические источники, делопроизводственная документация, законодательно-нормативные документы.

Основную группу источников составили *статистические источники* – материалы текущего учета населения и единовременных обследований. Статистические данные, характеризующие численность, состав, динамику населения отложились в документах самых различных ведомств и учреждений, государственных и партийных инстанций. Однако лидируют по масштабам представленных данных фонды Областного статистического управления ЦСУ СССР, Областного переселенческого отдела,

временных управлений по гражданским делам, а также фонды центральных архивов (ГАРФ, РГАЭ).

Статистические данные, характеризующие численность, состав, динамику населения (демографическая статистика) отложились в документах самых различных ведомств и учреждений, государственных и партийных инстанций. Однако лидируют по масштабам представленных данных фонды Областного статистического управления ЦСУ СССР, Областного переселенческого отдела, временных управлений по гражданским делам, а также фонды центральных архивов (ГАРФ, РГАЭ).

Наибольшей стройностью и репрезентативностью отличаются документальные комплексы, сформированные в процессе деятельности Областного статистического управления, образованного 21 июля 1946 года приказом ЦСУ Госплана Совета Министров СССР за № 611. Первоначально штат сотрудников управления составлял 29 человек. Кроме этого, в области были созданы 3 городские инспектуры госстатистики (Калининградская, Тильзитская, Инстербургская), 14 районных и 4 сельских инспектуры. Управление, начиная с 1946 года, вело учёт населения, фиксируя показатели естественного и механического движения. С 1949 г. ежегодные отчёты Облстатуправления становятся более подробными и информативными, приобретают типовую структуру.

В послевоенные годы происходило восстановление (в Калининградской области – становление) системы учёта населения. Наиболее полно и точно учитывались демографические события (рождения, смерти, браки) в жизни городского населения, поскольку регистрацию этих событий вели загсы, находившиеся в ведении НКВД СССР. В связи с тотальной паспортизацией населения Калининградской области система контролируемых и учётных мероприятий НКВД была распространена и на сельское население. Вместе с тем, статистика рождаемости и смертности, учёт численности населения в 1946-1947 гг. находились в стадии формирования, что не могло не влиять на репрезентативность отразившихся в статистических документах данных. В 1956 г. функции регистрации актов гражданского состояния были переданы в ведение исполкомов местных Советов.

Демографическая статистика, мобилизованная при работе над темой, представлена следующими видами документов:

- годовые отчёты по приёму и устройству переселенцев;
- сводки (единовременные отчёты) о составе сельского населения – фиксируют половозрастной состав сельского населения по семи категориям (0-9, 10-19, 20-29, 30-39, 40-49, 50-59, 60 и старше лет); шкала возрастных категорий ориентирована на учёт трудовых ресурсов села⁵⁹. Основой для составления сводок послужили материалы деятельности районных и городских инспектур Облстатуправления. Сводки предоставляют ценные данные, характеризующие состав сельского населения. По городскому населению подобных сводок не составлялось.

- расчёты численности населения области;
- статистические разработки естественного и механического движения населения;
- ежегодные отчёты Облстатуправления – представляют собой наиболее полные документальные статистические комплексы, в которые включались обстоятельные данные о естественном движении населения, в том числе – о возрастной структуре смертности, о возрасте матери при рождении первого и последующих детей, о продолжительности браков и возрасте разводящихся и т.д.

Статистические материалы, отложившиеся как в областных, так и в центральных архивах не лишены противоречий, которые можно обнаружить даже в документах, предоставляемых одной и той же государственной структурой (переселенческим отделом, облисполкомом). Вместе с тем, близкое знакомство с документами Областного статистического управления не даёт нам оснований упрекать его руководство или рядовых сотрудников в намеренной фальсификации, искажении данных. В приказах и разъяснениях руководителей управления содержатся чёткие инструкции, направленные на повышение качества деятельности инспектур и отделов, обоснованная критика и замечания, которые свидетельствуют о реальном стремлении областных статистиков к более полному и точному учёту.

Медицинская статистика представлена конъюнктурными обзорами инфекционной заболеваемости населения, отчётными данными о родовспоможении, оказании хирургической помощи, развитии сети медицинских учреждений.

⁵⁹ Подобные сводки (единовременные отчёты) впервые были составлены по распоряжению ЦСУ СССР в 1943 г., для учёта трудовых ресурсов тыловых и освобождённых от оккупации сельских районов страны.

При работе над темой диссертации также использовались данные, полученные в ходе проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. и частично опубликованные в 1961-1963 гг. Первая послевоенная перепись, в отличие от двух предыдущих – 1937 и 1939 гг. - проводилась без определяющего диктата руководства страны и была направлена на возможно более точное определение фактической величины населения СССР, союзных республик, отдельных регионов. Материалы переписи содержат важнейшие статистические сведения, которые, тем не менее, должны использоваться в сочетании с другими источниками (в частности – материалами текущего учёта населения). Несмотря на некоторое несовершенство структуры переписных листов (отсутствие вопроса о количестве детей и т.д.), опубликованные переписные данные позволяют не только дать характеристику городскому и сельскому населению области к концу 1950-х гг., но и сопоставить структурные параметры областного социума и населения РСФСР, а также отдельных регионов республики.

Сотрудники статистических управлений, переписчики и инспектора успешно справились с подготовкой масштабной переписи, которая позволила прояснить или уточнить основные демографические параметры населения области. Кроме того, подготовка и реализация переписных мероприятий побудили руководство и персонал областного статистического управления провести обстоятельную проверку делопроизводства и организации текущего учёта населения, результатом которой стало упорядочение учётной документации и повышение профессионального уровня персонала⁶⁰.

Статистические результаты Всесоюзной переписи населения 1959 г. признаны как советскими, так и современными российскими исследователями репрезентативными и заслуживающими доверия⁶¹. Высокая степень надёжности результатов переписи подтверждается и сравнением её итоговых результатов и материалов текущей статистики Облстатуправления за 1958-59 гг.

Делопроизводственная документация представлена как распорядительной (приказы начальников Облздравотдела, Облстатуправления и т.д.), так и информационно-справочной (справки, протоколы, акты, межведомственная переписка) документаци-

⁶⁰ ГАКО. Ф. 181. Оп. 16. Д. 12. Л. 3-18; Д. 23. Л. 34-39.

⁶¹ Вместе с тем, некоторые современные исследователи высказывают сомнения в высокой точности переписи и предлагают различные поправочные коэффициенты для коррекции её статистических итогов. См. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М.: Информатика, 1998. Гл. 1-3.

ей, к которой можно отнести и т.н. «информации», содержащие ценные сведения о настроениях населения.

С конца 20-х до конца 50-х годов в Советском Союзе не функционировали публичные социологические службы, все сведения о настроениях населения были отнесены к категории секретной информации. Поэтому исследователи истории советского общества 30-50-х годов не имеют в своём распоряжении ни данных социологических опросов, ни, в традиционном смысле этого слова, мониторингов общественного мнения. Однако власти, безусловно, интересовались умонастроениями граждан. Информация такого рода отслеживалась достаточно регулярно и докладывалась представителям власти, как местной, так и центральной. Сбором информации о настроениях населения занимались в той или иной форме различные государственные и общественные организации, но в первую очередь – партийные органы и специальные подразделения органов внутренних дел и государственной безопасности: для них такого рода деятельность была обязательной и постоянной⁶². В фонде обкома партии ГАНИКО сохранились «информации» горкомов и райкомов ВКП(б) «о морально-политическом настроении трудящихся области». «Информации», представляющие собой оперативные сводки, содержали высказывания жителей области по различным вопросам социально-экономического развития области, международного положения СССР, бытовым проблемам. Партийные сводки о настроениях трудящихся являлись периодическим секретным документом. Вместе с тем, в случае организации массовых идеологических акций и кампаний проводился дополнительный «мониторинг». Так, например, в ноябре 1952 г. в калининградский обком поступил комплекс материалов «о высказываниях трудящихся в связи с опубликованием сообщения ТАСС об аресте группы врачей-вредителей». «Информации» районных и городских партийных организаций строились по единой схеме: в первую очередь – констатация позитивных настроений, идеологической и политической грамотности; затем – «отдельные нетипичные случаи» (следствие слабости массово-разъяснительной работы или некомпетентности отдельных служащих государственного аппарата).

При работе над темой диссертации широко использовались и *опубликованные* источники различного характера. Особое место среди документальных *публикаций*

⁶² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 6-8.

принадлежит составленному В.Н. Масловым сборнику «В начале нового пути»⁶³, в котором помещены разнообразные документы чрезвычайных органов управления, действовавших на территории Особого военного округа и в период формирования Калининградской области, в том числе нормативного и директивного характера, а также статистические и делопроизводственные материалы. Документы сопровождаются обширными примечаниями и комментариями составителя, которые сами по себе выступают ценнейшим источником фактических данных.

Законодательно-нормативные документы включают нормативно-правовыми акты правительства (СНК, Совета Министров СССР и РСФСР), советских органов власти союзного, республиканского, областного, районного уровней (Президиум Верховного Совета СССР, РСФСР, облисполком, райисполкомы Калининградской области), директивные решения партийных структур (ЦК ВКП(б)-КПСС, бюро обкома, райкомов). К данной группе относятся указы, постановления, распоряжения, решения по вопросам заселения области, её социально-экономического и культурного развития, в том числе опубликованные ранее⁶⁴.

Имеющиеся в распоряжении автора источники позволяют произвести анализ демографического развития населения области в рассматриваемый период. Вместе с тем, источниковая база исследования не лишена недостатков, которые представляются вполне объективными и закономерными: во-первых – данные демографической и медицинской статистики за 1946-1947 гг. явно неполные, нередко – противоречивые, а значит, могут использоваться с известной долей осторожности; во-вторых – в источниках крайне фрагментарно представлена информация о численности и половозрастном составе городского населения; в третьих – в интересующий нас период в статистическом описании областного населения отсутствовали некоторые важные для полноценного демографического анализа параметры (данные о среднем размере семьи, о количестве детей в семье, о национальности вступающих в брак и т.д.).

⁶³ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / Сост. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во ИП Мишуткиной И.В., 2004. 400 с.

⁶⁴ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / Сост. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во ИП Мишуткиной И.В., 2004.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования определяются тем, что в диссертации впервые предпринята попытка комплексной разработки малоизученных аспектов демографической истории Калининградской области второй половины 1940-х – 1950-х гг. В частности:

- в ходе проведенного исследования выявлены основные общенациональные и региональные факторы формирования и демографического развития населения Калининградской области, осуществлён их анализ;

- результаты переселения советских граждан в Калининградскую область, специфика «переселенческих контингентов» рассмотрены в качестве важного фактора её демографического развития в 1950-е годы;

- реконструированы тенденции и динамика эволюции половозрастной структуры населения, ключевых демографических процессов – рождаемости, смертности, брачности, разводимости на протяжении всего рассматриваемого периода;

- в научный оборот введены новые архивные документы, проведён комплексный анализ демографической статистики второй половины 1940-х – 1950-х гг.

- в диссертации впервые прослеживается эволюция половозрастной структуры и естественного движения населения области в контексте общенациональных процессов послевоенной демографической компенсации, эпидемиологического и демографического переходов.

Практическое значение диссертации состоит в возможности использования полученных результатов в дальнейшем изучении истории Калининградской области и РСФСР, в преподавании общих курсов по региональной и отечественной истории, а также специальных курсов по исторической демографии и социальной истории.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Формирование и развитие населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг. происходило под влиянием ряда общенациональных и региональных факторов. К важнейшим факторам первой группы следует отнести демографические и социально-экономические последствия Великой Отечественной войны и голода 1946-1947 гг., послевоенную демографическую компенсацию, мероприятия социальной политики. К ключевым региональным факторам относятся: миграционный характер складывания регионального социума, становление и развитие област-

ной системы социального обеспечения, прежде всего - здравоохранения, присутствие на территории региона крупных военных контингентов, немецкого населения (до его депортации в 1947-1949 гг.), приграничное положение области, особенности региональной экономики. Эти факторы определили основные направления социально-демографической истории области в рассматриваемый период.

2. Массовое заселение края во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сыграло исключительную роль в его социальном развитии. В результате плановой и стихийной иммиграции сформировались национальная, половозрастная, социальная структуры областного социума, а также своеобразная система сельского расселения. Переселенческий характер области обусловил ряд особенностей её демографического развития, связанных с характером воспроизводства, половозрастной структурой, подвижностью и брачной активностью населения. В середине 1950-х гг. механический прирост уступил первенство естественному приросту, ставшему основным фактором увеличения численности населения.

3. Демографическую структуру населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. определяли в основном последствия Великой Отечественной войны и результаты миграционных процессов. Половозрастная структура эволюционировала в сторону её нормализации, однако к концу 1950-х гг. соотношение полов в наиболее пострадавших от войны возрастных группах оставалось неблагоприятным. К концу рассматриваемого периода Калининградская область по соотношению полов в большинстве возрастных групп была существенно ближе к областям российского Центра, чем к типологически родственной (переселенческой) Сахалинской области. Старение населения, ставшее заметной тенденцией демографического развития России в послевоенный период, на территории Калининградской области было выражено слабо.

4. Динамика рождаемости в области прошла через периоды непрерывного роста (1946-1949 гг.), стабилизации (1950-1954 гг.), снижения (1955-1959 гг.). Общие коэффициенты рождаемости на всём протяжении рассматриваемого периода (кроме 1959 г.) были значительно выше средних по РСФСР, по регионам российского Центра и Северо-Запада. Важную роль в воспроизводстве населения играла внебрачная рождаемость, являвшаяся следствием половозрастного дисбаланса. В 1950-е гг. в области

получило распространение массовое регулирование рождаемости, что стало одним из факторов её быстрого снижения. Благоприятное соотношение рождаемости и смертности способствовало сохранению высоких показателей естественного прироста и стабильному воспроизводству населения.

5. На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. в Калининградской области сохранялся высокий уровень смертности. Голод 1946-1947 гг. вызвал двукратный рост относительных показателей смертности гражданского населения, в 1948-1949 гг. произошла стабилизация показателей, в середине-второй половине 1950-х гг. наблюдалось двукратное снижение общей и младенческой смертности. Важнейшими факторами этого процесса были успехи областного здравоохранения, улучшение материально-бытовых условий жизни, снижение миграционной активности. Причины смертности эволюционировали от преобладания экзогенных, к нарастанию доли эндогенных факторов.

6. До начала 1950-х гг. для Калининградской области была характерна сверхвысокая брачная активность населения, чему способствовал более молодой, чем в среднем по РСФСР состав населения. В 1950-е гг. показатели брачности существенно сократились, произошли изменения в её структуре, заметной тенденцией стало увеличение количества разводов.

7. Демографические процессы на территории Калининградской области в целом повторяли направления их развития в РСФСР. Основные направления эволюции половозрастной структуры, рождаемости и смертности, брачно-семейных структур и отношений, заболеваемости были аналогичны общероссийским. Однако темпы, интенсивность и сценарии демографических изменений имели ряд особенностей. Значение рассматриваемого периода в демографической истории Калининградской области состоит в том, что это было время формирования её населения, время наиболее интенсивных перемен с последующей стабилизацией демографической подсистемы и сближением её с типичными для большинства областей РСФСР моделями.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы обсуждались на кафедре истории России Балтийского федерального университета им. И. Канта. Результаты исследования были представлены на конференциях и семинарах, в том числе международных, а также отражены в двадца-

ти семи статьях, четыре из которых опубликованы в научных журналах, входящих в перечень ВАК Министерства высшего образования и науки РФ.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, а также списка источников и литературы, приложений. Во введении определяется научная актуальность темы, ее хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, дается обзор источников и историографии по изучаемой проблеме. Разделение диссертации на главы и параграфы произведено по проблемно-тематическому принципу и корреспондирует с поставленными задачами. В заключение диссертационного исследования подводятся итоги и делаются общие выводы о специфике демографического развития Калининградской области в рассматриваемый период.

Особенности заявленной темы обусловили наличие в составе диссертации значительного количества таблиц. Наиболее важные из них помещены в текст основной части, вспомогательные – вынесены в приложение.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

1.1. Общенациональные факторы демографического развития Калининградской области в период её интенсивного заселения

Калининградская область, являясь частью РСФСР и СССР, развивалась в русле процессов общегосударственного значения. В условиях жёсткой централизации управления экономикой, социальной сферой, общественно-политической жизнью регионов страны, «мнение» и распоряжения «партии и правительства» играли определяющую роль в принятии тех или иных решений на областном уровне. Однако воздействие «центра» на различные аспекты жизни области было опосредовано разнообразными объективными обстоятельствами, долговременными факторами, порождёнными самим историческим процессом.

Население области сложилось в результате целенаправленного и стихийного заселения северной части Восточной Пруссии. Вместе с тем развитие формирующейся социальной общности протекало под воздействием демографических и социальных тенденций, характерных для населения РСФСР, всего советского общества, подчиняясь региональным (европейским) и мировым закономерностям. Переселенцы, составившие основу населения области, привозили с собой не только семьи, имущество и надежды, но и сложившиеся на их малой родине стереотипы демографического поведения, культурные традиции. На новом месте привычный уклад жизни, уже исковерканный недавней войной, подвергался новым испытаниям. Постоянный приток в область новых групп переселенцев, наличие практически у всех жителей области родственников в РСФСР и других союзных республиках, общность языка, культуры, единое экономическое, информационное и образовательное пространство, идеологическое «поле» делали невозможным обособление региона, соединяя его, напротив, бесчисленным множеством связей (от экономических до ментальных) с остальной территорией СССР.

В связи с этим, анализу демографических структур и тенденций следует предпослать обзор важнейших факторов общенационального масштаба, воздействие кото-

рых на население Калининградской области возможно проследить, используя имеющуюся в распоряжении автора демографическую статистику. Соответствующие статистические показатели (рождаемости, смертности и т.д.) по РСФСР или СССР, а также отдельным регионам будут, в основном, приводиться во 2-3 главах настоящего исследования, в данном параграфе речь пойдёт об основных тенденциях эволюции российского населения.

Демографическая модернизация – важнейшая составляющая российского исторического процесса в Новейшее время. Включая в себя демографический и эпидемиологический переходы, она была следствием социально-экономических, политических, духовно-культурных сдвигов в развитии российского общества и, в свою очередь, фактором этих сдвигов. Поскольку Россия вступила на путь демографического перехода значительно позднее, чем США и большинство стран Западной и Центральной Европы, модернизация носила, во многом, «догоняющий», но вместе с тем и «консервативный» характер, обусловленный спецификой демографической политики государства.

Было бы некорректным связывать трансформацию демографических структур и процессов исключительно с советским периодом отечественной истории. Бурное развитие капиталистических отношений в Российской империи в последние десятилетия XIX – начале XX в., как свидетельствуют исследования российских и зарубежных историков, стало катализатором демографических перемен. Начавшаяся индустриализация, ускорившаяся урбанизация, эмансипация крестьянства, столыпинские преобразования в деревне, развитие земского здравоохранения и постепенное повышения уровня грамотности широких слоёв населения рассматриваются в историографии как важные предпосылки и факторы социальной эволюции: разложения сословной структуры общества, снижения показателей смертности и т.д. Вместе с тем, на пути к современной модели воспроизводства населения решающими оказались четыре десятилетия, последовавшие за грандиозными революционными потрясениями 1917 года.

Среди важнейших экзогенных факторов этого перехода зачастую называют государственную демографическую политику, однако это представляется не совсем корректным. Исследования современных российских учёных свидетельствуют о том, что российское общество в советский период активно использовало различные спосо-

бы, позволяющие обойти нормативные требования государства, сопротивлялось реализации социально-демографических программ. Так, пронаталистские меры, принимаемые правительством в послевоенные годы, оказались успешными прежде всего за счёт демографической компенсации, а борьба с абортами протекала крайне неэффективно. В связи с этим обстоятельством демографическая политика выступает в роли важного, но далеко не первостепенного фактора трансформации населения. Гораздо более ощутимым было воздействие *урбанизации* и т.н. *демографических катастроф*.

Сюжеты, связанные с процессом урбанизации СССР и РСФСР получили обстоятельное освещение в историографии⁶⁵, поэтому выскажем лишь несколько общих замечаний. Массовый приток сельского населения в города разрушал традиционную для села модель семьи и демографического поведения, вовлекал женщину в индустриальное производство и сферу услуг, объективно повышал её экономический статус, способствовал росту горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Разумеется, этот процесс протекал постепенно и, в зависимости от региона страны, имел различную интенсивность. Однако влияние урбанизации несомненно: она была важнейшим и обязательным условием формирования новой социокультурной (городской) среды и перехода к современной модели воспроизводства населения.

Отдельного внимания заслуживают *демографические катастрофы* и, прежде всего, наиболее масштабная из них – Великая Отечественная война.

Крупнейшая трагедия века внесла серьёзные коррективы в процесс развития народонаселения СССР и РСФСР. В СССР за период войны было мобилизовано более 31 млн. человек, что вместе с состоящими на военной службе к 22 июня 1941 даёт колоссальную численность призванных в ряды ВС – свыше 34 млн. человек (в том числе около 490 тыс. женщин). Безвозвратные потери вооружённых сил Советского Союза за годы войны составили 11,9 млн. человек (учитывая 939,7 тыс. пропавших без вести)⁶⁶. Демографические потери советских вооружённых сил исчисляются со-

⁶⁵ См., например: Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 1. 1920-1939. М., РОССПЭН, 1999. Гл. VI-VIII; т. 2. гл. V-XI; Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 33-64, 124-171.

⁶⁶ Безвозвратные потери применительно к вооружённым силам отражают общую численность убитых, умерших от ран, болезней и других факторов, пропавших без вести, попавших в плен.

временными исследователями, как минимум, в 9,2 млн. человек⁶⁷. Подавляющее большинство погибших (74%) составляли молодые люди в возрасте до 35 лет (в том числе около 40% - возрасте до 25 лет)⁶⁸.

Огромными были и санитарные потери среди советских военнослужащих. По донесениям войсковых соединений потери советских войск составили 18,3 млн. человек, в том числе 15,2 млн. раненых и контуженых. Однако по данным военно-медицинской статистики, масштабы этих потерь были значительно больше – около 22,3 млн. человек. Возможно, расхождение в оценках санитарных потерь объясняется тем обстоятельством, что многие военнослужащие, пройдя курс лечения, возвращались в строй и, соответственно, не покидали списки частей и соединений.

Согласно документам Нюрнбергского процесса на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг. было уничтожено 9,8 млн. человек, в том числе, на территории РСФСР - 1,8 млн. человек⁶⁹. На работы в Германию было насильственно вывезено 5,2 млн. человек, из них 2,1 млн. погибли или умерли за пределами государственной границы СССР⁷⁰. Общие демографические потери населения СССР оцениваются в пределах 26-27 млн. человек.

Сложнее всего обстоит дело с оценкой демографических потерь сельского населения: поскольку подавляющее большинство жителей села не имели паспортов, исследователи вынуждены опираться на данные учёта населения, предоставлявшиеся сельсоветами, которые сотрудниками ЦСУ СССР признавались неполными. Кроме того, война и послевоенное восстановление вызвали массовые перемещения населения, что ещё более затрудняет подсчёты. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что сельское население РСФСР и СССР понесло в результате войны более значительные потери, чем городское⁷¹. Эти потери фактически оказались невоспол-

⁶⁷ В литературе встречаются и другие цифры. Так, авторы сборника «Россия и СССР в войнах XX в.» оценивают демографические потери советских вооружённых сил в 8 688 400 человек, отмечая при этом, что не включали в демографические потери призванных по мобилизации в первые дни войны и пропавших без вести до прибытия их в воинские части (около 500 тыс. человек). См. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 236.

⁶⁸ Там же. С. 237.

⁶⁹ В границах 1941 г. Население России в XX в. Т. 2. М., 2001. С. 48-50.

⁷⁰ Там же С. 50.

⁷¹ На 1 января 1940 г. сельское население СССР составляло 131,1 млн. человек (68% всего населения), на 1 января 1951 г. – 111, 5 млн. (61%). Горбачев О.В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945-1985 гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва, 2003. С. 105.

нимыми: в то время как население страны в целом восстановило свою довоенную численность к 1954 г. (по другим расчётам – к 1953 г.), доля сельского населения к этому времени сократилась на 11%. Сильно пострадало сельское население центральной России – в том числе будущие «регионы выхода» переселенцев в Калининградскую область. Так, на 1 января 1947 г. численность сельского населения Московской области составляла 77,1% от показателей 1939 г., Смоленской – 63,1%, Брянской – 80%, Ярославской – 71,6%, Калининской – 58,5%, Калужской – 71,1%. Более благоприятная ситуация сложилась в Рязанской (91,4%) и Орловской (95,9%) областях⁷².

Наиболее пострадали возрастные группы, где мужчины в 1941-1943 гг. находились в призывных возрастах. Даже в 1959 г. на 1000 человек городского населения РСФСР в возрасте 35-39 лет (в 1941 г. – 17-21 год) насчитывалось мужчин – 385, женщин – 615; 40-44 года (в 1941 г. – 22-26 лет) – 401 и 599 соответственно; 45-49 лет (в 1941 г. – 27-31 год) – 399 и 601; 50-54 года (в 1941 г. – 32-36 лет) – 381 и 619. Для последующих возрастных групп (55 лет и старше) также был характерен более чем двукратный численный перевес женщин (для группы от 70-ти лет и старше – почти трёхкратный). В наиболее активных брачных возрастах (20-35 лет) диспропорция к концу 50-х гг. была менее заметна: представителям этих категорий на момент начала войны было от 2-х до 16-ти лет, их мужская часть в массовом порядке в вооружённые силы не призывалась вплоть до 1943 г. Тем не менее, повышенная смертность детей и подростков, особенно мальчиков, в военное время обусловила наличие диспропорций и в этих возрастных группах (в пределах 4-16%)⁷³.

Важнейшим последствием войны стало значительное ослабление здоровья её современников и участников, а также их потомков, что проявилось в характере заболеваемости и росте смертности, сокращении продолжительности и интенсивности послевоенного периода повышенной рождаемости. Война оказала огромное деформирующее влияние на половозрастную структуру населения, что привело к появлению огромного количества неполных семей, росту показателей внебрачной рождаемости и её интенсивному снижению, особенно после завершения демографической компенсации.

⁷² Там же. С. 106.

⁷³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 338, 342; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 225.

На здоровье детей послевоенных лет рождения отражались и перенесённые их родителями ранения и нервные стрессы. В.Б. Жиромская отмечает, что у детей, чьи родители получили в период войны контузию, с раннего возраста фиксировались сердечнососудистые заболевания, у тех, чьи родители переболели различными инфекционными заболеваниями, часто встречались болезни крови и обмена веществ. На сегодняшний день недостаточно изучено влияние экологических последствий Второй мировой войны, однако негативное влияние этих последствий на здоровье современников военных событий, не подвергается сомнению⁷⁴.

Тяжелейшим испытанием для населения ряда регионов РСФСР стали засуха и *голод 1946-1947 гг.* – последняя демографическая катастрофа советского периода. Особенно тяжёлыми были последствия засухи 1946 г. для сельского населения⁷⁵. Все городское население – рабочие, служащие, иждивенцы – получали по карточкам небольшие нормы хлеба, небольшое количество продовольствия горожанам удавалось приобрести в системе общественного питания предприятий, рыночной торговли. Однако ни один из «городских» источников продовольствия колхознику доступен не был. На трудодни во многих колхозах хлеб не выдавался, не оправдалась надежда на личное подсобное хозяйство, обложенное большими поставками животноводческой продукции⁷⁶.

Данные, опубликованные И.М. Волковым и В.Ф. Зимой, свидетельствуют, что страшные последствия засухи сказались не только в регионе, охваченном этим стихийным бедствием. В тяжёлом положении оказалось сельское население ряда областей Нечерноземья, не получавших продовольственной помощи (как не пострадавшие от засухи). К весне 1947 г. колхозники этих областей (Кировской, Горьковской и т.д.) стали собирать оставшийся с прошлого года картофель, колосья. Однако употребление их в пищу зачастую вызывало тяжёлые заболевания, нередко со смертельным ис-

⁷⁴ Жиромская В. Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., РОССПЭН. 2009. С. 351; Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. И. Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики // Там же. С. 380-402.

⁷⁵ По мнению В.П. Попова, деревня и город в равной степени пострадали от голода и его последствий, однако село «труднее выходило из кризиса». По мнению учёного, это было связано с тяжёлыми условиями жизни в колхозной деревне, оттоком сельского населения в город и общим сокращением трудовых ресурсов села. Попов В.П. Голод и государственная политика (1946-1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 65-70.

⁷⁶ Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг. // История СССР. 1991. №4. С. 12.

ходом. Многочисленные факты дистрофии среди сельского населения отмечались в Архангельской, Новгородской, Вологодской, Костромской и других областях РСФСР, Украинской и Молдавской ССР⁷⁷. По оценкам В.Ф. Зимы жертвами голода стали около 1 млн. человек, однако, с учётом косвенных и отдалённых последствий длительного недоедания, часто выражавшихся в виде хронических заболеваний, следует признать эту оценку предварительной.

Демографическая политика в первой половине – середине XX в. прошла в своём развитии несколько этапов, каждый из которых был связан с переосмыслением основных направлений государственного регулирования брачно-семейных отношений, рождаемости и других составляющих демографической политики⁷⁸.

Основные направления эволюции российской (советской) семьи в первой половине XX в. были во многом предопределены общим характером модернизации, превращавшей страну из аграрной в промышленную, из сельской в городскую. С древнейших времён и до 1722 года регистрация браков в России осуществлялась исключительно церковью, а с 1722 г. и на протяжении почти двух веков (до 1917 г.) заключение браков регулировалось и церковными, и светскими нормами права. Усиление роли «светской составляющей» на протяжении этого времени способствовало популяризации идей гражданского брака, т.е. брачного союза, созданного без участия церкви. В дореволюционный период традиционная отечественная модель семьи неоднократно становилась объектом критики и «слева», и «справа». Однако продуманной, комплексной политики в отношении семьи и брака (подобной более поздней советской) не существовало. В значительной степени регуляторами брачно-семейных отношений выступали традиционные этические нормы, религиозные каноны, веяния моды (в городской среде).

Семья – как социальная система – является фундаментом общества, выполняет функции социализации молодого поколения, трансляции культурных ценностей,

⁷⁷ Там же. С. 14, 15.

⁷⁸ В данной диссертации термин «демографическая политика» используется для обозначения целенаправленной деятельности государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. В широком смысле демографическая политика иногда отождествляется с политикой народонаселения, в узком – рассматривается как одна из её составляющих, наряду с регулированием условий занятости и труда, уровня жизни и т.д. См. Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. М., Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.

норм, идеалов, во многом формирует отношения человека к власти. Не случайно именно семья стала предметом пристального внимания советской власти, начиная с 1917 г. В развитии политики в отношении семьи и брака советского периода (до начала 1960-х гг.) можно выделить три этапа.

Первый (1917 – середина 1930-х гг.) связан с попытками демонтажа прежней, традиционной семейной модели. Взгляды советских идеологов на семью отличались крайним разнообразием, однако до конца 1920-х гг. преобладало стремление к обновлению семейной организации, фактически – к разрушению её прежней модели. Н.И. Бухарин в работе «Теория исторического материализма» (1921 г.) убеждал читателей в неизбежности исчезновения «и проституции, и семьи», после окончательного исчезновения частной собственности и угнетения женщины. Ещё радикальнее высказывался агитатор В. Кузьмин (1928 г.): «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи как органа угнетения и эксплуатации»⁷⁹. Вопрос об «отмирании» старого брака (по аналогии с «отмиранием» государства) при переходе к коммунизму, казался многим идеологам того времени уже решённым, обсуждению подлежали лишь частности – темпы, формы, условия⁸⁰.

Наряду с проектами социалистического переустройства семьи, в первые годы советской власти были приняты важные нормативные акты, направленные на секуляризацию брака и семейных отношений: декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), Семейный кодекс РСФСР (1918 г.). Проект декрета о гражданском браке был составлен выдающейся феминисткой и революционеркой и первым в русской истории женщиной-послом А.М. Коллонтай⁸¹. Согласно новым положениям права, все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов (церковный брак, отныне объявлялся «частным делом брачующихся»), лишь гражданская форма регистрации брака рассматривалась как обязательная. В 1926 г. был принят новый Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, который продолжил линию на либерализацию института бра-

⁷⁹ Цит. по. Демографическая модернизация России, 1900-2000. М., Новое издательство, 2006. С. 78.

⁸⁰ Казьмина О.Е., Пушкарёва Н.Л. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. М., Новое литературное обозрение, 2004. С. 188.

⁸¹ Первый зарегистрированный советскими органами власти брак в новой России был как раз браком А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко. Там же. С. 189.

ка: устранялись все ограничения, связанные со вступлением в брак (национальные, религиозные и т.д.), устанавливалось равноправие супругов, уравнивались в правах дети, рождённые в браке и вне брака. Лица, состоявшие в незарегистрированном браке, были уравнены с зарегистрированными супругами в праве на совместно нажитое имущество и на получение алиментов. Были описаны доказательства, подтверждающие наличие незарегистрированного брака. Изменились и условия расторжения брака. Уже Семейный кодекс 1918 г. ввёл в действие упрощённую и ускоренную процедуру развода – как по обоюдному согласию, так и по заявлению одного из супругов. Кодекс законов о браке 1926 г. свёл бракоразводный процесс к простой формальности – для регистрации развода достаточно было обращения в органы ЗАГС одного из супругов (второй получал извещения о разводе по почте), объяснения причин расторжения брачного союза не требовалось. Подобная политика способствовала быстрому вытеснению церковного брака и распространению незарегистрируемых брачных отношений. В целом, нормативное регулирование брачно-семейных отношений на первом этапе нанесло серьёзный удар по традиционному браку, вело к дефамилизации советского общества, не способствуя, в то же время, утверждению либеральной (западной) семейной модели.

Второй этап (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) был связан с резким усилением государственного вмешательства в семейно-брачные отношения. Иной вариант был маловероятен: исчезновение или резкое снижение реального влияния традиционных регуляторов семейного (матримониального) поведения – церкви, общины, повышение социальной мобильности сельского населения – привели к тому, что единственным субъектом такого регулирования могло быть государство. Идея свободы выбора формы брачных отношений была забыта, её место заняла идея семейного долга. Теории отмирания семьи при социализме и свободы отношений между полами, разрабатываемые в 20-е годы, были объявлены «политически вредными», дальнейшая теоретическая работа в этом направлении была свёрнута. Наиболее заметными шагами по наращиванию влияния государства на семейно-брачные отношения следует признать постановление СНК СССР 1936 г. о запрещении аборт⁸², которое также

⁸² Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных до-

предусматривало усиление уголовного наказания за неплатёж алиментов и изменение законодательства о разводах: устанавливался обязательный вызов в ЗАГС обоих разводящихся супругов, вводилась соответствующая отметка в паспорте, и увеличивалась государственная пошлина⁸³. После Постановления 1936 года развод окончательно перестал считаться частным делом и обсуждение вопроса о сохранении брака стало всё чаще выноситься на общие собрания профессиональных коллективов и партийных или комсомольских ячеек.

Великая Отечественная война усилила покровительственное начало в брачно-семейной политике. 21 ноября 1941 г. впервые вводился налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. было закреплено привилегированное положение официального (зарегистрированного) брака: отныне только он порождал права и обязанности супругов. Наличие брачных отношений определялось только их официальной регистрацией. Дети, рождённые вне брака, не могли получить фамилию отца, даже в случае признаваемого отцовства. Одновременно указ 1944 года ужесточил процедуру развода: вводился судебный порядок, при котором стало обязательным указание мотивов развода, а в удовлетворении заявления могло быть отказано. Предусматривалась публичность судопроизводства с предварительным объявлением о разводе в местной печати. В 1947 г. были запрещены браки с иностранными гражданами.

Оценивая причины, побудившие власть к созданию наиболее жёсткой за весь советский период системы государственного регулирования семейно-брачных отношений, необходимо отметить их прагматический характер. Крайняя «либерализация» вступления в брак и расторжения брачных отношений, наблюдавшаяся в период НЭПа и в первой половине 1930-х гг. привела к кризису семьи, падению нравственного облика советского общества. Социально-экономические преобразования конца 1920-х – 1930-х гг., курс на построение социализма «в отдельно взятой стране», смена культурных ориентиров (движение от сугубо классовых к национальным приорите-

мов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

⁸³ При втором разводе она в 3 раза превышала размеры выплат при первом, при третьем и последующих – в 6 раз. Наряду с запрещением аборт, одним из первых «директивных» актов советской власти по «наведению порядка» в сфере семейно-брачных и половых отношений было принятое 1 апреля 1934 года дополнение к статье 154 (154-а) уголовного кодекса, карающее за гомосексуальные отношения. Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 91.

там), нарастание угрозы масштабной войны требовали сплочения общества, в том числе и на уровне отдельной семьи. Нарастание консервативных тенденций в политике сталинского руководства в 30-е годы не могло не затронуть и сферу семейных отношений. Колоссальные демографические потери, вызванные голодом 1932-1933 гг. и Великой Отечественной войной, стали дополнительным стимулом к укреплению брака и семейной организации общества.

Сущностной характеристикой третьего этапа, начало которому было положено в 1954-55 гг. (легализация аборта), стало постепенное ослабление государственного участия в регулировании семейно-брачных отношений. Однако процедура развода была упрощена только в 1965 г., а в 1969 г. был принят новый Кодекс о браке и семье РСФСР, закреплявший юридические «послабления». Вместе с тем не следует сбрасывать со счетов и активную критику бракоразводных процессов в советской прессе, воздействие развода на «моральный облик» хозяйственного или номенклатурного работника.

Таким образом, на протяжении большей части рассматриваемого в настоящей работе периода, брак и семья подчинялись достаточно жёсткому правовому регулированию, развод был затруднён, а формальный статус и авторитет официального брака – чрезвычайно высоки.

Отечественное общество сравнительно поздно вступило на путь сознательного *ограничения рождаемости*. По мнению авторов фундаментального исследования «Демографическая модернизация России, 1900-2000», дореволюционная Россия (и городская, и сельская) была «очень мало подготовлена к снижению рождаемости, хоть тем, хоть иным способом». Само стремление ограничить рождаемость расценивалось как «буржуазность», постыдная расчётливость, недостойная «широкой русской души». На уровне крестьянского мироощущения, зачатие ребёнка, беременность, воспринимались как проявления божественной воли, препятствовать которой считалось греховным. В Российской империи искусственный аборт был запрещён и считался тяжким преступлением. Между тем, проблема распространения искусственного аборта существовала и в дореволюционное время, преимущественного в городской среде.

В 1920 г. искусственный аборт был легализован (произведённый только врачом и только в больнице). Примечательно, что Россия намного опередила западные страны – они вступили в полосу полной легализации аборта лишь в 60-70-е годы. После легализации количество аборт среди городского населения резко возросло, на селе этот процесс проходил гораздо медленнее. 27 июня 1936 г. было принято постановление СНК СССР, запрещающее аборт, что привело к увеличению доли внебольничных (криминальных) аборт. В РСФСР создавались социально-правовые кабинеты по борьбе с абортами, одной из задач которых являлась «организация патроната» женщин, которым было отказано в производстве аборт по медицинским показаниям. Постановление 1936 г. также вводило систему денежных пособий для многодетных матерей (начиная с 7-го ребёнка).

Великая Отечественная война привела к огромным демографическим потерям, что вызвало ряд мер, направленных на восстановление численности населения страны. Наряду с мощной пропагандистской кампанией в прессе предпринимались и конкретные нормативно-правовые шаги. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. намечались дополнительные меры, стимулирующие рождаемость. Беременным женщинам, согласно указу полагалось дополнительное продовольственное снабжение (паёк), что было весьма актуально в условиях военного лихолетья и послевоенной разрухи. Единовременное пособие (в 400 руб.) выдавалось отныне при рождении третьего (а не седьмого, как ранее) и каждого последующего ребёнка, также вводилось ежемесячное пособие одиноким матерям. Женщинам, имеющим троих детей, при рождении четвёртого полагалось единовременное пособие (1300 руб.) и ежемесячная выплата (80 руб.), при рождении пятого ребёнка единовременное и ежемесячные пособия возрастали, соответственно, до 1700 и 120 руб. и т.д. Ежемесячное пособие выдавалось многодетной матери, начиная со второго года жизни ребёнка, и выплачивалось в течение 3-х лет. Указом также вводилось почётное звание «Матери-героиня», для многодетных женщин предусматривались награждения орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства». К концу 1950-х гг. пособия от государства получало свыше 7 млн. многодетных и одиноких матерей⁸⁴. Даже принимая во

⁸⁴ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2002. С. 318.

внимание небольшой размер выплат, а также задержки, возникавшие при оформлении пособия и получении денег, стоит признать, что декларативные действия власти по стимулированию рождаемости были дополнены конкретными финансово-экономическими мероприятиями.

Несмотря на послевоенный подъём рождаемости, отмеченный во всех без исключения регионах РСФСР, на рубеже 1940-х-1950-х гг. официальная статистика фиксировала и постоянный рост аборт, подавляющее большинство составляли внебольничные (незаконные, самовольные) аборты. Осознание серьёзных перемен в репродуктивном поведении населения и низкая эффективность мер, направленных на борьбу с абортами, привели к пересмотру государственной политики в отношении регулирования рождаемости. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г. снимал уголовную ответственность с женщины за «подпольный» («криминальный») аборт, в 1955 г. аборт был полностью легализован, что, конечно же, не исключило из медицинской, социальной и бытовой практики резко отрицательного отношения к планированию рождаемости⁸⁵.

К числу факторов общенационального масштаба относится и *развитие здравоохранения* как важнейшего элемента советской социальной системы. Не будет преувеличением сказать, что в рассматриваемый период произошли серьёзные позитивные сдвиги в развитии отечественного здравоохранения, а структура заболеваемости и причин смерти, в целом, приобрела немало современных черт.

В первые послевоенные годы эффективность советского здравоохранения оставалась желать лучшего. Несмотря на достигнутые успехи в борьбе за снижение детской смертности и послеоперационной летальности, диагностика (и, следовательно, адекватное лечение) заболевания признавалась руководством Минздрава СССР неудовлетворительной. На конференции руководителей здравоохранения (1947 г.) министр здравоохранения Е.И. Смирнов подробно остановился на характеристике многочисленных расхождений в определении заболеваний и установлении причин смерти пациентов фельдшерами и врачами амбулаторий, больниц и патологоанатомами. По мнению министра, подобная дифференциация свидетельствовала об очень большом

⁸⁵ В тексте Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» констатировалось, что важнейшей причиной отказа от законодательных санкций за аборт стал «непрерывный рост сознательности и культуры советских женщин». Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 196, 199, 206.

количестве ошибочных диагнозов и применении неправильного лечения, что, в свою очередь, указывало на плохую подготовку и низкий уровень компетентности значительной части (по мнению К. Бартона - большинства) советских медиков⁸⁶.

С 1946 по 1950 г. расходы на здравоохранение из государственного бюджета СССР выросли с 4,5 до 5,2%. В гораздо большей степени возросла численность гражданских врачей с мая 1945 г. по начало 1953 г. она почти удвоилась, как и число врачей на душу населения. Такой беспрецедентный рост был связан с массовой демобилизацией военных врачей с последующим перемещением их в гражданские амбулатории и больницы⁸⁷.

Одним из магистральных направлений деятельности Минздрава СССР в первое послевоенное десятилетие было широкомасштабное развитие сельского здравоохранения. К началу 1946 г. только 20% сельских районных центров имели в составе штатов амбулаторий и больниц трёх и более докторов, в то время как 40% имели лишь одного, хирургическая помощь оказывалась лишь в 29% районных больниц. В результате целой серии мероприятий, проведённых в 1946-1954 гг., кадровый потенциал сельского здравоохранения значительно расширился – через систему распределения в колхозы и совхозы были направлены десятки тысяч молодых врачей, многократно возросли объёмы снабжения районных больниц и амбулаторий медицинскими инструментами и аппаратурой⁸⁸.

Не менее важным фактором развития здравоохранения, обеспечения широкого доступа к медицинской помощи как городского, так и сельского населения стало возрождение участковой системы медицинского обслуживания. В период своего становления советская медицина усвоила многие базовые принципы земского здравоохранения. Важнейшие принципы советского медицинского обеспечения села – бесплатное обслуживание, массовый охват, участковая система, профилактическая направленность – были родом из пореформенных лет. В соответствии с земским наследием, в 1920-е гг. в РСФСР/СССР последовательно проводился участковый принцип, а для оказания бесплатной помощи на «географической основе» организовывались диспан-

⁸⁶ Бартон К. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945-1953 // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. М., ООО «Вариант», 2008. С. 176.

⁸⁷ Там же. С. 175-177.

⁸⁸ Там же. С. 178.

серы. Однако в годы первой пятилетки применение участкового принципа было, по сути, свёрнуто. На смену ему пришёл «производственный принцип» - здравоохранение было увязано с экономическими задачами и распределение ресурсов (в том числе кадровых) происходило теперь в пользу промышленных предприятий – центральные и местные власти учитывали принцип дифференцированного медицинского обслуживания отдельных групп населения в соответствии с их ролью в социалистическом строительстве.

В середине 1940-х гг. участковый принцип вновь стал одним из основных в советском здравоохранении. Интересно, что канадский историк К. Бартон интерпретировал этот переход как свидетельство движения советской социальной системы к идеалам «государства благоденствия», в котором основанием для оказания социальной (в т.ч. медицинской) помощи выступает принцип «социального гражданства» - равенства всех категорий населения - объектов помощи⁸⁹.

Подводя промежуточный итог, ещё раз отметим, что на протяжении большей части интересующего нас периода демографическая политика государства носила ярко выраженный пронаталистский характер, была направлена на стимулирование рождаемости и брачности населения, на борьбу с абортами, а также на использование административных рычагов с целью регулирования миграционного движения населения. Вместе с тем, определяющее значение на ключевые демографические процессы оказали последствия Великой Отечественной войны и голода 1946-1947 гг., а также продолжающаяся урбанизация и связанные с восстановлением страны успехи советского здравоохранения.

Вышедшее из войны советское общество в течение достаточно длительного периода сохраняло чрезвычайно высокую подвижность. Миграции населения в советскую эпоху в значительной степени являлись управляемыми перемещениями населения, однако целесообразно рассматривать их не только как часть государственной социально-демографической политики, но и как свидетельство и проявление возросшей социальной мобильности – т.е. как тенденцию демографического развития.

Важнейшим средством регулирования миграционных процессов, начиная с 1932 г., стала паспортная система с обязательной пропиской в территориальных органах

⁸⁹ Бартон К. Указ. соч., с. 190-192.

милиции⁹⁰. Паспорта водились только для постоянных жителей городов и рабочих поселков. Советские граждане, проживающие на территории городского поселения без паспорта, в соответствии с УК РСФСР, подвергались штрафу в размере 100 рублей и «удалению распоряжением органов милиции»; при повторном нарушении – уголовному наказанию в виде исправительно-трудовых работ на срок до двух лет. Проживание без прописки также каралось штрафом, при рецидиве – исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев⁹¹. Паспортный режим был несколько смягчен во второй половине 1950-х гг.

Миграционные перемещения населения СССР в 1945 – начале 1950-х гг. носили сложный, многоплановый характер.

В довоенный период заселение территорий, включённых в состав СССР (Тува, Западная Белоруссия, Западная Украина и т.д.) не носило масштабного характера; это было связано с наличием многочисленного местного населения, включавшегося в состав советского социума. В новые регионы направлялись в основном партийные работники, государственные служащие, военные.

В результате победы во второй мировой войне к СССР отошёл ряд территорий, в том числе, согласно заключительному протоколу Берлинской конференции трёх держав (СССР, США и Великобритании) 1945 г. - одна треть территории Восточной Пруссии. Также в состав СССР были включены Южный Сахалин и Курильские острова в соответствии с решением Крымской конференции 1945 г. В 1947 г. в составе РСФСР была создана Сахалинская область, включавшая и острова Курильской гряды. По мирному договору с Финляндией 1947 г. область Петсамо (Печенга) также вошла в состав СССР (точнее, в состав Мурманской области РСФСР). По советско-чехословацкому договору о границах (1945 г.) к СССР отошла Закарпатская Украина (центр – Ужгород, включена в состав Украинской ССР)⁹². Кроме того, по аналогич-

⁹⁰ Паспортный режим был введён в действие Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» для «лучшего учёта населения городов, рабочих посёлков, новостроек и разгрузки этих населённых мест от лиц, не связанных с общественно полезным трудом», «очистки этих населённых мест от укрывающихся кулаков, уголовных и иных антиобщественных элементов...». Тимофеева Т.Ф. Государственно-правовое регулирование демографических процессов в Российской Федерации (историко-правовой аспект). Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Чебоксары, 2010. С. 35.

⁹¹ Там же. С. 36.

⁹² Население России в XX в.: Исторические очерки... С. 146.

ному договору с Польшей (1945 г.) Западная Украина и Западная Белоруссия были закреплены за СССР, к Польше отошёл Белосток с прилегающими территориями. После присоединения к РСФСР Южного Сахалина началась репатриация японских подданных (включая и корейцев), и к 1949 г. они были выселены и из Южного Сахалина, и с Курильских островов (почти 300 тысяч человек). В 1946-1949 гг. для работы в Сахалинской области были привлечены тысячи северокорейских рабочих, почти половина из которых впоследствии не возвратилось в Северную Корею. Одновременно на Южный Сахалин и Курилы было перемещено 350 тыс. советских переселенцев. Состав населения островов коренным образом изменился. К 1949 году численность прибывших составила уже более 450 тыс. человек. На самом деле эта цифра значительно выше, так как в статистических данных тех лет не учитывалось перемещение значительных воинских контингентов⁹³. Переселялись в основном семьи рыбаков и колхозников, целью переселенческой политики было развитие рыбной промышленности и, в меньшей степени, сельского хозяйства Сахалинской области. Таким образом, модели заселения Южного Сахалина и Калининградской области, а также района Петсамо (Печенги) содержат немало идентичных элементов: «добровольно-принудительное» выселение местных жителей (немцы, японцы), переселенческие мероприятия, организованные по единой схеме, система льгот, пограничный характер регионов и, в связи с этим, высокий удельный вес военнослужащих и членов их семей.

К числу миграционных акций и процессов первых послевоенных лет относятся также депортация, репатриация, оптация (обмен населением), реэвакуация, демобилизация армии военного времени. Демобилизация советской армии, насчитывавшей к лету 1945 г. почти 11,5 млн. человек, проводилась поэтапно. Первый этап демобилизации закончился к сентябрю 1945 г., в результате к мирной жизни возвратилось свыше 3,3 млн. фронтовиков. Полностью демобилизация закончилась в 1948 г. и охватила 8,5 млн. бывших военнослужащих. Возвращение такого значительного количества мужчин из армии изменило соотношение полов в структуре населения СССР (56,2% женщин и 43,8% мужчин в 1948 г.) и повысило рождаемость.⁹⁴ Тем не

⁹³ Там же. С. 138.; Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения. С. 18.

⁹⁴ Великая Отечественная война. 1941-1945. С. 296.

менее, гибель мужского населения страны на фронте была невосполнимой – демографическое «эхо» этих потерь ощущалось и десятилетия спустя

К середине 1940-х гг. советское руководство уже имело немалый опыт организации плановой миграции населения. Масштабные миграции 1930-х гг., связанные с осуществлением грандиозной программы социалистического переустройства страны, имели иной характер, чем переселения дореволюционного периода, которые были типичной сельскохозяйственной колонизацией. В межвоенный период огромные массы населения мигрировали прежде всего из села в промышленные центры, расположенные как в густонаселённой европейской части страны, так и в создаваемых на востоке новых экономических районах.

В послевоенные годы в СССР существовала достаточно развитая миграция сельского населения, связанная с обеспечением рабочей силой промышленных предприятий. Бурно развивающаяся промышленность испытывала огромную потребность в дополнительной рабочей силе, важнейшим источником которой была деревня. В 1947 г. была восстановлена система организованного набора рабочей силы, действовавшая в предвоенные годы. При этом было разрешено наряду с другими социальными группами населения для работы в промышленности, на стройках, набирать желающих и среди членов колхозов. За первые пять послевоенных лет в СССР по набору было привлечено около 4 млн. человек. Ежегодно только по РСФСР набиралось не менее 0,5 млн. рабочих, среди которых от 60 до 80% составляли сельские жители⁹⁵. Обычно по истечении срока договора уже мало кто из них возвращался в деревню, привлечённый стабильным заработком и другими преимуществами городской жизни. Село теряло молодых, наиболее инициативных и трудоспособных работников. Только в 1949 г. «временно отсутствующими» по сельскому населению РСФСР считались 3210 тыс. человек⁹⁶. Дополнительным стимулом для развития организованного набора рабочей силы стало заселение приобретённых СССР территорий – Калининградской области, Южного Сахалина и др.

⁹⁵ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 49-51, 67.; Кожурин В.С., Погодин С.А. Изменение численности городского населения СССР в 1939-1979 гг. // История СССР. 1980. №6. С. 41-45, 59.

⁹⁶ По оценкам О.В. Горбачева, за первое послевоенное пятилетие только из Центрального Нечерноземья было переселено 156 тыс. колхозных семей, в том числе около 80% - в плановом порядке. Горбачев О.В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945-1985 гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва, 2003. С. 366, 367.

Наряду с организованными формами переезда сельских жителей в город всегда существовала и нерегулируемая государством миграция, оценить размеры которой в масштабах всей страны на данный момент не представляется возможным. Стихийная миграция в СССР была затруднена большим количеством правовых барьеров – отсутствием у колхозников паспортов, необходимостью прописки и т.д. Удельный вес покинувших колхозы стихийно составлял около 22% от общего числа «временно отсутствующих» (т.е. почти 750 тыс. человек ежегодно)⁹⁷.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в послевоенные годы миграционная политика советского правительства сохранила немало черт, свойственных и довоенному периоду: систему организованного набора рабочей силы, принудительные депортации народов и отдельных групп населения, систему льгот для переселенцев. Вместе с тем, Вторая мировая война, вызванные ею демографические и экономические потери, вхождение в состав СССР новых территорий оказали определённое влияние на миграционную политику, породили ряд новых миграционных явлений, не характерных для 1930-х – начала 1940-х гг. (репатриация, оптация, массовая демобилизация и т.д.). Миграции стали важным средством восстановления страны, катализатором ряда демографических процессов (особенно урбанизации). В результате переселенческих кампаний 1945-1951 гг. удалось создать демографическую и социальную основу для восстановления и дальнейшего развития экономики присоединённых районов, в том числе Калининградской области. Таким образом, ряд миграций первых послевоенных лет стал инструментом распространения советской экономической и политической модели, образа жизни и системы ценностей на новые территории.

Большую часть переселенцев в Калининградскую область в 1946 – середины 1950-х гг. составляли представители сельского населения различных регионов РСФСР, а также Украины и Белорусской ССР. В связи с этим, представляется целесообразным рассмотреть особенности социально-правового и экономического положения советского крестьянства в послевоенные годы и выявить факторы, которые вовлекали сельское население в заселение новых территорий.

⁹⁷ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. С. 49, 65.; Кожурин В.С., Погодин С.А. Указ. соч. С. 44, 59.; Население России в XX в.: Исторические очерки. С. 285.

Общая численность колхозного крестьянства за годы войны сократилась почти на 15%, особенно заметным было сокращение категории трудоспособных колхозников (по СССР – на 32,5%) и наиболее квалифицированной их части – мужчин (на 62%). В областях, подвергшихся оккупации, это сокращение достигло катастрофических масштабов. Резкое сокращение численности трудоспособных колхозников значительно затрудняло восстановление и дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства в масштабах страны и отдельных регионов. Трудовые ресурсы колхозной системы, подорванные войной, восстановить было нелегко ещё и потому, что численность подростков (12-16 лет) на селе также уменьшилась более, чем на 10% по сравнению с 1940 г.⁹⁸. Колхозы почти полностью лишились автомашин. В 1941 г. автопарк колхозов насчитывал 106,7 тыс. грузовых автомашин, а к началу 1946 г. их осталось всего 5,2 тыс. Недостаток техники не мог быть восполнен живым тяглом. поголовье рабочих лошадей в колхозах к середине 1945 г. составляло 44% от довоенного. В некоторых колхозах освобождённых областей совершенно отсутствовали лошади⁹⁹.

Сокращение производства продукции сельского хозяйства наблюдалось во всех категориях хозяйств: в колхозах, совхозах, в личных подсобных хозяйствах колхозников. Однако в последней категории это сокращение было минимальным. Этому способствовал ряд обстоятельств: основой производства здесь был ручной труд, поэтому ослабление материально-технической базы колхозов не могло оказать значительного влияния на подсобные хозяйства; едва ли не основную часть работ на приусадебном участке выполняли члены семьи колхозника; кроме того, сокращение оплаты труда в общественном хозяйстве колхозов и трудности продовольственного снабжения побуждали селян развивать личное хозяйство. Не будет преувеличением сказать, что ведение подсобного хозяйства в военные годы окончательно превратилось в гарантию выживания крестьянской семьи. К концу войны личное подсобное

⁹⁸ История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М., Наука, 1988. С. 28.

⁹⁹ В Брянской области к концу 1945 г. был 71 безлошадный колхоз, в Новгородской – 120, Смоленской – 28. Там же. С. 30.

хозяйство в большинстве областей РСФСР стало основным источником дохода крестьянской семьи¹⁰⁰.

Тяжелейшие последствия войны дополнялись жёсткой системой государственной эксплуатации сельского населения, в основных своих чертах сложившейся ещё в 1930-е годы. Вологодские историки М.А. Безнин и Т.М. Демони рассматривают колхозную систему первого послевоенного десятилетия как «второе издание крепостничества», выделяя законодательно закреплённые «отработочную, натуральную и денежную повинности». «Отработочная повинность» заключалась в установлении обязательной нормы выработки трудодней, в привлечении крестьянства к лесозаготовкам и дорожному строительству¹⁰¹. «Натуральные повинности» существовали с начала 30-х гг. в форме поставок государству основных продуктов, производимых в приусадебном хозяйстве. Обязательные поставки зерна были отменены только в 1954 г., остальные – с 1958 г.

Денежная «повинность» выражалась в виде сельскохозяйственного налога, а также через систему «добровольно-обязательных» государственных займов¹⁰². Общая сумма налогов, сборов и приобретения облигаций госзайма по некоторым данным составляла в 1945 г. до 33% расходной части бюджета крестьянского двора в Нечерноземной полосе РСФСР, к середине 1950-х гг. этот показатель снизился до 11%, а к началу 60-х – до 3,5%¹⁰³. Правовое положение крестьян-колхозников также было нелёгким. Примерный Устав сельхозартели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников (17 февраля 1935 г.), не предусматривал свободного выхода из колхоза, с 1932 г. в СССР действовала паспортная система, дискриминирующая права

¹⁰⁰ В 1945 г. из общего поступления продуктов для семьи колхозника на долю личного подсобного хозяйства приходилось 88,6% картофеля, 85,5% мяса. Там же. С. 34-35.

¹⁰¹ Нормы выработки трудодней законодательно были оформлены Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (1939 г.), в дальнейшем, прописанные в Постановлении нормативы постоянно повышались. По мнению вологодских историков, в течение второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. в отношениях государства с крестьянством «сохранялись законы военного времени, более того, возрастала степень жесткости государственной политики, касающейся деревенского населения». С 1953 г. происходила корректировка этой линии, но всё же внутреннее содержание изменялось незначительно. Безнин М.А., Демони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) //Отечественная история. 1999. №3. С. 81, 82.

¹⁰² Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) //Отечественная история. 1994. №3. С. 115, 116.

¹⁰³ Безнин М.А. Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950-1965 гг. Вологда, 1988. С. 35, 39.

крестьянства: многомиллионная масса членов сельхозартелей оказалась вне паспортизации (до 1974 г.)¹⁰⁴. Многие положения, создававшие дополнительные возможности для административного давления на сельских тружеников дополнительно записывались в уставы колхозов. Что же касается главного официального источника доходов колхозника – денежных или натуральных выплат за трудодни, то реальная оплата труда в колхозах, как правило, была чрезвычайно мала. Так, в 1950 г. 26% колхозов РСФСР не выплачивали положенные суммы за трудодни. В северных и центральных областях Нечерноземья от 72 до 90% артелей платили за трудодень менее 1 кг. зерна, а от 4 до 8% вообще не выдавали колхозникам ни хлеба, ни денег¹⁰⁵.

Социально-правовое и экономическое давление на тружеников села сочеталось с репрессиями против той части сельского населения, которая «не вписывалась» в стройную колхозно-совхозную систему. Во второй половине 1940-х гг. развернулась борьба с маргиналами. Интересно, что в своих обращениях в ЦК (1947-1948 гг.) Н.С. Хрущёв, возглавлявший компартию Украинской ССР, неоднократно предлагал предоставить колхозам право отправлять правонарушителей, а также «преступных и паразитических элементов, тунеядцев» в ссылку, отмечая наличие соответствующего прецедента в законодательстве Российской Империи. Инициатива Никиты Сергеевича была услышана: 21 февраля 1948 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Указ первоначально действовал только в 16 восточных областях Украины, а со 2 июня охватил всю территорию СССР за исключением западных областей Белоруссии.

Аналогичные законодательные акты в отношении городского и сельского населения СССР в целом были приняты и вступили в силу в 1948-1951 гг.¹⁰⁶ Председатели колхозов и сельсоветов получили в свои руки дополнительные права – в частности,

¹⁰⁴ Безнин М.А., Демони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.). С. 84.

¹⁰⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. Середина 40-х – начало 60-х. М., 1992. С. 79. По некоторым данным оплата по трудодням составляла в совокупном доходе колхозной российской семьи в 1946-1951 гг. всего 15-20%, в 1953-1960 гг. – 33-40%. Там же, с. 78, 79.

¹⁰⁶ Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. М., ООО «Вариант», 2008. С. 223.

наказывать селян ссылкой. «Информации», направляемые в райкомы и обкомы, содержат многочисленные примеры злоупотреблений местных колхозных властей: к высылке нередко намечали нетрудоспособных, многодетных матерей, рядовых колхозников, чем-то не угодивших председателю. Только в течение лета 1948 г. было выслано 23 тыс. крестьян (по РСФСР – 12 тыс.), в основном – женщин, вместе с которыми добровольно выехало более 9 тыс. членов их семей, включая около 5 тыс. детей до 16 лет¹⁰⁷.

Беспрецедентное давление на деревню вызывало к жизни «асимметричные ответы» со стороны сельского населения. Одной из форм сопротивления крестьян административному принуждению было уклонение от работы в коллективном хозяйстве. По расчётам О.М. Вербицкой, на протяжении 1946-1959 гг. ежегодно не выполняли годового минимума трудодней от 12 до 19% российских крестьян¹⁰⁸. В течение 1945-1949 гг. за это было привлечено к судебной ответственности 965,5 тыс. человек (осуждено 73%), практиковались массовые ссылки за «уклонение от трудовой деятельности»¹⁰⁹. Другой, более оригинальной формой сопротивления было уклонение от денежных выплат: крестьяне сокращали поголовье скота, площади посевов, уничтожали фруктовые сады, в источниках отмечены многочисленные случаи фиктивного деления имущества на несколько хозяйств. Эти действия селян приводили к заметным недоимкам по сельскохозяйственному налогу (13-24% от запланированной суммы выплат)¹¹⁰. Ещё одной масштабной формой социального протеста крестьянства в рассматриваемый период следует признать «исход» из деревни: с 1945 по 1958 г. крестьянское население РСФСР сократилось на 23,5%, наиболее заметным это сокращение было в Нечерноземье – 30%, причём более четверти мигрантов покинули деревню, минуя административные препятствия и ограничения, «самовольно»¹¹¹. Для многих крестьянских семей плановое переселение становилось счастливой возможностью

¹⁰⁷ Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов). С. 112-114.

¹⁰⁸ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. Середина 40-х – начало 60-х. М., 1992. С. 53.

¹⁰⁹ Там же. С. 56.

¹¹⁰ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 197.

¹¹¹ Безнин М.А., Демони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.). С. 89. Исследователи выделяют и другие формы «социального протеста» сельского населения: покушение на колхозную собственность, фиктивные браки с «горожанами», в которые вступали молодые крестьянки и т.д. Там же. С. 89-91.

повысить своё социально-правовой статус, улучшить материальное положение, «начать всё с начала».

Итоги аграрной политики советского руководства первых послевоенных лет были неутешительными для сельского хозяйства и крестьянского населения: в годы четвёртой пятилетки сельское население СССР постоянно сокращалось, на 680-990 тыс. человек в год, отток населения в города был весьма интенсивным и в первой половине 1950-х гг. – по некоторым оценкам ежегодный механический прирост городского населения в 1945-1953 гг. составлял около 1,5 млн. человек¹¹².

В середине – второй половине 1950-х гг. в аграрной политике советского руководства произошли серьёзные перемены, выразившиеся в повышении закупочных цен, списании долгов, отмене налога на личное подсобное хозяйство, в несколько раз увеличивались государственные расходы на социальное развитие села. Некоторая «оттепель» во взаимоотношениях власти и крестьянства повлияла на миграционную подвижность сельского населения, вызвала её заметное снижение. Отток жителей села в города не остановился, однако его высокая интенсивность на время снизилась.

Российским *городам* на протяжении второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. была свойственна высокая миграционная подвижность населения. В 1950-1956 гг. средняя интенсивность прибытия населения в города РСФСР составляла 10% от среднегодовой численности всего городского населения, выбытия – 8,5%, миграционного прироста – около 2% ежегодно (в отдельные годы до 2,6%)¹¹³. По темпам прироста период 1950-1953 гг. (средний показатель 2,6%) был ближе к эпохе первых пятилеток (средний показатель миграционного прироста 3,8%), чем к последующим десятилетиям (в 1957-1970-х гг. – 1,3%).

Снижению миграционной активности *городского населения* РСФСР в конце во второй половине 1950-х – 1960-х гг. способствовали такие факторы, как: общее повышение жизненного уровня городского населения (в том числе обеспеченности жильём), снижение темпов урбанизации, рост степени вовлечённости женщин в произ-

¹¹² Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов). С. 122, 123. Неуклонное сокращение сельского населения продолжилось после кратковременной стабилизации в 1948 г. См. Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950). С. 129, 130.

¹¹³ Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950-1956 гг. // Вопросы истории. 1981. №12. С. 57.

водство (обеспечение полной занятости всех трудоспособных членов городских семей), систематическое повышение заработной платы (в первое послевоенное десятилетие наблюдалось систематическое снижение цен при неизменных ставках номинальной зарплаты, что стимулировало трудовую мобильность). Однако наиболее важной причиной сокращения миграционного прироста городского населения следует признать некоторое улучшение материального положения крестьянства¹¹⁴.

В первое послевоенное десятилетие и последующие годы в СССР и, особенно, в РСФСР активно протекала эволюция основных демографических процессов и структур. Резкое повышение уровня младенческой и детской смертности в военные и длительное сохранение высокого уровня смертности в послевоенные годы, наличие половозрастных диспропорций в составе взрослого населения стали причинами, по которым в России не состоялся т.н. «бэби-бум», характерный для ряда стран Западной Европы и США. В результате РСФСР оказалась лишена «демографического выигрыша» - быстрого, «эффективного» (с высокой степенью выживаемости поколений) компенсационного роста рождаемости, способного в значительной степени сгладить катастрофические последствия Великой Отечественной¹¹⁵. Демографическая компенсация, пришедшаяся на 1946-1950 гг., сменилась быстрым снижением показателей рождаемости.

Вместе с тем, в рассматриваемый период в развитии советского общества произошли заметные позитивные сдвиги: в первой половине – середине 1950-х гг. заметно снизилась как младенческая, так и общая смертность, сокращение рождаемости сопровождалось повышением внимания государства и общественности к проблемам сохранения жизни и здоровья детей, структура смертности активно приобретала современный облик – экзогенные причины смерти уступали своё место эндогенным, в общей массе умерших интенсивно снижалась доля детей и молодёжи, постепенно увеличивалась средняя ожидаемая продолжительность жизни, медленно, но, тем не менее, происходила нормализация половой структуры в наиболее активных возрастных группах, менялось демографическое поведение советских людей¹¹⁶.

¹¹⁴ Там же. С. 58, 59.

¹¹⁵ Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений. С. 353.

¹¹⁶ Конкретные статистические данные, отражающие указанные изменения в общенациональном масштабе, приведены в соответствующих разделах диссертации (гл. 2-3).

Таким образом, вторая половина 1940-х – 1950-е гг. стали для российского населения не только периодом восстановления после катастрофических потерь военных лет, но и важным этапом его качественного изменения. Тенденции к трансформации рождаемости и смертности, брака и семьи, берущие начало в довоенных десятилетиях, получили своё дальнейшее развитие в различных региональных (республиканских, краевых, областных) вариантах.

1.2 Региональные условия формирования населения края

С апреля 1945 по май 1947 г. на территории Калининградской области (образована 7 апреля 1946 г., до 4 июля 1946 г. – Кенигсбергская) действовали чрезвычайные органы управления. На протяжении года (апрель 1945 – апрель 1946 гг.) ведущую административную роль играли чрезвычайные военные органы: военные комендатуры и созданные при них временные управления по гражданским делам, Временного управления по гражданским делам при Военном Совете Особого военного округа. С апреля 1946 г. управленческие задачи выполняли чрезвычайные гражданские органы власти – областное, районные и городские управления по гражданским делам. Весной 1947 г. состоялся переход административных полномочий к конституционным (советским) органам власти.

Чрезвычайным органам власти, облисполкому и обкому ВКП(б) предстояло решить колоссальный объём задач по восстановлению и дальнейшему развитию экономики, социальной системы, заселению сельских районов и городов региона. В результате боевых действий часть полей была заминирована, сплошному затоплению подверглись свыше 20 тыс. га плодородных земель, значительные территории оказались заболоченными. Сельское население было представлено несколькими тысячами немцев, из которых большую часть составляли подростки, женщины, инвалиды. Материальная база сельского хозяйства понесла колоссальный урон, военные совхозы и переселенческие колхозы испытывал острый недостаток инвентаря, практически отсутствовала исправная сельскохозяйственная техника. Из 360 промышленных предприятий северной части Восточной Пруссии 182 были разрушены полностью, остальные были либо эвакуированы вглубь Германии или сильно пострадали в период Во-

сточно-Прусской операции. Согласно оценкам сотрудников управлений по гражданским делам, Кенигсберг был разрушен более чем на 70% процентов, второй по величине город – Тильзит – не менее чем на 60%.

В будущем областном центре не действовали водопровод и канализация, отсутствовало электричество, улицы Кенигсберга были непроходимы из-за большого количества завалов. Вместе с тем, значительная часть жилого фонда (как в городах, так и в сельских поселениях) сохранилась и после ремонта была вполне пригодна к повторному заселению. По воспоминаниям переселенцев, в 1946-1947 гг. существовала возможность выбора жилья, утраченная впоследствии по причине массового притока потенциальных жителей молодой области. С 1948 г. документы фиксируют нарастание проблем с размещением переселенцев. Нехватка стройматериалов и строительных бригад осложнялась административным беспорядком¹¹⁷. В результате районные и городские власти инициировали «уплотнение» жильцов, что приводило к многочисленным бытовым конфликтам.

Чрезвычайно острой проблемой было продовольственное снабжение переселенцев. Продукты в области распределялись по карточкам. Существовала сложная система коэффициентов и видов продовольственных карточек (всего 8 видов для различных категорий гражданского населения – от представителей номенклатуры до иждивенцев). Карточки не всегда отоваривались – в 1946-1947 гг. область получала явно недостаточную продовольственную помощь, сельское хозяйство переживало болезненный период восстановления, интенсивный приток переселенцев постоянно вносил коррективы в существующие планы распределения продуктов. Общие для страны причины голода 1946-1947 гг. дополнялись местными: непродуманной переселенческой политикой, неготовностью районных и областных властей к приему десятков тысяч человек *ежемесячно*.

Комплексный план восстановления областной экономики, решения социальных проблем появился только летом 1947 г. До этого момента регион не был включен в

¹¹⁷ В сообщении прокурора Сталинградского района г. Калининграда от 11 февраля 1948 г. отмечалось: «В коммунальных органах царит хаос и самоуправство, системы руководства нет. В вопросе распределения жилплощади и её заселения нет твердой системы: этим вопросом занимаются все, начиная от домуправов, которые допускают беззаконие и самоуправство, и кончая работниками горжилуправления, которые дают пример беззакония своим подчиненным». ГАКО. Ф. 231. Оп. 6. Д. 2. Л. 20, 21.

пятилетний план развития народного хозяйства СССР. «Великий Сталинский план строительства Калининградской области» стал результатом работы специальной правительственной комиссии (под председательством А.Н. Косыгина) и включал в себя девять постановлений Совета Министров СССР, принятых 21 июля 1947 г. Их реализация позволила отчасти решить наиболее острые вопросы восстановительного периода – в области была создана система образовательных и медицинских учреждений, нормализована продовольственная ситуация, значительные средства были выделены на хозяйственное обустройство переселенцев, развитие промышленности, потребительского сектора. В 1947-1949 гг. область покинуло подавляющее большинство немецкого населения. К началу 1950-х гг. в результате непродолжительной, но интенсивной трансформации регион утратил значительную долю своих уникальных характеристик.

При определении важнейших факторов регионального порядка, оказавших наиболее заметное воздействие на демографическое развитие Калининградской области, исследователь неизбежно столкнётся с объективными трудностями. С одной стороны, послевоенная история области буквально наполнена, казалось бы, уникальными, неповторимыми особенностями, которые просто не могли не повлиять на формирование и эволюцию её населения – это и географическое положение региона (Юго-Восточная Прибалтика), и достаточно длительные контакты с немецким населением, и пограничный статус области, её «военизированный» характер и многое другое. С другой стороны – оценить степень влияния многих «особенностей» именно на демографические структуры и процессы затруднительно или принципиально невозможно, что оставляет широкий простор для предположений и гипотез. Вместе с тем, игнорировать региональную специфику, по меньшей мере, некорректно.

К факторам регионального порядка, значительное влияние которых на демографическую ситуацию в области представляется бесспорным, можно отнести:

- интенсивное массовое заселение края во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.;
- постоянное присутствие на территории области значительных военных контингентов;

- наличие многочисленного (свыше 100 тыс. человек) «немецкого контингента» (до его депортации в 1947-1949 гг.);

- формирование областного здравоохранения, увеличение масштабов и эффективности медицинской помощи и санитарной деятельности.

Калининградская область, как уже отмечалось выше, была не единственным регионом СССР, в который направлялись крупные контингенты переселенцев и командированных специалистов. В то же время необходимо отметить, что в самой западной области РСФСР формирование постоянного (советского) населения началось лишь во второй половине 1945-1946 гг., в других «переселенческих областях» (Сахалинской, Мурманской) переселенцы интегрировались в уже существующую социально-демографическую среду. Уникальность Кенигсбергской/Калининградской области состояла в том, что переселение было главным и необходимым условием её полноценного развития. На территории, ранее бывшей частью провинции Восточная Пруссия, *предстояло создать* новый региональный социум. Население молодой советской области надолго сохранило черты, обусловленные этой особенностью его формирования.

При изучении демографических последствий этого грандиозного явления особый интерес представляют динамика и масштабы переселенческих кампаний, обратного оттока мигрантов, местоположение «регионов выхода» мигрантов, половозрастные и национальные характеристики переселенцев, эффективность мероприятий по их транспортировке, размещению, социально-бытовому устройству и организации использования профессиональных навыков новых жителей края.

В связи с тем, что заселение области, т.е. формирование её постоянного населения, является не только фактором, но и одной из ключевых *тенденций* демографического развития региона, его рассмотрению посвящен самостоятельный раздел диссертации (гл. 2).

В силу своего особого территориального положения, приграничного статуса западная российская область на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода была насыщена *воинскими контингентами*. Город Балтийск (ранее – Пиллау) стал основной базой Балтийского флота (первоначально – Южно-Балтийского флота), на территории области размещались 11-я Гвардейская общевойсковая армия, части

морской пехоты, береговой обороны, авиадивизия (в составе 3-х полков), отдельные полки войск ПВО, подразделения пограничных войск и гражданской обороны. Численность областного «гарнизона» составляла не менее 80-100 тыс. человек, в том числе не менее 60-70 тыс. человек срочной службы, преимущественно из других регионов РСФСР (и других союзных республик). Эта часть областного населения не учитывалась текущей демографической статистикой, играя при этом существенную роль в ранней демографической истории края (см. подробнее гл. 3).

В первые послевоенные годы важное место в жизни региона занимало местное немецкое население. Статистические показатели, содержащиеся в документах гражданских управлений, МВД, ЦК и обкома ВКП (б), 11 Гвардейской армии, в целом, позволяют проследить динамику численности немецкого населения: 139 614 человек (в т.ч. 68 014 – в Кёнигсберге) – на 1.09.1945, около 137 000 – на 1.01.1946, 116 129 – на 1.04.1946, 116 737 – на 1.06.1946 (по другим данным 110 – 115 тыс.), 113 000 – на 1.02.1947, около 100 тыс. – на 1.09.1947, около 40 тыс. – на 1.08.1948. На территорию Германии выехало (с 1947 по 1951 г.) примерно 102 407 (102 494) человек¹¹⁸. Таким образом, убыль немецкого населения с 1 сентября 1945 г. по 1 июня 1946 г. составила около 23 тыс. человек. Помимо гражданского населения на территории Особого военного округа и Кёнигсбергской области содержалось значительное количество военнопленных и интернированных (Приложение 2, табл. 2).

Необходимо принимать во внимание одно немаловажное обстоятельство: учёт немецкого населения даже в первой половине 1946 г. вызывал массу нареканий, в том числе со стороны уполномоченного МВД-МГБ по Восточной Пруссии, начальника областного управления МВД генерал-майора Б.П. Трофимова. Согласно докладу, направленному им в ЦК ВКП (б) в июне 1946 г., большая часть немецкого населения имела на руках в качестве основного документа лишь справки без фотографий, выданные взамен изъятых немецких паспортов. Подобные справки могли передаваться от одного лица к другому, причём установить истинного владельца документа было практически невозможно¹¹⁹.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 143. Л. 8, 30, 65, 79; Д. 203. Л. 43-47; ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 с. Д. 10. Л. 22; Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С. 456, 463.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 143. Л. 36.

Уровень смертности немецкого населения на протяжении первого послевоенного года может быть однозначно определён как очень высокий. За октябрь 1945 г. в Кёнигсберге было зарегистрировано 1 933 случая смерти гражданских лиц *вне лечебных учреждений* (около 30 человек в день)¹²⁰. В больницах за тот же период умерло 768 человек¹²¹. Таким образом, только за октябрь население Кёнигсберга потеряло 4% своей численности¹²². Едва ли правомерно использовать эти данные для подсчёта показателя смертности за первый послевоенный год, поскольку численность умерших постоянно колебалась. Наиболее тяжёлыми для немцев стали осень 1946 г. и зимние месяцы 1946-1947 гг. Надёжных данных, характеризующих уровень рождаемости немецкого населения, автору обнаружить не удалось.

Питание немцев, даже занятых на работах, было явно недостаточным для поддержания здоровья. По данным справки, направленной в интендантское управление Особого военного округа (ОВО) в октябре 1945 г., норма выдачи продуктов питания «чернорабочим» (15 900 человек) составляла 400 гр. хлеба в сутки, нетрудоспособные (инвалиды, дети) могли рассчитывать на 200 грамм¹²³. Согласно расчётам потребности в продовольствии для питания «местного населения» Кёнигсберга в 1945-1946 гг., по норме №3 питание получали около 20 тыс. человек¹²⁴, более 35 тыс. человек получали сокращённую норму питания (270 г. хлебного зерна, 700 г. картофеля, 100 г. овощей), нетрудоспособным полагалось в сутки 135 г. хлеба, 400 г. картофеля, 100 г. овощей¹²⁵. Нормы питания не всегда выполнялись. Так, в июле 1945 г. ввиду отсутствия в Кёнигсберге картофеля продовольственная ситуация стала «весьма напряжённой»¹²⁶. При этом, необходимо отметить, что в целом военные власти сумели в условиях крайне скудных продовольственных запасов обеспечить продовольствием немецкое население. В июле 1945 г. только военная комендатура Кёнигсберга обеспе-

¹²⁰ ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

¹²¹ Там же. Л. 62.

¹²² По состоянию на 12.11.1945 г. местного немецкого населения в городе Кёнигсберге проживало всего 60 642 человека, в том числе, мужчин – 18 515 человек, женщин – 42 127, трудоспособных – 29 681 чел, детей – 12 276 человек, престарелых и инвалидов – 18 641 чел. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

¹²³ ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

¹²⁴ Суточная норма №3 включала: 450 г. хлебного зерна или муки, 600 г. картофеля, 320 г. овощей, 130 г. крупы, 75 г. мяса, 120 г. рыбы, 25 г. сахара. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

¹²⁵ Там же. Л. 11-12.

¹²⁶ Там же. Л. 42.

чивала питанием свыше 65 тыс. человек¹²⁷. В первой половине 1946 г. ситуация с продовольственным снабжением не претерпела серьёзных изменений: продуктовые карточки работающих немцев отоваривались лишь на 50% или ниже. Неработающее немецкое население снабжалось продовольствием нерегулярно, «в пределах 200 граммов хлеба в день»¹²⁸. «Недоедание» становилось важным фактором смертности и уголовной преступности, принимавшей порой самые жуткие формы¹²⁹.

В целом, взаимоотношения советской администрации и немецкого населения носили сложный, многоплановый характер. Пострадавшее в ходе боёв за Восточную Пруссию гражданское население оказалось в чрезвычайно сложных материально-бытовых условиях, вызвавших рост смертности и значительное сокращение численности «немецкого контингента». В течение всего 1945 г. не было определённости в отношении статуса территории «области Кёнигсберга» и дальнейшей судьбы её коренных жителей. Антисоветское движение, существовавшее на территории области, принимавшее самые разнообразные формы, так и не стало массовым, свелось к пассивному сопротивлению и к отдельным насильственным акциям. Не последнюю роль в этом сыграла эффективная деятельность советских спецслужб.

Отток немецкого населения из области начался ещё в 1946 г., однако разрешение на выезд до начала массового переселения немцев в советскую зону оккупации Германии получали участники антифашистского движения, а также лица, имевшие родственников в Германии. В соответствии с принятым 11 октября 1947 г. секретным постановлением Совета министров СССР («О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии») до конца года область покинули более 30 тыс. человек, в 1948 г. – ещё почти 68 тыс. Последние небольшие группы немцев были вывезены из области в 1949 и 1951 гг.

Пристального внимания в контексте рассматриваемой темы заслуживает ранний этап истории *областного здравоохранения*. Создание и совершенствование системы медицинских учреждений края, оказывая решающее воздействие на снижение и стабилизацию показателей смертности, трансформацию заболеваемости, суще-

¹²⁷ Там же. Л. 20-21.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 185, 186; ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 28.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 183, 184.

ственно изменяя возрастной состав умерших, выступало, таким образом, *важнейшим фактором демографического развития региона*.

Система учреждений здравоохранения и санитарно-эпидемиологического контроля на территории молодой советской области складывалась постепенно, наиболее активно – в первое послевоенное десятилетие, однако темпы её формирования (впрочем, как и по всей стране) не соответствовали реальным требованиям обстановки. В развитии областного здравоохранения в рассматриваемый период можно выделить два этапа: 1946-1950 гг. и 1951-1959 гг. На первом этапе складывалась система лечебных, профилактических и санитарных учреждений, происходило формирование кадровой основы областной медицины. На втором – в рамках созданной в предшествующие годы системы развернулась борьба за повышение качества медицинского обслуживания, эффективности лечебной и профилактической деятельности.

Состояние здравоохранения в период заселения и восстановления экономики области усугублялось региональными особенностями. Во-первых, чрезвычайно интенсивные военные действия на территории Восточной Пруссии привели к разрушению ряда больниц и амбулаторий, практически прекратила действовать канализационная система, частично – водопровод, т.е. была подорвана инфраструктурная составляющая санитарной и медицинской деятельности. Во-вторых, систему учреждений *советского* здравоохранения приходилось выстраивать заново, опираясь на сохранившийся материальный потенциал. Эти обстоятельства сближали область и другие регионы РСФСР, ставшие в годы войны ареной ожесточённых боёв или пребывавшие под оккупацией. Однако в отличие от Смоленской, Ленинградской, Псковской, Калининградская область ранее никогда не находилась в составе СССР, в связи с чем на территорию региона не могли возвратиться из эвакуации трудовые коллективы больниц, амбулаторий, родильных домов, как это происходило в ряде административных субъектов РСФСР. Кроме того, восстановление здравоохранения на освобождённых от оккупации территориях Северо-Запада и Центра России началось уже в 1944 г., что позволило развернуть лечебную и профилактическую работу, создать санитарно-эпидемиологические службы, спасти десятки тысяч жизней. Становление областного здравоохранения тормозилось также спецификой статуса и отсутствием внятной позиции Москвы по поводу дальнейшей судьбы региона.

Налаживание медицинского обслуживания гражданского населения вплоть до начала 1946 г. не являлось приоритетной задачей военной администрации - сказывались недостаток кадровых и материальных ресурсов, обилие других проблем, требовавших срочного и пристального внимания¹³⁰. Между тем, медицинская помощь была необходима как прибывавшим на территорию Особого военного округа рабочим, специалистам, членам их семей, так и более чем стотысячному немецкому населению.

Восстановление и реорганизация системы учреждений здравоохранения в первый послевоенный год осуществлялись хаотично, плана подобной деятельности, судя по источникам, до апреля 1946 г. не имелось.

Медицинское обслуживание немногочисленных рабочих, прибывших в Кёнигсберг летом 1945 г. производилось за счёт возможностей гарнизонных поликлиник и госпиталей, собственная поликлиника была организована при ЦБК. Никаких инструкций Наркомата здравоохранения СССР до начала следующего года в округ не поступало. Начальник Управления Народного комиссариата целлюлозно-бумажной промышленности полковник Б.П. Горбунов сетовал на то, что представители Наркомздрава СССР, осмотрев предложенные для развёртывания лечебных учреждений помещения, покинули округ¹³¹.

К концу осени 1945 г. в Кёнигсберге реально действовали четыре больницы для немецкого населения – центральная, инфекционная, св. Елизаветы и св. Екатерины. По состоянию на 10 ноября в них находилось 2 923 пациента. Кроме того в городе функционировали 8 амбулаторий. В лечебных учреждениях для немецкого населения было задействовано 48 врачей (исключительно немцев). Смертность по стационарам была очень высокой – в сентябре в больницах города умер 881 человек, в октябре – 768¹³².

¹³⁰ Военные власти сумели в значительной степени или частично, используя доступные ресурсы, решить ряд задач, от которых напрямую зависели жизнь и здоровье гражданского населения: разминирование дорог и строений, организация питания работающего немецкого населения, частично – иждивенцев, заготовка продовольственных запасов и т.д. См.: Маслов В.Н. Сельскохозяйственная деятельность советской военной комендатуры Кёнигсберга в 1945 г. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005. С. 171-178; Его же. Хозяйственная деятельность военной комендатуры Хайнрихсвальдского района Особого военного округа в 1945 – начале 1946 года // Калининградские архивы. Калининград: Изд-во И.П. Мишуткина И.В., 2008. С. 110-116.

¹³¹ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 44.

¹³² Там же. С. 51, 52.

В рапорте военного коменданта Инстербургского района (16 января 1946 г.) отмечалось, что население района (как немецкое, так и советское) практически не получает медицинской помощи – в амбулаториях и больницах отсутствуют медикаменты, забота о здоровье людей возложена исключительно на средний медицинский состав, заболеваемость и смертность неуклонно возрастают. Отсутствие в больницах и детском доме мягкого инвентаря, постельного белья, матрацев, мыла, термометров и инструментария приводило к росту внутрибольничных инфекций, высокой летальности пациентов, вспышкам брюшного тифа¹³³. О тех же недостатках в организации и снабжении здравоохранения в феврале 1946 г. сообщал в докладной записке наркому здравоохранения СССР Г.А. Митереву начальник Временного гражданского управления здравоохранения подполковник Ф.К. Панафидин. Согласно документу, медицинский и обслуживающий персонал больниц, состоящий из немцев, не получал зарплаты, что порождало угрозу «массового бегства персонала», а коллектив Временного гражданского управления здравоохранения насчитывал всего 3 сотрудника, вместо положенных по штату 33-х: отсутствовали ведущие специалисты-медики, в том числе эпидемиолог¹³⁴. В секретном сообщении, датированном 19 апреля 1946 г. Ф.К. Панафидин обращал внимание наркома на бедственное положение нетрудоспособного немецкого населения, которое «фактически в медицинском отношении никем не обслуживается», а также на отсутствие медикаментов и перевязочных материалов в действующих больницах и амбулаториях¹³⁵.

4 апреля был издан приказ, направленный на повышение эффективности медицинской помощи немецкому населению. Исходя из своих скромных ресурсов, командование 11 Гвардейской армии попыталось решить задачу реорганизации сельского здравоохранения. В частности, военным комендантам районов и районным врачам предписывалось «содержать в районах следующие лечебные учреждения: больниц на 100 коек – 6, на 50 коек – 12. При каждой больнице организовать амбулаторный приём силами больниц. Укомплектовать больницы немецкими мед. работниками, имеющимися в районах, оставив в военных совхозах по две медсестры». В то же время, в

¹³³ Там же. С. 59, 310. См. также ГАКО. ф. 298. Оп. 3. Д. 10. Л. 65, 67-69.

¹³⁴ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления. С. 62.

¹³⁵ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 17. По словам Ф.К. Панафидина в большинстве городов и в сельской местности «совершенно отсутствует сеть советского здравоохранения». Там же. Л. 17.

приказе указывалось, что «содержание большего числа больниц или увеличение количества коек, а также увеличение штатов, приниматься на снабжение и финансирование не будет»¹³⁶.

В Кёнигсберге предполагалось содержать отдельную сеть больниц и поликлиник для немецкого и русского (советского) населения. В районах Кёнигсбергской области в целях экономии средств, предписывалось организовать комбинированные больницы для русского и немецкого населения, но с полным разделением отделений по национальному признаку. Временное гражданское управление согласилось принять на снабжение и финансирование не более 6 сельских больниц на 100 коек каждая и 11 больниц на 50 коек¹³⁷. Для обслуживания больных немцев использовался немецкий медицинский и обслуживающий состав. Для русского населения в Кёнигсберге были предусмотрены 1150 коек (мест) в больницах, в том числе общего типа (терапевтических) – 500, инфекционных – 300, детских – 200 и родильных – 150. Для немцев-жителей Кёнигсберга предусмотрели 1450 коек, в том числе 600 инфекционных. В районах области сохранялось 1150 коек, из которых 50% были предназначены для русского населения и 50% для немецкого¹³⁸.

Приказ министра здравоохранения РСФСР от 15 мая 1946 г. «Об обеспечении медицинской помощи населению и проведении противоэпидемических мероприятий в Кёнигсбергской области» положил начало формированию санитарно-эпидемиологической службы: создавались областные СЭС, станция скорой помощи, тубдиспансер и вендиспансер; в городах областного подчинения (Инстербург, Тильзит) – городские СЭС, поликлиники и станции скорой помощи; в районных центрах – районные СЭС и амбулатории. Управлению кадров министерства было предписано в двухнедельный срок направить для работы в новообразованную область санитарных инспекторов, начальников секторов и не менее 10 опытных врачей¹³⁹.

Однако кадровая проблема в 1946 г. оставалась необычайно острой. В апреле штат врачей в области был укомплектован только на 28,1%. Имелось 34 врача исключительно в системе целлюлозно-бумажной промышленности, в то время как минимальная потребность оценивалась не менее, чем в 121. Многие врачи, направленные

¹³⁶ ГАКО. Ф. 332. Оп. 2. Д. 5. Л. 19-20.

¹³⁷ Там же. Оп. 1. д. 2. л. 122, 123.

¹³⁸ Там же. Л. 25-26.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 144. Л. 100, 101.

Министерством здравоохранения, в область не приехали, некоторые систематически не выходили на работу¹⁴⁰. Недостаточно было и среднего медицинского персонала. Серьёзной проблемой являлось отсутствие главных врачей больниц и ведущих специалистов.

Весной и летом 1946 г. лечебно-профилактические учреждения вынужденно размещались в зданиях, предоставляемых исполкомами городских и районных Советов. В помещениях срочно проводились ремонтные работы, оборудовались кабинеты, смотровые, перевязочные, операционные. Однако качество ремонта нередко оставляло желать лучшего¹⁴¹. На промышленных предприятиях создавались врачебные и фельдшерские здравпункты, в сельской местности – фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты.

К началу июля 1946 г. сеть медицинских учреждений Кёнигсбергской области включала 26 больниц (на 4 600 коек), 12 поликлиник и амбулаторий, 9 здравпунктов и 4 детских яслей. Около 90% всего медицинского персонала составляли немцы, на всю область имелась только одна аптека (в Кёнигсберге)¹⁴². Хирургическая помощь до мая 1946 г., не считая военных госпиталей, оказывалась только в медсанчасти Кёнигсбергского ЦБК-1¹⁴³.

С июля 1946 г. начались организационные мероприятия по формированию материальной базы областной больницы (на основе Центральной немецкой больницы). Отчёт о первом полугодии работы Областной больницы зафиксировал состояние медицинской помощи немецкому населению на момент реорганизации Центральной больницы в Областную. На 1 июля 1946 г. в больнице находились 1 742 больных, обслуживающий персонал состоял из 22 врачей и 115 медсестёр. В больнице отсутствовало разделение больных по профилям. Наряду с пациентами, требовавшими лечения, в больнице нашли приют многочисленные беспризорники, инвалиды, престарелые. Здание больницы служило домом большей части персонала. В первые месяцы после реорганизации больницы была проведена большая работа по формированию «русско-

¹⁴⁰ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления. С. 311.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 603. Л. 2.

¹⁴² ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 в.с. Д. 10. Л. 11.

¹⁴³ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления. С. 311.

го персонала» - врачебного и среднего: если к октябрю в больнице работали всего 7 человек русских врачей и медсестёр, то к концу года – уже 61¹⁴⁴. Широко привлекались к работе и доктора-немцы. Согласно официальной статистике, в январе 1947 г. в областной больнице работали 90 немцев: 10 врачей и 80 медицинских сестёр¹⁴⁵.

К концу октября 1946 г. в области функционировали уже 32 больницы, однако коечный фонд сократился до 3 805 коек, были открыты три роддома на 95 коек и родильное отделение при Калининградской городской больнице на 100 коек, 5 поликлиник, 27 амбулаторий и три детско-женские консультации, три венерологических диспансера, 15 здравпунктов при промышленных предприятиях и 41 ФАП. Кадровый состав областного здравоохранения включал 160 «русских врачей», 250 человек среднего медперсонала. В области были открыты 9 городских, 14 сельских аптек и 5 аптечных пунктов¹⁴⁶.

На начало декабря 1947 года в городах и районах области работали 38 больниц на 3 920 коек, 38 амбулаторий, 2 крупные поликлиники и 100 фельдшерско-акушерских пунктов. Тем не менее, как лечебная, так и санитарно-гигиеническая работа медицинских учреждений признавалась областным руководством неудовлетворительной. На первой областной партийной конференции (2-4 декабря 1947 г.) секретарь обкома В.В. Щербаков поставил перед калининградскими медработниками и советскими органами власти задачу расширить сеть лечебных учреждений. Кроме того, предполагалось обсудить с Министерством здравоохранения СССР вопрос о создании в Калининграде в 1948-1949 гг. медицинского института для пополнения больниц и поликлиник врачами¹⁴⁷.

Руководство области не сомневалась в успехе этой инициативы. 1 сентября 1948 г. в адрес заместителя председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилова было направлено официально письмо Облисполкома и обкома ВКП(б) по Калининградской области с просьбой открыть медицинский институт в Калининграде. Для размещения института предоставлялось здание в 34 тыс. кв. метров, занимаемое до войны университетской хирургической клиникой. Авторы письма (председатель облисполкома

¹⁴⁴ ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 5, 6.

¹⁴⁵ ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 107. Л. 8.

¹⁴⁶В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления. С. 162.

¹⁴⁷ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 77, 78.

А.В. Егоров и первый секретарь обкома В.В. Щербаков) настаивали на том, что «институт явится источником высококвалифицированной медицинской помощи, центром научно-исследовательской работы по изучению краевой патологии». Областная больница, согласно предложенному в письме сценарию, должна была быть преобразована в клинику, стать базой для стажировки студентов вуза¹⁴⁸. Однако проект создания мединститута был отклонён. Формальное основание – в Калининграде создана и успешно функционирует фельдшерско-акушерская школа, из ведущих медицинских вузов страны в область будут дополнительно направлены молодые специалисты-медики.

Материально-техническая база областной системы здравоохранения также вызвала немало нареканий со стороны областного руководства и самих медработников. Несмотря на то, что в 1947 г. в области была организована санитарно-авиационная станция, в мае 1948 г. – станция переливания крови, а в июне 1949 г. – областное общество Красного креста, состояние помещений областной и районных больниц, обеспеченность отделений и амбулаторий инвентарём, медикаментами, перевязочными материалами не соответствовало даже минимальным требованиям. Так, после осмотра Гусевской городской больницы заведующий Калининградским облздравотделом отмечал: «Лечебная работа в больнице поставлена неудовлетворительно. В палатах – холод, больница не освещена. В больничном морге трупы кладутся на пол, и есть случаи поражения трупов грызунами». В результате расследования главный врач больницы, как и заведующий Гусевским здравотделом были сняты с должностей¹⁴⁹. Похожая ситуация сложилась и в районной больнице Нестерова: «Район не укомплектован как руководящими кадрами, так и специалистами, здание районной больницы – не отремонтировано, лаборатория – не работает (нет реактивов), отсутствует рентгенкабинет, нет санитарной машины. Нет ни одного медика со стажем»¹⁵⁰.

Не лучше обстояло дело и с неотложной медицинской помощью. На начало июля 1949 г. в области функционировали три станции скорой помощи. Правда, эффективность их работы едва ли могла быть высокой – к станциям были приписаны 4

¹⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 17, 18.

¹⁴⁹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 5. Л. 5-7.

¹⁵⁰ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 156. Л. 11, 12.

автомобиля, лишь 2 из которых находились в исправном состоянии¹⁵¹. Автопарк больниц и амбулаторий области составляли трофейные автомобили – «Мерседес» и «Фольксваген»¹⁵².

В письме министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову секретарь обкома В.В. Щербаков сокрушался, что больницы и амбулатории области недополучают самого необходимого: «Снабжение области медикаментами, предметами санитарии, гигиены и ухода за больными продолжает оставаться совершенно неудовлетворительным. Не хватает эфира для наркоза, хлористого кальция и т.д. В аптеках отсутствуют даже зубные щётки и термометры»¹⁵³. Наиболее острой оставалась кадровая проблема. Весной 1948 г. в десяти районах области заведующими районными отделами здравоохранения работали фельдшера. В штате областной больницы отсутствовали ведущие специалисты: невропатолог, окулист, онколог. В июле 1948 г. был наложен запрет на предоставление отпусков всем медработникам области – назревала угроза эпидемии малярии. Весьма показательно, что в январе 1949 г., в связи с недостатком квалифицированных специалистов-медиков, по просьбе В.В. Щербакова военным врачам было разрешено работать по совместительству в спецполиклинике г. Калининграда, обслуживающей областной партийный и советский актив¹⁵⁴.

Важным событием в жизни области стал I областной съезд врачей (25 апреля 1948 г.). Доклад заведующего Облздравотделом начинался традиционным приветствием в адрес собравшихся, здравницами И.В. Сталину и напоминанием о высокой миссии советского врача. «На долю нас – врачей и медицинских работников Калининградской области выпала великая честь строить Советское здравоохранение в новой области, созданной по воле партии и Советского народа на обломках стёртого с лица земли прусского государства, этой цитадели звериного фашизма и плацдарма мировой агрессии». Доклад содержал обстоятельный анализ достижений и проблем областного здравоохранения. Так, отмечался недостаток врачей (9% свободных ставок в городах и 25% - в сёлах области) и средних медработников (35%), низкая квалификация большинства работающих специалистов и, как следствие, неверная поста-

¹⁵¹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 14. Л. 13.

¹⁵² Там же. Д. 5. Л. 25.

¹⁵³ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.

¹⁵⁴ Тем не менее, медицинские сотрудники систематически привлекались на полевые работы в колхозах. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 78. Л. 25-26.

новка диагнозов (по инфекционным заболеваниям она достигала 28%), практически полное отсутствие в сельской местности акушеров-гинекологов, приводившее к многочисленным родовым травмам и летальным исходам, высокий процент неверных диагнозов (23-28% по пневмонии и инфекционным заболеваниям). Ужасающее состояние зданий многих больниц и амбулаторий объяснялось отсутствием подходящих для их размещения помещений: «Медицинские учреждения приходилось развѣртывать, прежде всего, там, где имелись сохранившиеся в той или иной мере немецкие больницы и госпитали, а там, где их не было, занимать первые мало-мальски уцелевшие помещения»¹⁵⁵. В качестве замечания женским консультациям приводился высокий уровень абортов по области (589 в 1947 г., при, безусловно, неполной статистике)¹⁵⁶.

Одновременно с созданием лечебных и профилактических учреждений в области формировалась санитарно-эпидемиологическая служба. К концу 1947 г. в области функционировали 18 СЭС (областная, 3 городских – в Калининграде, Советске и Черняховске, 14 районных). Были развѣрнуты бактериологическая, химическая пищевая и санитарно-гигиеническая лаборатории, отдел дезинфекции и дератизации, пункты санитарного просвещения, создана оперативная противоэпидемическая группа¹⁵⁷. Специалисты областной, городских и районных СЭС, начиная с 1946 г. вели работу по проверке санитарного состояния переселенческих эшелонов, помещений медицинских учреждений, предприятий области. К концу 1951 г. дополнительно были развѣрнуты 3 СЭС в областном центре и 6 районных станций¹⁵⁸.

Важной составляющей процесса формирования областного здравоохранения являлась деятельность по созданию системы педиатрической помощи. К началу 1947 г. в регионе было развернуто 18 женско-детских консультаций: 6 в областном центре, по одной в Советске и Черняховске и 10 в районах. Из-за отсутствия врачей не состоялось запланированное на 1946 г. открытие консультаций в Ладушкинском, Нестеровском, Правдинском и Черняховском районах. Первая консультация открылась в Калининграде 1 сентября 1946 г. Прием в консультациях вели 22 врача, 10 из которых были педиатрами. В течение первого полугодия своего существования женско-детские консультации работали почти исключительно как амбулатории: штаты патронажных

¹⁵⁵ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 2-6.

¹⁵⁶ Там же. Л. 16.

¹⁵⁷ ГАКО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1.

¹⁵⁸ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33. Л. 1.

сестёр укомплектовать не удалось, поэтому в большинстве консультаций патронажная работа практически не велась. По этой причине возложенная на консультации задача статистического учета детского населения городов и районов в возрасте до трех лет не была реализована в полном объёме, учетом были охвачены только те дети, родители которых обращались в консультации за помощью. Амбулаторный прием для беременных и младенцев был также организован в медицинских частях калининградских целлюлозно-бумажных комбинатов № 1 и № 2, завода № 820.¹⁵⁹

Медицинская помощь детям старшего возраста оказывалась амбулаториями общего типа, а также в фельдшерских (фельдшерско-акушерских) пунктах. Значительным достижением областного здравоохранения стало проведение осеннего медицинского осмотра школьников, охватившего все 268 школ с количеством учащихся свыше 24 тыс. человек.¹⁶⁰ Стационарная помощь детям в областном центре оказывалась в специализированных детских отделениях Областной и Инфекционной больниц, организованных в июне-июле 1946 г. В стационарах, расположенных за пределами Калининграда, для размещения детей была отведена часть мест в общих палатах («детские койки»).

В детских отделениях ведущих лечебных учреждений области – Областной и Инфекционной больниц г. Калининграда – до конца 1946 г. работали почти исключительно врачи-немцы. Первый педиатр, командированный в область сразу после окончания медицинского института, приступил к работе в Областной больнице в октябре. «Засилье немцев» в ведущих больницах Калининграда вызывало резкую критику областного руководства и сотрудников облздравотдела. В годовом отчете о развертывании и деятельности детских лечебно-профилактических учреждений в 1946 г. причиной высокой смертности детей в Областной больнице (43 из 425 поступивших детей) прямо называлась «преднамеренно некачественная работа немецкого медицинского персонала» и грубые недочеты, допущенные им при организации работы отделения (перебои с сульфамидными препаратами и молочными смесями).¹⁶¹ При этом речь идет в основном о немецких детях, составлявших свыше 90% пациентов педиатрических отделений. Интересно, что в другом фрагменте того же отчета главным винов-

¹⁵⁹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1. Л. 2-5.

¹⁶⁰ Там же, л. 2.

¹⁶¹ Там же, л. 17.

ником кризиса снабжения больниц и амбулаторий области в 1946 г. было названо аптечное управление, которое «не смогло обеспечить детские учреждения медикаментами и медицинским инструментарием».¹⁶²

На совещаниях медицинских работников и собраниях партактива неоднократно обсуждался вопрос о доступности медицинской помощи городскому и сельскому населению. В Калининградской области, как и по всей стране в послевоенные годы, основным стал участковый принцип оказания медицинской помощи. Районы, обслуживавшиеся одной поликлиникой, обычно делились на участки. Участковый врач, помимо лечебной работы на участке, организовывал и профилактические мероприятия по предупреждению заболеваний. Для госпитализации больных была создана служба скорой помощи. Эффективность этой службы на протяжении второй половины 1940-х – 1950-х гг. была низкой: недостаточное распространение средств связи и плохая обеспеченность автотранспортом (в 1949 г. – 4 автомобиля на область, в 1955 – 14) часто превращали возможность добраться до больницы в несбыточную мечту. На Областном совещании сельских медицинских работников (23-24 июля 1954 г.) заведующий Калининградским областным отделом здравоохранения П.Н. Никольский неоднократно обращался к проблеме доступности медицинской помощи населению города и села: «Тот транспорт, который даём, используют не так, как положено – возят пьяных, всякие вещи. Будем ставить вопрос и отбирать. Нельзя так делать. Разъезжают, разные пикники устраивают, а для того, чтобы перевезти больного, нужно звонить вплоть до обкома партии». Адресуя своё пожелание сотрудникам службы скорой помощи и сельских больниц, он заявлял: «Лошадь должна войти в наш быт, и она нам принесёт большую пользу»¹⁶³. В отчёте о работе Калининградского обкома ВКП(б) (1948 г.) В.В. Щербаков признавал: «во многих случаях население не имеет возможности получить своевременную квалифицированную медицинскую помощь»¹⁶⁴.

О том, что в областном здравоохранении, мягко говоря, «не всё гладко», знали и в Москве: как уже отмечалось выше, партийное и советское руководство области, начальники Облздравотдела регулярно информировали вышестоящие структуры

¹⁶² ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.

¹⁶³ Там же. Д. 68. Л. 137-138.

¹⁶⁴ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 54.

(Наркомздрав, Совет Министров) о проблемах с обеспечением медикаментами, квалифицированными специалистами. В декабре 1951 г. в Калининградскую область была направлена специальная бригада Министерства здравоохранения РСФСР¹⁶⁵. Целью визита было обследование состояния здравоохранения в самой западной области СССР, поводом – высокие показатели младенческой смертности и заболеваемости населения инфекционными болезнями¹⁶⁶. На выводах комиссии хотелось бы остановиться более подробно.

Комиссия констатировала некоторое улучшение санитарно-эпидемиологической ситуации в области в сравнении с предыдущим (1950) годом, отмечала наличие несомненных успехов в борьбе с туберкулёзом и брюшным тифом¹⁶⁷. Кадровый вопрос признавался практически решённым – из 1001 утверждённой штатной должности врача на конец года было занято 985. Таким образом, общая укомплектованность области врачами составляла 98%. Значительную часть врачебного персонала больниц и амбулаторий составляли молодые специалисты – вчерашние выпускники медицинских институтов. Только в 1951 г. в область прибыло 66 врачей выпуска 1951 г. Из 24 сельских больниц области только одна не имела в штате врача. Состояние укомплектованности среднего медицинского персонала комиссия оценила в 70%. Материалы комиссии позволяют дать характеристику врачебному сообществу Калининградской области на декабрь 1951 г. Известна его общая численность: 985 человек. По стажу профессиональной деятельности врачи распределялись следующим образом: 0-3 года – 35%; 4-5 лет – 15%; 6-10 лет – 21%; свыше 10 лет – 28%¹⁶⁸. Отмечалась высокая «текучесть кадров» - особенно в связи с тем, что многие врачи являются жёнами военнослужащих и вынуждены покидать область в случае перевода супруга.

Калининградская область на рубеже 1940-х-1950-х гг. являлась одним из лидеров в РСФСР по заболеваемости туберкулёзом. Поэтому значительная часть наблюдений комиссии была так или иначе связана с «туберкулёзной проблемой». Комиссия подвергла критике «климатическое обоснование высокой заболеваемости туберкулёзом», которое циркулировало в исходящей переписке Облздравотдела, сделала ряд

¹⁶⁵ В составе доктора медицинских наук, академика И.И. Вишневого и ещё семи специалистов министерства здравоохранения. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33. Л. 1.

¹⁶⁶ Там же. Л. 1-2.

¹⁶⁷ Там же. Л. 1.

¹⁶⁸ Там же. Л. 3,4, 6.

ценных замечаний относительно профилактики этого распространённого инфекционного заболевания¹⁶⁹. Проверка выявила полное отсутствие в 8 районах области действенной профилактики и борьбы с туберкулёзной инфекцией. При наличии в области трёх туберкулёзных диспансеров (в Калининграде, Советске и Черняховске) и 14 специализированных кабинетов рентгеновская диагностика и проверка анализов проводились только в областном центре¹⁷⁰. Больные дети с признаками туберкулёза лёгких часто госпитализировались в детские отделения и размещались в одной палате с обычными (терапевтическими, хирургическими) пациентами¹⁷¹.

Комиссия констатировала «удовлетворительное» состояние акушерства и родо-вспоможения в области, отмечая, вместе с тем, серьёзные проблемы в организации профилактической работы и информационной деятельности женских консультаций¹⁷².

На протяжении всего рассматриваемого периода существовали серьёзные различия между городской и сельской системами здравоохранения, как в инфраструктурном, так и в профессиональном (кадровом) плане. Так, в январе 1948 г. в городах области работали 219 врачей и 14 – в сельской местности, 838 фельдшеров и медсестёр в городских больницах и поликлиниках и 62 в сельских. Коечный фонд также не был распределён пропорционально численности населения: 3 848 мест в городских стационарах и 355 – в сельских¹⁷³. Ситуация не была бы угрожающей, если бы районные отделы здравоохранения или сельские советы имели возможность оперативно доставлять пациентов с тяжёлыми заболеваниями или травмами в больничные учреждения. Однако, как свидетельствуют документы, зачастую поиском попутного транспорта до областного центра занимались даже заведующие райздравотделами¹⁷⁴.

В состав сельских медицинских участков входили сельская больница (или амбулатория), фельдшерско-акушерский пункт (ФАП), колхозные роддома (редкость

¹⁶⁹ Анализ историй болезни свидетельствовал о том, что около половины туберкулёзных больных, проходящих лечение в стационаре, до переезда в область также страдали различными формами туберкулёза. Там же. Л. 8.

¹⁷⁰ По данным, приведённым в отчёт комиссии, в область были доставлены 4 рентгеновские установки, однако только одна из них реально использовалась («да и то не регулярно»), остальные пылились на складе. Там же. Л. 6.

¹⁷¹ Там же. Л. 6,7.

¹⁷² Там же. Л. 9,10.

¹⁷³ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 65. Л. 15.

¹⁷⁴ ГАКО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

вплоть до конца 1950-х гг.), ясли, а также здравпункты предприятий, находившиеся на территории данного сельского Совета. Как правило, сельские больницы были маленькими, здесь работало в лучшем случае 2-3 врача, нередко – только фельдшер. Хирургическую помощь оказывать было некому: до 1951 г. в 5 районах области вообще не было хирургов¹⁷⁵. Типичная сельская больница была рассчитана на полтора десятка больных, кое-где, как в селе Ясном Славского района работала больница на 60 мест. В то же время к 1953 г. 75% всех совхозов области вообще не имели больниц или амбулаторий. Отдельно открывались женские и детские консультации. В сельской местности ощущался явный недостаток акушеров-гинекологов, в 1950 г. почти 45% родов происходило на дому (к 1956 г. этот показатель снизился до 7-8%). По статистике Облздравотдела в 1951 г. фельдшерско-акушерские пункты обслуживали до 75% сельского населения. Почти 20% сельских жителей поступали на лечение в городские больницы. Уже в 1947 г. было организовано медицинское обслуживание во время посевной и уборочной кампаний¹⁷⁶. Общие статистические данные по областной системе здравоохранения за 1947-1950 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1. *Медицинские учреждения Калининградской области (1947-1950 гг.)*¹⁷⁷

Медицинские учреждения и численность медработников	1947	1948	1949	1950
Больницы	33	35	65	47
В т.ч. городские больницы	23	25	42	29
В т.ч. сельские больницы	10	10	23	18
Амбулатории	38	28	28	28
Поликлиники	2	6	5	6
Женские консультации		22	24	25
Фельдшерско-акушерские пункты	100	134	141	154
Станции (отделения) скорой медицинской помощи	-	1	2	2
СЭС	18	24	24	27
Общее количество коек	3590	4002	4600	4737
Врачи	68	376	630	754
Средние медицинские работники	744	897	2000	2019

¹⁷⁵ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 32. Л. 50.

¹⁷⁶ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 32. Л. 48; История сельского хозяйства Калининградской области /отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. С. 210, 211.

¹⁷⁷ Таблица составлена по материалам отчётов Облздравотдела и областных съездов врачей (ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 2-24; Д. 14, Л. 4-18; Д. 32. Л. 2, 37). В таблице приведены данные на начало года.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о той огромной работе, которая была проведена руководителями и рядовыми сотрудниками областного здравоохранения в первые годы существования области. За несколько лет удалось создать развитую сеть лечебных, профилактических и санитарных учреждений, соответствующую по всем основным формальным критериям (количество больниц, амбулаторий, врачей, коек на 10 000 человек населения) стандартам национальной медицины и средним показателям по СССР.

В 1950-е гг. система здравоохранения Калининградской области развивалась в основном за счёт увеличения числа медицинских учреждений, персонала, расширения профилактической деятельности.

Таблица 2. Медицинские учреждения Калининградской области
(1951-1959 гг.)¹⁷⁸

Медицинские учреждения и численность медработников	1951	1955	1959
Больницы	48	90	95
В т.ч. городские больницы	24	58	68
В т.ч. сельские больницы	24	32	27
Поликлиники	-	46	55
Женские консультации	25	26	26
Фельдшерско-акушерские пункты	162	190	213
Станции (отделения) скорой медицинской помощи	3	4	9
СЭС	27	27	27
Общее количество коек	4903	5 585	6 760
Врачи	821	1 146	1647
Средние медицинские работники	2323	3 474	5618

Обеспеченность области медицинскими кадрами во второй половине 1950-х гг. была достаточно высокой – 20 врачей на 10 тысяч человек населения (по РСФСР этот показатель составлял в среднем 16 врачей)¹⁷⁹. Постоянно возрастал объём квалифицированной хирургической и терапевтической помощи. Врачи областной, первой и второй городских больниц Калининграда осваивали новые методы лечения, большинство больниц и поликлиник были к середине 1950-х гг. оснащены мягким инвентарём,

¹⁷⁸ Таблица составлена по материалам отчётов Облздравотдела и областных съездов врачей (ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 2-24; Д. 14, Л. 4-18; Д. 32. Л. 2, 37).

¹⁷⁹ В сельской местности этот показатель был гораздо ниже. Так, в 1955 г. в сельских больницах и амбулаториях работало 73 врача, в то время как в районных и городских – 766. ГАКО. Ф. 181. Оп. 12. Д. 465. Л. 2,3.

регулярно снабжались основными лекарственными препаратами и перевязочным материалом. Важным достижением калининградских медиков следует признать значительное снижение уровня послеоперационной летальности и младенческой смертности¹⁸⁰.

Несмотря на общие благоприятные изменения в состоянии системы здравоохранения области, качество и своевременность оказания медицинской помощи сельскому населению оставляли немало поводов для критики со стороны самих медработников, как на публичных мероприятиях (съезды врачей, совещания руководителей районных отделов здравоохранения и т.д.), так и на страницах отчётов и справок.

Судя по многочисленным жалобам и заявлениям пациентов, в середине – второй половине 50-х гг. возросли требования к содержанию и характеру медицинской помощи, в том числе – акушерской и гинекологической. Вместе с тем, состояние этих отраслей областной медицины, особенно сельской, оставляло желать лучшего – акушерско-гинекологическое направление являлось одним из наиболее проблемных элементов областной системы здравоохранения.

В 1956 г. Облздравотдел провёл масштабное исследование состояния гинекологии и родовспоможения в городах и сельских районах области. Однако статистические результаты, представленные в отчётах, не давали полной картины, поэтому дополнительно были проведены обследования состояния роддомов и составлены соответствующие акты. В области на конец года функционировали 11 родильных домов¹⁸¹, родильное отделение работало в каждой районной больнице, общее количество «акушерских коек» достигло 740 (в т.ч. 120 – в сельских больницах), в регионе работали 68 акушера-гинеколога. Согласно сводным данным о квалификации врачей, в большинстве случаев она оставляла желать лучшего: в рядах акушеров-гинекологов не было ни одного специалиста 1-й категории и лишь 4 врача 2-й категории. В городах основная масса родов (96%) происходила в роддомах, в сельской местности – на дому (76%), роддома были крайне перегружены, а «родильные койки» на селе зачастую простаивали¹⁸².

¹⁸⁰ ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 481. Л. 33, 36.

¹⁸¹ Из них 4 – в Калининграде, по одному в Черняховске, Советске, Гусеве, Зеленоградске, Правдинске, Краснознаменске, Багратионовске. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 165а. Л. 1.

¹⁸² ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 119. Л. 54-60.

Акты обследования родильных домов и соответствующих отделений районных больниц вскрыли многочисленные случаи нарушения санитарно-гигиенического режима, что существенно повышало риск внутрибольничных заражений как матерей, так и новорождённых. Проверка родильного отделения в Озёрской районной больницы выявили отсутствие сыворотки для определения группы крови и оборудования для переливания крови, стерильного инструментария для неотложной хирургической помощи, акушерами не применялось обезболивание родов, новорождённые «совершенно не наблюдались врачом», в полном беспорядке находилась медицинская документация – личные карты новорожденных не заполнялись в течение полугода¹⁸³. В акте обследования роддома г. Гусева отмечалось отсутствие в учреждении дезинфицирующих средств (даже мыла), стерильного белья, обращалось внимание на антисанитарное состояние предродовой палаты и родовой комнаты¹⁸⁴. В Большаковском, Славском, Краснознаменском районах, наряду с антисанитарным состоянием палат и родильных комнат, отсутствовал патронаж (наблюдение) над беременными женщинами, в Гурьевском районе не велись истории новорождённых, в Пионерске родильное отделение было вообще свёрнуто по причине длительного отсутствия акушера-гинеколога¹⁸⁵.

К началу 1959 г. в ответ на снижение рождаемости «коечная сеть» родильных домов и отделений была несколько сокращена – до 680 мест в городах и 125 в сельской местности. К существовавшим ранее 11 городским и районным роддомам прибавились 6 колхозных, численность акушеров-гинекологов возросла до 107 (врачей 1-й категории по-прежнему не было, однако заметно увеличилась группа специалистов 2-й – до 7 человек). Значительно возросли транспортные возможности колхозов, совхозов – роженицы чаще доставлялись в районные роддома, поэтому колхозные роддома часто пустовали.

В первой половине – середине 50-х гг. значительная часть родов по сельской местности принималась на дому (в 1953 г. – 92%, 1955 г. – 32%, 1959 г. – 12%)¹⁸⁶. К

¹⁸³ На этом фоне несколько неуместным представляется замечание о невнимании к психологической подготовке рожениц. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 119. Л. 3, 5.

¹⁸⁴ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 119. Л. 37.

¹⁸⁵ Там же. Л. 51.

¹⁸⁶ В городах этот показатель был гораздо ниже – на протяжении 50-х гг. он не превышал 4-6%. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 197. Л. 6, 7-12, 21.

1959 г. доля внебольничных родов существенно сократилась, дома теперь рожали, как правило, исключительно многодетные матери, отказывающиеся от госпитализации (по семейным обстоятельствам) или женщины, проживавшие на отдалённых хуторах¹⁸⁷. К концу 1950-х гг. наметился прогресс и в работе женских консультаций – если в 1952 г. под наблюдение консультаций поступало не более 23% женщин со сроком беременности до 3-х месяцев, то в 1959 г. – 70%¹⁸⁸.

Сельское здравоохранение в 1950-е гг. поступательно развивалось: создавались новые ФАПы, больницы и больничные отделения, значительно возросли объёмы хирургической и педиатрической помощи, оказываемой населению сёл в местных больницах. В большинстве районов были сформированы полноценные лечебно-профилактические комплексы, включавшие районную и сельские больницы, родильные дома, поликлинику, амбулатории, женскую консультацию, СЭС, туберкулёзные и венерологические кабинеты, а также врачебные, фельдшерские и сестринские здравпункты (при сельсоветах, колхозах и совхозах). Проводились массовые осмотры населения на туберкулёз и раковые заболевания¹⁸⁹.

Основными проблемами сельского и районного здравоохранения к концу 1950-х гг. оставались: низкая квалификация значительной части врачей и среднего медперсонала, в том числе акушеров-гинекологов и хирургов¹⁹⁰, острая нехватка специалистов (офтальмологов, невропатологов, кардиологов и др.), недостаток диагностического оборудования и транспорта¹⁹¹. Ситуация осложнялась неудовлетворительным санитарным состоянием ряда районных центров и сельских поселений. Например, в Гвардейске до 1958 г. не функционировали очистные сооружения местных предприятий и канализационной системы, поэтому все сточные воды попадали в реку, служившую главным источником «бытовой воды» для городского населения, все город-

¹⁸⁷ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 197. Л. 1, 4, 6.

¹⁸⁸ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 197. Л. 10.

¹⁸⁹ В ряде районов имелись и противомалырийные станции. ГАКО. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2; Ф. 1146. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 6; Ф. 1098. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 14.

¹⁹⁰ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 197. Л. 1-6; Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 11, 16. Возможно, эта проблема объясняет крайне низкий процент родовых операций (в т.ч. «кесарева сечения») в районных роддомах – на протяжении второй половины 1950-х гг. он не превышал 2% от общего числа родов и был значительно ниже процентной доли родов, протекавших с осложнениями, угрожавших жизни матери и ребёнка. ГАКО. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Ф. 1146. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

¹⁹¹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 197. Л. 7, 8.

ские колодцы находились в запущенном состоянии, очистка придомовой территории фактически не производилась. В колхозах района отсутствовали общественные бани.

Непростой была ситуация с обеспечением области медикаментами. С одной стороны, руководство областного аптечного управления заявляло о решении в СССР «лекарственной проблемы»¹⁹² и обрушивалось с критикой на систему лекарственного обеспечения в капиталистических странах, признавая при этом наличие некоторых «недоработок» как следствие «несознательности» отдельных работников¹⁹³. С другой стороны – многие, существенные для нормальной деятельности больниц и амбулаторий медикаменты отсутствовали даже в минимально необходимом количестве¹⁹⁴.

В июле 1958 г. в Калининграде состоялся VIII областной съезд врачей. Обсуждение состояния и перспектив детского здравоохранения выявило немало проблем материального и организационного характера. Делегаты съезда – в большинстве врачи районных и городских больниц – признавали высокий уровень смертности, в т.ч. детской, видели причину этого в низкой санитарной культуре сельского населения, отсутствии планомерной профилактической работы с детьми и молодёжью, невнимании к проблемам здравоохранения со стороны председателей колхозов и совхозов, бездеятельности СЭС¹⁹⁵. В обращении участников VIII съезда ко всем медротникам области отмечалось, что «санитарно-эпидемиологическое состояние области остаётся неудовлетворительным»¹⁹⁶. Поставленную съездом задачу приоритетного развития сельского и детского здравоохранения в области еще предстояло решить.

¹⁹² Например, на областном совещании актива аптечных работников (1952 г.): «В результате заботы большевистской партии и Советского правительства о здоровье народа, в нашей стране создана самая совершенная, самая передовая в мире система лекарственного обслуживания населения и лечебных учреждений». ГАКО. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 19.

¹⁹³ На том же совещании: «Отдельные аптеки с поставленными задачами справляются неудовлетворительно. Руководители этих учреждений до настоящего времени не осознали и не поняли, что основной задачей жизни нашего государства, основой грандиозного мирного созидания, осуществляемого советским народом под руководством коммунистической партии, является единый государственный план». «Наши планы – учит тов. Сталин – есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов». Там же. Л. 19, 20.

¹⁹⁴ ГАКО. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 36. Л. 12-14; Д. 41. Л. 23-27.

¹⁹⁵ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 150. Л. 72, 94, 141, 923. Так, М. Цуман (педиатр Полесского района) заявляла: «В прошлом году мы имели колоссальную смертность детей от несчастных случаев. Почему? Потому что нет детских учреждений». Сазонова (инициалы не указаны, главный врач г. Гусева) возмущалась отсутствием педиатров в районе: «В районной детской больнице нет ни одного педиатра, а иногда в районной больнице за неимением врачей заведывание возложено на фельдшера. Детское население остаётся без присмотра». ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 150. Л. 142, 150, 64.

¹⁹⁶ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Л. 150. Л. 182.

Итак, население Калининградской области в период своего формирования испытывало воздействие нескольких факторов общенационального порядка: процессов индустриальной модернизации советского общества, «эха» демографических катастроф, послевоенной компенсации, государственной социальной и демографической политики второй половины 1940-х – 1950-х гг. Влияние факторов данной группы на демографический облик региона могло быть прямым (через законодательные акты, принципы миграционной политики, выстраивание системы социальной защиты) и опосредованным: переселенцы, составившие основу постоянного населения области, были носителями той модели демографического поведения, которая сложилась в условиях ускоренной трансформации советской экономики и общества, в годы первых пятилеток и военного лихолетья.

Послевоенная реальность молодой советской области содержала в себе немало типичного, характерного для десятков других регионов СССР, оказавшихся ареной сражений, зоной оккупации: разрушенная инфраструктура, сильно пострадавший жилой фонд, сельскохозяйственный сектор и промышленность, карточная система снабжения и т.д. К особенностям развития области следует отнести её пограничный статус (особая зона «сплошной паспортизации»), «военизированный характер», деятельность чрезвычайных военных органов управления (в мирное время), переселенческий тип областного социума, смешанное население (до выселения немцев в 1947-1948 гг.).

Важнейшим аспектом социального развития области в контексте темы диссертации следует признать складывание системы массовой медицинской помощи и профилактики. Расширение сети лечебных учреждений, рост численности врачей, распространение профилактических мероприятий на все новые районы и сельские поселения, упорядочение медицинской статистики привели к существенному снижению уровня смертности, а также инфекционной заболеваемости уже к середине 1950-х гг., подготовили условия для дальнейшей нормализации санитарно-эпидемиологической обстановки в самом западном регионе РСФСР. Наиболее значительным было воздействие успехов местного здравоохранения на сокращение младенческой и детской смертности, а также на изменение структуры причин смерти взрослого населения и, в конечном итоге, на среднюю продолжительность жизни населения области. Наряду с

бесспорными достижениями сохранялись и многочисленные недочеты, вызывавшие справедливую критику и обоснованную тревогу профессионального медицинского сообщества: слабость материально-технической базы, дефицит лекарственных средств, медленное развертывание профилактической работы.

ГЛАВА 2: ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

2.1 Заселение области во второй половине 1940-х – начале 1950-х: этапы, проблемы и результаты

Выше уже неоднократно подчеркивалась та выдающаяся роль, которую в истории самой западной российской области сыграло её интенсивное заселение. В демографическом смысле именно переселенческие кампании, а также стихийная миграция сформировали облик народонаселения края. Результатом заселения региона, продолжавшегося вплоть до начала 1950-х годов, стали «тотальная смена социополитической и социокультурной общности»¹⁹⁷, а также сформированный демографический фундамент молодой советской области¹⁹⁸.

Используя в качестве критериев интенсивность и характер миграции, можно предложить условную *периодизацию заселения* края. На *первом этапе* заселения области (апрель 1945 – август 1946 г.) ведущую роль в формировании «постоянного» (преимущественно – городского) населения играли демобилизованные военнослужащие и репатрианты, а также работники, направленные министерствами, ведомствами, партийными структурами (инженеры, квалифицированные рабочие, руководящие партийные работники и т.д.). *Второй этап* заселения региона (август 1946 – 1954 гг.) отличался наиболее высокими темпами механического прироста населения (особенно в 1946-1949 гг.), в том числе за счёт реализации планового переселения в сельскую местность, сохраняла своё значение «ведомственная миграция». На протяжении *третьего этапа* (1955 – вторая половина 1950-х гг.) миграционный прирост населения заметно сократился, уступая первенство естественному приросту.

¹⁹⁷ Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения // Балтийские исследования: Сборник научных трудов. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. Вып 1. С. 17.

¹⁹⁸ При всех издержках и просчётах, допущенных при организации массового заселения области во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., его основная, «государственная», задача была успешно решена: если к 1 августа 1946 г. советское население области составляло около 84,5 тыс. человек, то к началу 1950 г. в городах и сельских населённых пунктах насчитывалось уже 467,4 тыс. жителей. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-8, 123-125; Оп. 6. Д. 3. Л. 2, 3; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945-1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. С. 72.

Первый этап заселения территории будущей области был напрямую связан с деятельностью советской военной администрации и восстановлением местной промышленности, а также с репатриацией советских граждан, оказавшихся в период Великой Отечественной войны на территории Германии или оккупированных ею государств.

Мероприятия, связанные с организованным переселением в Кёнигсберг и на прилегающую к нему территорию советских граждан, имели место ещё осенью 1945 г. Так, в Постановлении СНК СССР № 2391 от 20 сентября 1945 г. Наркомату рыбной промышленности СССР было предписано направить в IV квартале 1945 г. и в I квартале 1946 г. в распоряжение созданного на территории будущей области рыбопромышленного треста 300 семей рыбаков-колхозников, 100 квалифицированных рабочих и 300 моряков для промысловых и транспортных судов¹⁹⁹. Кроме того, Наркомат совместно с Комитетом по распределению и учёту рабочей силы при СНК СССР должны были провести дополнительный набор для треста 500 рабочих²⁰⁰.

Приток советских граждан на территорию Восточной Пруссии осенью 1945 г. носил во многом стихийный характер, что побудило Военный Совет Особого Военного Округа (ОВО) и одноимённый Совет 11-й армии издать постановление, направленное на усиление контроля за прибывающими. Согласно постановлению, каждый гражданин СССР по прибытию на территорию ОВО обязан был в трёхдневный срок зарегистрироваться («прописаться») у районного коменданта, а в городе Кёнигсберг – в паспортном отделе Гражданского управления. За уклонение от прописки или за утерю справок о регистрации гражданам грозил штраф в размере 100 рублей. Всем воин-

¹⁹⁹ Балтийский государственный рыбопромышленный трест (Балтгосрыбтрест) был создан Постановлением ГКО от 12 июня 1945 г. № 9052 и приказом по Наркомату рыбной промышленности СССР от 14 июня 1945 г. № 205. С сентября трест приступил к организации регулярного лова в заливах Фришес-Хаф, Куришес-Хаф и в прибрежных районах Балтийского моря. См. Рыбная промышленность Калининградской области: Страницы истории. Калининград: Янтарный сказ, 2009. С. 16-19.

²⁰⁰ Переселенцам передавались в собственность «1-3 комнатные жилые дома», оплата стоимости которых производилась с рассрочкой до 10 лет, выделялись приусадебные участки и пахотная земля под огород общей площадью до 0,3 га на семью, одежда и обувь. Переселенцам единовременно выплачивалось до трёх месячных окладов по прежнему месту работы, а также по четверти месячной зарплаты на каждого переезжающего члена семьи. Рабочим, направляемым по оргнабору, выдавалось безвозвратное пособие до 2 тыс. рублей на работника и по 250 рублей на каждого члена семьи. При переезде каждый член семьи рабочего мог провезти до 50 кг. багажа. См. Ким И.П. Развитие территорий, присоединённых к СССР после второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова). 1945 – первая половина 1949 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 2010. С. 63, 64.

ским частям, учреждениям и предприятиям запрещалось принимать на работу «не прописанных лиц»²⁰¹. Тем не менее, паспортные отделы Управлений по гражданским делам не охватывали значительную часть стихийных и «организованных» переселенцев, что вызывало «крайнюю озабоченность» военного руководства. Так, на 1 марта 1946 г. только в третьем районе Кёнигсберга без регистрации работали и проживали на территории ЦБК №1 свыше 900 граждан СССР. Более того, около 6 тысяч человек местного (немецкого) населения того же района работали без оформления необходимых документов²⁰².

Поставленные партийным и государственным руководством СССР амбициозные экономические задачи вынуждали тресты и предприятия, расположенные на территории Особого военного округа, решать кадровую проблему. В связи с немногочисленностью советского гражданского населения производилась вербовка рабочих на территории центральной России (Центральный, Центральнo-Чернозёмный, Северо-Западный районы). Так, в январе-марте 1946 г. лесозаготовительным трестом «Неманлес» была проведена кампания по вербовке 5 тыс. рабочих, к началу апреля около 4 тыс. из них уже были размещены на предприятиях треста²⁰³. Предприятия целлюлозно-бумажной промышленности Кенигсбергского округа также столкнулись с кадровой проблемой – ощущалась острая нехватка специалистов и чернорабочих. На 20 августа 1945 г. в округ прибыло около 5 тыс. человек, однако среди прибывших имелось «значительное количество больных, инвалидов II группы и т.п., требующих возвращения на родину»²⁰⁴.

Как свидетельствуют документы гражданских управлений, предприятия и гражданские учреждения, вербовавшие на работу советских граждан, далеко не всегда выполняли свои обязательства, указанные в договоре: задерживали выплату подъёмных, суточных, стоимости проезда, выдачу обуви и одежды, что приводило к обратным выездам «в Россию».

²⁰¹ ГАКО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁰² ГАКО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 2. Л. 86, 87. В период массового заселения области постоянные нарекания сотрудников переселенческого отдела вызывало состояние документов переселенцев – анкет-заявлений, справок, а также эшелонных списков. См., например, ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 9. Л. 8.

²⁰³ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 71.

²⁰⁴ Таким образом, «некачественный отбор переселенцев», о котором много и настойчиво будут говорить сотрудники переселенческого отдела, представители обкома, райисполкомов в период массового сельскохозяйственного переселения, был характерен и для «ведомственной миграции». Там же. С. 43.

Ситуацию осложняло почти полное отсутствие (на протяжении лета 1945 – марта 1946 г.) магазинов (в т.ч. коммерческих), в связи с чем рабочие и служащие не могли приобрести предметы первой необходимости. Систематические нарушения трудового законодательства, по мнению военного прокурора Кёнигсбергского гарнизона, создавали «неуверенность в постоянной оседлости, которую следовало бы насаждать», наносили «политический вред задачам перемещения рабочей силы из районов СССР в Кёнигсбергскую область»²⁰⁵. Серьёзные недостатки были отмечены в обеспечении продовольствием рабочих ряда предприятий, в частности, в столовых кёнигсбергского ЦБК № 1 трёхразовое питание обходилось в среднем в 300 руб. в месяц в то время как значительная часть трудового коллектива предприятия имела меньшую заработную плату. На Кёнигсбергском вагоностроительном заводе весьма остро стояла жилищная проблема – к концу апреля 1946 г. жилплощадью (квартирами) были обеспечены 60% рабочих (квартиры предоставляли семьям с обязательным «подселением» одного-двух «холостяков»). В качестве причин многочисленных нарушений трудовой дисциплины (прогулов) рабочие предприятия называли отсутствие обуви и необходимость охраны квартир, личного имущества²⁰⁶.

К середине апреля 1946 г. на территории образованной Кёнигсбергской области проживали около 35 тыс. советских граждан, к августу того же года численность наличного советского населения возросла до 84,5 тыс. человек²⁰⁷. Большую часть этого контингента составляли демобилизованные военнослужащие и члены их семей, репатрианты, а также направленные в область специалисты (подробнее см. § 2.2).

Отличительным атрибутом *второго этапа* заселения области стали масштабные *переселенческие кампании*, начальным моментом которых следует считать 9 июля 1946 г., когда Совет Министров СССР принял важнейший документ, определивший одно из основных направлений деятельности органов власти области – Постановление № 1522 «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области». Документ предусматривал переселение в августе – октябре 1946 г. на добровольных началах 12 тыс. семей колхозников

²⁰⁵ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 63, 64.

²⁰⁶ Там же. С. 76, 78, 79.

²⁰⁷ ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 вс. Д. 10, Л. 20.

из 23 автономных республик и областей РСФСР, а также из Белорусской ССР²⁰⁸. В качестве основного источника ресурсов для переселения рассматривались, прежде всего, области Центральной России.

Колхозникам, изъявившим желание покинуть свою «малую родину» и переселиться в Калининградскую область предоставлялись существенные льготы, как материального, так и правового характера: бесплатный провоз 2 тонн багажа на семью, безвозвратное пособие в 1000 р. на главу семьи и по 300 р. на каждого её члена, списание всех недоимок, освобождение в местах вселения от денежных (сельскохозяйственного и подоходного) налогов, страховых платежей на 3 года, обязательных поставок продуктов (кроме молока) на 2 года. Переселенцам, не имеющим в личном пользовании скота и домашней птицы, гарантировалась передача коровы, 2 овец, поросенка, 5-10 птиц с ферм сельхозартелей, в которых они состояли. Кроме того, Совет Министров СССР обязал Сельхозбанк обеспечить выдачу «нуждающимся переселенцам» кредитов на сумму до 10 тыс. рублей (на семью) на строительство и ремонт домов с последующим отнесением 50% суммы на счёт государства и с погашением остальной части в течение 7 лет, начиная с третьего года получения ссуды, бескорытным хозяйствам выдавалась долгосрочная ссуда в размере до 3 тыс. рублей на семью сроком на 5 лет. Калининградское областное управление по гражданским делам было обязано передать каждой переселенческой семье в личную собственность «жилой дом с надворными постройками» и закрепить за ней приусадебный участок размером до 0,5 га²⁰⁹.

Переселенцам в сельскую местность разрешалось сдавать в местах выхода заготовительным организациям под обменные квитанции сельскохозяйственную продукцию с правом получения в местах равнозначного количества. На время пути переселенцам выдавались хлеб и другие продукты питания в виде сухого пайка сроком на 15

²⁰⁸ Области: Брянская, Великолукская, Владимирская, Воронежская, Горьковская, Калининская, Калужская, Курская, Кировская, Куйбышевская, Костромская, Новгородская, Московская, Орловская, Псковская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Ярославская; АССР: Мордовская, Марийская, Чувашская. ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 1. Л. 9 – 11; См. также Очерки истории Восточной Пруссии. С. 472.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 557. Л. 98, 99. Совет Министров также обязал Министерство торговли СССР «продать каждой переселенческой семье колхозников на месте по государственным ценам: 1 пальто, 30 метров хлопчатобумажных тканей, 10 литров керосина, 10 килограммов соли, 40 коробок спичек и каждому члену семьи: 1 пару обуви, 1 головной убор, по 2 пары носок и чулок, 2 катушки ниток и 1 килограмм хозяйственного мыла». Там же, Л. 99. См. также: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 94-98.

дней по нормам, установленным для рабочих, переселяющиеся семьи должны были быть обеспечены в пути следования горячим питанием из 2-х блюд 1 раз в сутки.

Специалистам, в том числе сельского хозяйства (агрономам, механизаторам, ветеринарам и др.), гарантировалась передача в личную собственность жилого дома, стоимостью не более 20 тыс. рублей с рассрочкой выплат на 10 лет, при условии не менее чем 10-летней трудовой деятельности на территории области; демобилизованные военнослужащие платили 50% от суммы. Специалисты также имели право на получение единовременного пособия в размере двухмесячного заработка по прежнему месту работы (однако, не более 1500 р.) и по 25% месячного заработка на каждого члена семьи (но не менее 250 р.), на бесплатный проезд (вместе с семьёй) до места работы. Демобилизованным военнослужащим, при условии оформления договора на 3 года, выдавалось единовременное пособие: рядовым и сержантам – 2 тыс. руб., офицерам – 3 тыс.²¹⁰. Льготы должны обеспечить первоначальные потребности переселенцев и, в перспективе, способствовать их закреплению на новом месте. Льготы предоставлялись только плановым переселенцам, что являлось немаловажным элементом государственного регулирования миграционных процессов.

Примечательно, что в период массового заселения калининградских сёл стремление получить максимальный объём государственной помощи в обустройстве на новой территории нередко приводило к попыткам преодолеть существующие нормативно-правовые рамки: со стороны колхозников в переселенческий отдел поступали просьбы о разделе семьи и наделении каждой новообразованной части соответствующими льготами²¹¹.

Организация переселения была возложена на Переселенческое управление при Совмине РСФСР, (с 1953 г. - Главное переселенческое управление при Министерстве сельского хозяйства СССР), облисполкомы, райисполкомы, руководителей предприя-

²¹⁰ Специалистам оплачивались суточные – за время, проведённое в пути – 10 р. и зарплата из расчёта тарифной ставки по новому месту работы; выделялись приусадебные участки и пахотная земля под «индивидуальные огороды» - до 0,3 га на семью; они также освобождались на 3 года от налогов и обязательных продовольственных поставок, получали возможность приобрести «по государственным ценам» перечисленные выше товары первой необходимости. ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 557. Л. 35, 36.

²¹¹ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 155. Этот факт можно интерпретировать и как свидетельство того, что определённая часть переселенческих «семей» на самом деле представляла собой группу родственников и соседей, объединившихся с целью соответствия одному из условий получения льгот: наличию в составе семьи не менее чем двух трудоспособных членов (см. ниже).

тий и учреждений, как в регионах выхода, так и в самой Калининградской области, где также был создан переселенческий отдел²¹², образованы районная сеть по приёму, размещению и хозяйственному устройству переселенцев (районные комиссии), стройконтора. Самое активное участие в этой кропотливой работе должны были принять и партийные организации, прежде всего, районного и областного уровней. Поиском потенциальных переселенцев в областях и республиках, определённых постановлениями Совмина, занимались инспектора переселенческих отделов. В процессе «вербовки» использовались различные агитационные приёмы (выступление по местному радио, публикация статей в областных и районных газетах, выступление с лекциями) и материалы²¹³.

Желающий переселиться в новую советскую область должен был заполнить анкету-заявление. Кроме того, на каждого «кандидата в переселенцы» составлялась характеристика, а его «родной» колхоз дополнительно направлял в регион вселения персональную справку. Типовая анкета-заявление о переселении включала в себя следующие пункты: станция отправления, станция назначения, номер переселенческого билета, место выхода (край-область, район, село, колхоз), место вселения, собственно текст заявления («прошу переселить меня в плановом порядке в один из колхозов Калининградской области...»), персональные данные главы семьи (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, образование и специальность, социальное положение, национальность, партийность, основная работа в колхозе, место постоянного жительства, переселялся ли ранее в плановом порядке – когда и куда, привлекался ли к ответственности в судебном или административном порядке – когда и за что, номер паспорта, когда и кем выдан; наличие имущества для перевозки – количество скота, продовольственный фураж в центнерах, прочие грузы; количество выработанных в текущем и прошлом году трудодней); состав семьи (фамилия, имя, отчество,

²¹² Переселенческие отделы в «областях выхода» были реорганизованы в 1945 г. из отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Переселенческий отдел при калининградском облисполкоме был образован 3 июля 1947 г. В дальнейшем он вошёл в состав областного Управления сельского хозяйства и заготовок (1953 г.), в 1955 г. вновь выделен в самостоятельный отдел облисполкома, в 1956 г. преобразован в отдел переселения и оргнабора рабочих. ГАКО. Ф. 183. Историческая справка. Л. 1-16.

²¹³ В «Справке о количестве отправленных в области выхода агитматериалов» (24 декабря 1951 г.) упоминались, в частности, фотоплакаты, специальный выпуск «Калининградской правды» (от 18 ноября 1950 г.), выпуски районных газет («Колхозная слава», «Сталинский путь» и т.д.), экономические и географические характеристики районов области, обращения колхозов и индивидуальные письма закрепившихся на калининградской земле переселенцев. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 629. Л. 60.

родственное отношение, год рождения, партийность, основная работа в колхозе, привлекался ли к судебной ответственности, номер паспорта); дата, подпись.

Также в состав документа включались: заключения председателя сельсовета места выхода, врача и отметка о медико-санитарном обслуживании, районного исполкома, особые отметки переселенческих органов. В характеристике переселенца указывались фамилия, год и место рождения, находился ли под следствием, участие в войне, партизанском движении, членство в партии и колхозе, правительственные награды, выработка трудодней, состав семьи, имущество (дом, постройки, домашний скот), важные факты из жизни родителей (например, одна из доступных автору анкет содержала такую группу взаимосвязанных фактов: «отец был раскулачен, дом изъят и в данный момент находится под школой, отец изъят в 1938 г., был осуждён и умер в тюрьме»). Характеристику заверяли подписью председатель и секретарь райисполкома²¹⁴.

Для переселенцев в бывшую Восточную Пруссию были предусмотрены и некоторые дополнительные условия. Из числа тех колхозников, кто изъявил желание переселиться, в первую очередь должны были отбираться семьи демобилизованных из рядов вооружённых сил, а также семьи «лучших колхозников», имеющих наибольшую выработку трудодней в сельскохозяйственном производстве²¹⁵. Однако, как свидетельствуют документы переселенческих управлений, значительное число прибывающих в область (в первую очередь – «неплановые» мигранты) не имело необходимых справок и характеристик²¹⁶.

По сведениям областного переселенческого отдела до конца 1946 года реально было принято и размещено в сельских районах области 12 115 семей, 58 762 человека (в т.ч. 32 835 трудоспособных)²¹⁷.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 557. Л. 7, 8, 12.

²¹⁵ Дополнительные критерии отбора мотивировались особым пограничным статусом Калининградской области, имеющей протяжённую сухопутную границу с иностранными государствами. Для переселенцев в Сахалинскую область такие требования разработаны не были. Вместе с тем некоторые материальные льготы для желающих переселиться в самую западную область РСФСР были несколько меньшими, чем аналогичные для будущих жителей Сахалинской области. См. Ким И.П. Указ. соч. С. 67.

²¹⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 623. Л. 39.

²¹⁷ ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 132. Л. 30-32. Поскольку льготы, гарантированные переселенцам, в полном объёме выделялись только тем семьям, которые имели не менее двух трудоспособных членов, довольно распространёнными были «составные», фиктивные семьи. Под видом «трудоспособных» нередко записывались несовершеннолетние подростки, престарелые, инвалиды. Кроме того, сотруд-

Прибывшие колхозники-переселенцы образовали 294 колхоза. В связи с тем, что переселенцы прибыли в основном в сентябре-декабре 1946 г. посев озимых не производился. Все переселенческие семьи были наделены приусадебными участками по 0,5 га. Переселенческим колхозам до конца 1946 г. было передано 6 024 голов крупного рогатого скота, 8 608 лошадей. Однако падёж скота в осенние месяцы 1946 г. и зимой 1946-47 гг. оказался весьма высоким: до конца декабря 1946 г. «пало» крупного рогатого скота – 1 486 голов и 415 лошадей. В соответствии с перечнем льгот переселенцам по государственным ценам были проданы и промышленные товары, правда, в недостаточном количестве. Так, вместо 12 000 пальто (по плану) фактически было продано 4 527, вместо 59 459 пар обуви – 24 179, вместо 120 000 литров керосина – 82 486. Кроме того, переселенцам была продана и 2 361 тонна продовольственного зерна²¹⁸. Серьёзной проблемой стала и нехватка строительных материалов, необходимых для ремонта жилых и хозяйственных строений²¹⁹.

Для встречи переселенцев были установлены дежурства инспекторов Переселенческого отдела на железнодорожных станциях Каунас, Инстербург и Кёнигсберг. Эшелоны встречались «организованно, представителями местных советских, партийных организаций и работниками переселенческих органов»²²⁰. На станциях разгрузки для переселенцев были организованы буфеты, продавались промышленные товары и продукты питания, готовилось горячее питание. Отдельные эшелоны «встречались областными руководителями советских и партийных организаций»²²¹. Существенную помощь по транспортировке прибывающих к местам вселения оказали автомобильные батальоны соединений 11-й Гвардейской армии, 15-й воздушной армии, других воинских частей, расквартированных на территории области²²².

ники Переселенческого отдела сознательно «дробили» крупные семьи, добиваясь необходимых отчётных показателей. См. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945-1956 гг. С. 77, 78. Принцип отбора семей, имевших не менее двух трудоспособных членов, был общим при организации планового сельскохозяйственного переселения в различные регионы СССР. Там же. С. 79-81.

²¹⁸ ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 173. Л. 39, 40.

²¹⁹ Во многих домах отсутствовали оконные рамы, печи, двери, в большинстве – оконные стёкла. В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 124.

²²⁰ ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 173. Л. 42.

²²¹ Там же. Л. 43.

²²² Командирам и политработникам соединений накануне прибытия первых эшелонов с переселенцами было предписано провести с личным составом разъяснительные беседы, в том числе «о недопустимости фактов мародёрства, грабежа, насилия и грубого отношения к колхозникам». В начале но-

Переселенческая кампания 1946 г. была признана успешной, о чём свидетельствовали премирования начальника переселенческого управления при Совмине РСФСР Л.Т. Дмитриева и других работников переселенческих органов. Вместе с тем, сроки начала массового сельскохозяйственного переселения были выбраны крайне неудачно: многие колхозники не успели наладить свою хозяйственную деятельность до начала похолодания, переселенцы оказались лишены возможности произвести сев и собрать хотя бы минимальный урожай овощей. Дополнительные трудности для первой волны переселенцев в сельскую местность создавали военные, которые крайне неохотно освобождали дома и населённые пункты, занятые подсобными хозяйствами²²³. В условиях серьёзных перебоев с поставками в область продовольствия, зима 1946-1947 гг. закономерно оказалась очень тяжёлой для основной массы переселенческих семей²²⁴.

В 1947 г. переселение в новую область продолжилось, однако плановые показатели для сельской местности были значительно сокращены вследствие обнаружившихся проблем с обеспечением переселенцев продуктами питания и семенным фондом. Согласно Постановлению Совмина № 1099 от 21 апреля 1947 г. в колхозы области в апреле-июне предполагалось переселить 3000 семей, в том числе 500 – из Белорусской ССР, Постановление № 2604 от 21 июля того же года определяло порядок и темпы заселения сельских районов области в 1948-1949 гг. – всего планировалось переселить 20 тыс. семей колхозников и другого населения и распределить их поровну между колхозами и совхозами края. Кроме того, Постановление разрешало принять в счёт плана переселения в колхозы 1500 семей, приглашённых колхозами области и 1000 семей, приглашённых совхозами. Дополнительно Постановлением Совмина РСФСР от 30 августа 1947 г. предусматривалось переселить 500 семей колхозников – рыбаков для организации рыболовецких колхозов²²⁵.

В акте проверки хозяйственного устройства переселенцев в Калининградской области, подготовленном сотрудниками комиссии Переселенческого Управления при

вого пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 116, 117.

²²³ Там же. С. 317.

²²⁴ Это признавали и областные власти, в частности – начальник Управления по гражданским делам Калининградской области В.А. Борисов. См. ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

²²⁵ Начало создания рыболовецких колхозов в Калининградской области относится к июлю 1947 г. (колхоз «Доброволец»), однако наиболее активно этот процесс протекал осенью 1947 г.

Совете Министров РСФСР (12 ноября 1947 г.) были обобщены результаты первого этапа переселенческой кампании. Согласно акту, в 1946 г. в колхозы и совхозы области было переселено 12 115 семей, в 1947 г. – 7 845 семей. Из принятых колхозами в 1947 г. 3 589 семей, 3 105 прибыли из центральных областей РСФСР и БССР в порядке планового переселения, 484 семьи были приняты за счёт демобилизованных и прибывших по вызовам колхозников. Из переселенцев, принятых в 1946-1947 гг. были организованы 341 колхоз²²⁶. Для обслуживания колхозов к весне 1947 г. было организовано 15 МТС с тракторным парком в 150 тракторов.

По мнению комиссии Переселенческого Управления «хорошая материально-техническая база, обеспеченность колхозов большим количеством рабочего и продуктивного скота и большие материально-денежные льготы, установленные правительством для переселенцев, создают исключительные условия для организационно-хозяйственного укрепления переселенческих колхозов и полного хозяйственного устройства переселенцев в течение самого ближайшего времени». Для достижения наилучших результатов переселенческому отделу области «необходимо лишь ежедневно контролировать работу по хозяйственному устройству и культурно-бытовому обслуживанию колхозников и оказывать им необходимую организационную и материальную помощь»²²⁷.

Комиссия обнаружила серьёзные недоработки в деятельности местных властей. В частности, констатировалось отсутствие у переселенцев необходимых документов, свидетельствующих о передаче им домов и хозяйственных построек, неудовлетворительные жилищные условия («некоторые переселенцы, особенно семьи вдов, мужья которых погибли на фронтах Отечественной войны, живут в неотремонтированных домах, непригодных к зимовке»), недостаток хозяйственных помещений. Тяжёлая ситуация с размещением колхозников складывалась во всех районах области. Критике подверглось и руководство Облстройтреста за «равнодушное» отношение к нуждам переселенцев, нецелевой расход государственных средств. Зачастую колхозники должны были ремонтировать дома за свой счёт и лишь потом затраты возмещались строительной конторой. Подготовка жилого фонда к приёму переселенцев в 1948 г. практически не производилась. Особое недовольство комиссии вызвала то обстоя-

²²⁶ ГАКО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 43, 44.

²²⁷ Там же. Л. 45.

тельство, что при наличии «обратных выездов» переселенцев «дело борьбы» с ними было «предоставлено самотёку»²²⁸.

О том, какие трудности встречались при выполнении планов переселения 1946 – 1948 гг. (при отборе кандидатов, обеспечении их продовольствием, формировании эшелонов) красноречиво свидетельствуют и отчёты переселенческих органов при правительствах (СНК) АССР и облисполкомах, а также докладные записки инспекторов Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР.

В записке от 3 июня 1948 г. старший инспектор по Рязанской области докладывал о возникновении угрозы срыва мероприятий по организации переселения колхозников в Калининградскую, Ленинградскую области и Хабаровский край. По его словам, райисполкомы и сельсоветы на время весенней посевной кампании полностью свернули работу по отбору колхозников-переселенцев, поскольку «смотрят на переселение как на дело маловажной добровольной кампании»²²⁹. Наибольшее возмущение инспектора вызвало сопротивление, оказанное районными советскими и партийными органами вербовке переселенцев. «В ряде случаев райисполкомы и райкомы ВКП(б) встали на путь прямого и косвенного препятствия в переселении многим хорошим колхозникам, изъявившим желание переселиться»²³⁰. Так, Каверинский райисполком официально отказал в переселении труженикам колхозов «13 лет Октября» и им. Молотова, большинство которых согласились переселиться в Калининградскую область. Свой отказ председатель райисполкома аргументировал тем, что в этих колхозах «лучшая земля в районе». Председателям других колхозов запретили переселяться по причине «нехватки актива в районе». В Сасовском районе бывший секретарь райкома «т. Мишкин на совещании актива райсовета заявил, что в колхозах района мало народу стало, поэтому план по переселению выполнить трудно». По мнению инспектора, это «антипартийное и антигосударственное заявление» было использовано многими председателями сельсоветов, которые не только прекратили разъяснительную и агитационную работу, но и активно препятствовали в переселении «многим семьям». Подводя итог наблюдениям, представитель Переселенческого

²²⁸ Там же. Л. 48-50.

²²⁹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 571. Л. 1, 2.

²³⁰ Там же. Л. 3.

управления дал весьма резкую и негативную характеристику деятельности районных властей: «Преступная безответственность, беспечность, и благодушие»²³¹.

Районное и областное руководство другого региона РСФСР – Пензенской области – при планировании отбора переселенцев не учитывало экономическое положение в районах, ситуацию с трудовыми ресурсами на местах, вследствие чего наибольшие группы селян выбыли из тех колхозов, где ощущался недостаток рабочей силы; в тех районах, где наличествовали «излишки» трудовых ресурсов активный отбор переселенцев вообще не производился²³². В документах переселенческого отдела Пензенского облисполкома отразились и другие недочёты, допущенные при организации кампании, а также объективные и субъективные препятствия выполнению плана переселения. «Механическая расстановка цифр по каждому району» привела к тому, что отбор 700 семей для Калининградской области проводился с различной степенью интенсивности в 27 районах, с «механическим распределением по 1-2 семьи на колхоз»²³³. Это осложняло транспортировку семей переселенцев, имущества к железнодорожным станциям, формирование эшелонов. Одновременно с вербовкой колхозников для переселения в самый западный регион РСФСР, на территории Пензенской области проводилось плановое переселение по линии Министерства угольной промышленности СССР, чьи представители (уполномоченные) действовали в каждом районе, а размер единовременного пособия для переселенцев был «много выше».

В качестве одного из факторов невыполнения в срок планов переселения называлась и «антипереселенческая агитация» - циркулирующие в сельской социальной среде слухи, домыслы, нередко имеющие под собой реальные основания, чаще – являющиеся результатом творческого осмысления официальной информации, иногда – с мистическим оттенком. Суть всей «агитации» (относившейся не только к Калининградской области, но и к Сахалину, Ленинградской и Ростовской областям) сводилась к следующему: переезжать никуда не нужно, так как на новом месте жизнь будет тя-

²³¹ Там же. Л. 5, 6.

²³² Там же. Л. 41.

²³³ Для переселенческих отделов «распыление» при отборе переселенцев было нежелательным ещё и потому, что компактные группы односельчан лучше приживались на новом месте, а в случае их возвращения из-за плохих условий в местах вселения, возможности для трансляции негативного опыта были серьёзно ограничены. Однако для руководства отдельных колхозов и совхозов потеря нескольких десятков тружеников была крайне нежелательной, чем и объясняется скрытый «саботаж» переселенческих мероприятий.

жёлтой и, скорее всего, недолгой. Распространителями слухов и страшных историй были, как правило, женщины среднего или пожилого возраста. Пограничный статус Калининградской области, «немецкое прошлое» её территории стимулировали появление слухов о скорой войне: «Скоро будет война, и немцы выгонят из Восточной Пруссии». В случае с Сахалином акцент был сделан на специфике природно-климатических условий острова, затруднённом продовольственном обеспечении: «В Сахалинской области холод, цинга, волосы падают». Встречались и апокалипсические «предсказания»: «На солнце появилась трещина, зачем куда-то ехать, когда скоро здесь умрём на месте»²³⁴.

В докладной записке инспектора Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР по Пензенской области также подчёркивалось «непонимание принципа добровольности переселения» секретарями райкомов и председателями райисполкомов, которые «отождествляют добровольность с самотёком, забывая о том, что добровольность есть результат глубокой массово-разъяснительной и организационной работы»²³⁵. В целом, при знакомстве с документами, отражающими процесс подготовки и проведения переселенческих кампаний 1946-1948 гг., хранящимися в Государственном архиве Российской Федерации, у автора сложилось стойкое впечатление, что задание «партии и правительства» по заселению Калининградской области «крепкими колхозниками» воспринималось руководителями областей и автономных республик РСФСР, с одной стороны – как ещё одна трудновыполнимая задача (в условиях послевоенной разрухи, оскудения деревни трудоспособными работниками, высоких показателей по заготовкам и обязательным поставкам), с другой – как дополнительная возможность проявить свои деловые качества, послужить партии и стране.

Во Владимирской области председатель облисполкома прямо заявил, что «скот давать с ферм (переселенцам – Д.М.) не будет, так как в области план по скоту не выполнен»²³⁶. В Красноармейском районе Чувашской АССР с колхозниками-переселенцами не был произведён полный расчёт по выработанным ими трудодням, в Моргаушском районе вместо бесплатного обеспечения скотом с ферм колхозов, неко-

²³⁴ Там же. Л. 57, 58, 67, 69.

²³⁵ Там же. Л. 59, 60.

²³⁶ Там же. Л. 91.

торые колхозы отпускали поросят за плату, районные отделы здравоохранения не всегда обеспечивали переселенцев санитарными паспортами²³⁷.

Инспекторы Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР действовали не только в регионах выхода переселенцев, но и в самой Калининградской области. По результатам наблюдений они составляли докладные записки и справки, направлявшиеся в Управление. Одна из подобных справок, сохранившаяся в соответствующем фонде ГАРФ, сообщает ряд интересных подробностей о ходе переселения колхозников весной и в начале лета 1947 г. Структура справки типична: констатация успехов – выявленные недостатки – оргвыводы. Согласно документу, на 30 июня 1947 г. в область прибыло 3 060 семей «плановых» переселенцев 1947 года, из которых 1 374 семьи вселены в существующие колхозы, а 1 686 семей размещены по свободным посёлкам и включены в состав 47 новых колхозов²³⁸. Примечательно, что инспекторы также оперировали категорией «семья» в качестве основной статистической единицы. Это представляется вполне логичным, учитывая, что планы переселения фиксировали определённое количество *семей*, однако данный показатель не давал представления о численности перемещённого контингента, количестве трудоспособных, а, следовательно, о трудовых ресурсах калининградского села.

Прибывшие эшелоны на станциях назначения встречали руководители районных партийных и советских организаций. На вокзалах был организован обед и продажа продуктов – печёного хлеба и муки. Автотранспорт, в основном, «подавался вовремя и в достаточном количестве» воинскими частями местных гарнизонов. Перевозка переселенцев в совхозы Министерства мясомолочной промышленности в месте вселения производилась автотранспортом воинских частей, а в совхозы Министерства совхозов – автотранспортом Переселенческого отдела. В тех колхозах, где переселенцев размещали среди прибывших ранее (в порядке «доприселения»), «старожилы» к приезду новой партии колхозников очистили дома от мусора, частично обработали усадебные участки, для новых колхозов произвели вспашку полей и посеяли яровые хлеба. В Ладушкинском районе для переселенцев из Горьковской области было засеяно 41 га ячменя, обработаны приусадебные участки и завезён семенной картофель в новый пункт вселения. На станции разгрузки для переселенцев был организован обед из

²³⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 557. Л. 4.

²³⁸ Там же. Д. 623. Л. 18.

двух блюд, продано по 500 грамм хлеба и по 2 кг муки на человека. По информации, дошедшей до инспектора, пассажиры эшелона «остались очень довольны»²³⁹.

В фонде Калининградского облисполкома сохранились многочисленные справки о приёме и хозяйственном устройстве переселенцев. Большинство из них отражали вполне «штатные» ситуации. Так, например, 3 февраля 1950 г. а Багратионовский район прибыл эшелон №102 из Курской области. Эшелон в составе 50 вагонов доставил к месту «вселения» 98 семей, а также 92 коровы, 179 овец, 57 свиней, «574 головы птицы», более 22 тонн картофеля и около 2 тонн продовольственного зерна. Для перевозки семей переселенцев со станции разгрузки до мест вселения воинской частью №06414 было предоставлено 37 автомашин, 13 машин мобилизовали у организаций и предприятий района. В течение 6 часов все семьи с имуществом были развезены по колхозам. Во встрече, разгрузке и перевозке переселенцев принимал участие «весь советско-партийный актив района». По линии Райпотребсоюза была организована торговля достаточным количеством продовольственных и промышленных товаров. Прибывшие семьи были размещены в 15 колхозах «в порядке доприселения».²⁴⁰

Распределение переселенцев по сельским районам области в значительной степени отвечало «принципу землячества» - так, большую часть выходцев из Тамбовской области отправили в Ладушкинский, Хайлигенбальский, Кройцбургский районы (ныне – Багратионовский район), уроженцев Брянской области – в основном в Гумбинненский (Гусевский) и Даркеменский (Озёрский), селян из Белорусской ССР – в Тапиауский (Гвардейский) и Фридландский (Правдинский) районы. Из 13 районов области в шести сельское население было сформировано, в основном, за счёт представителей одной области или республики, в трёх – за счёт выходцев из 2-3 регионов. Вместе с тем, добиться поставленной изначально задачи – чёткого распределения переселенцев по районам в соответствии с регионами выхода – не удалось: сказались высокие темпы и внушительные масштабы переселения, вызванные ими проблемы, связанные с обеспечением новоприбывших жильём, массовая стихийная миграция²⁴¹.

²³⁹ Там же. Л. 19.

²⁴⁰ Там же. Ф. 297. Оп. 7. Д. 261. Л. 63.

²⁴¹ Костяшов Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945-1950) // Национальные отношения в новое и новейшее время. Калининград: Изд-во КГУ, 2000. С. 68-73.

В 1948 году колхозы и совхозы области приняли 10 086 семей, в том числе 9 628 – из других регионов СССР²⁴². Постановление Совмина СССР № 3545 от 20 сентября 1948 г. значительно увеличило масштабы сельскохозяйственного переселения на 1949-1950 гг. В частности, в марте-апреле 1949 г. за аналогичный период 1950 г. предписывалось дополнительно переселить в Калининградскую область 4 тыс. семей колхозников и другого населения (в т.ч. тысячу семей – из Белорусской ССР). На 1949 г. был установлен план приёма переселенцев в колхозы и совхозы – 5000 семей. Согласно данным переселенческого отдела все прибывшие были вселены в дома или квартиры, находящиеся в посёлках, расселение на хуторах не производилось²⁴³.

Немаловажным аспектом заселения области стал массовый выезд вчерашних переселенцев за пределы края или того района (города), в который их направили соответствующие государственные структуры (переселенческие управления, отделы, министерства и т.д.). «Обратничество», как окрестили это явление сотрудники переселенческих органов, оставалось одной из наиболее серьёзных проблем на протяжении всего периода заселения области. В связи с этим представляется целесообразным определить масштабы «обратничества», а также те причины, которые побуждали десятки тысяч человек покидать «места вселения».

Высокая подвижность населения в первые послевоенные годы была характерна для большинства краёв и областей РСФСР. Однако для тех, кто возглавлял переселенческие управления и отделы, стоял во главе областной партийной организации, «незапланированная» миграционная подвижность была связана с угрозой невыполнения плана по заселению сельских районов области и обеспечению предприятий и организаций стабильными трудовыми ресурсами. Этим обстоятельством можно объяснить существование «двойной бухгалтерии» при подсчёте выбывших из мест вселения колхозников и специалистов – одни данные предназначались для официальных публикаций, составления итоговых справок, отчётов, писем «на самый верх», другие – для внутреннего использования.

В качестве примера можно привести письмо И.В. Сталину от 3 июня 1950 г., подписанное Первым секретарём Калининградского обкома В.В. Щербаковым и председателем Облисполкома А.А. Егоровым. Письмо содержало отчётные данные о

²⁴² ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 173. Л. 13-14.

²⁴³ Там же. Д. 261. Л. 3.

развитии области, в частности – о её заселении: в «сельское хозяйство области переселено 39 212 семей», «переселенцы в подавляющем большинстве прочно закрепились и честно работают в колхозах и совхозах», «за весь период (с августа 1946 г. – Д.М.) выбыло за пределы области 6,4% семей переселенцев»²⁴⁴. В других документах переселенческого отдела и облисполкома фигурировали ещё меньшие показатели²⁴⁵. Согласно справке от 25 сентября 1949 г. за весь период переселенческой кампании в сельскую местность Калининградской области прибыло 35 425 семей, в том числе трудоспособных – 92 508 человек. Из числа принятых переселенцев выбыло с мест вселения 3 603 семьи (10,1%) или 9 016 человек трудоспособных, за пределы области – 1 429 семей (около 4%, 3 578 трудоспособных)²⁴⁶. В справках Облисполкома встречаются и другие данные о количестве выбывших за 1946-1949 гг. – 2 489 семей за пределы области (7%), 3 433 в городские поселения²⁴⁷.

Масштабы «обратничества» в изученных автором документах Главного переселенческого управления при Министерстве сельского хозяйства квалифицировались как «высокие». Вместе с тем, статистические материалы оценивают отток переселенцев в 1948-1951 гг. за пределы области в пределах 12-16% от их общей численности²⁴⁸. В совокупности с внутриобластными миграциями движение сельского населения носило более интенсивный характер (Табл. 3).

²⁴⁴ Авторы письма также признавали, что внутриобластная стихийная миграция сельского населения охватила не менее, чем 15,3% от общей численности семей. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54. Л. 35, 37.

²⁴⁵ См., например, ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 132. Л. 17. Э.М. Колганова – один из первых исследователей послевоенной истории области - оперировала показателями 2,4-3,2% выбывших за пределы области. Более репрезентативные данные были введены в научный оборот Ю.В. Костяшовым. См. Костяшов Ю.В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы //Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 211-219.

²⁴⁶ ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 261. Л. 20,21.

²⁴⁷ Там же. Л. 43.

²⁴⁸ Там же. Л. 8, 9, 12, 76; Д. 679. Л. 74, 75. Документы Областного статистического управления за 1947-1951 гг. фиксируют более высокий, особенно применительно к городскому населению, уровень «обратничества». См., например, ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 4. Л. 2; Оп. 5. Д. 2. Л. 3-10; Костяшов Ю.В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы. С. 104, 105; История сельского хозяйства Калининградской области /отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткиной И.В., 2006. С. 43.

Таблица 3. Движение переселенцев-колхозников по районам области (1946-1952 гг., по данным Главного переселенческого управления)²⁴⁹

Район	Вселено семей	Выбыло семей	В %
Багратионовский	1 846	785	42,7
Краснознаменский	2 196	899	41,0
Калининградский	800	322	40,2
Правдинский	1 798	689	38,3
Гвардейский	1 663	628	37,8
Железнодорожный	1 793	670	37,7
Нестеровский	2 027	756	37,2
Полесский	1 293	474	36,7
Черняховский	2 220	813	36,6
Большаковский	1 418	491	34,8
Советский	1 318	439	33,3
Ладушкинский	1 312	432	32,9
Озёрский	2 760	903	32,7
Гусевский	1 864	564	30,6
Приморский	1 504	436	28,9
Славский	1 384	388	28,1
Гурьевский	1 673	378	22,6
Итого	28 869	10 067	34,8

В 1957 г. Главное управление переселения и оргнабора при Совмине РСФСР представило в Калининградский облисполком более полные данные по проблеме внеплановых выездов переселенцев (Приложение 1, табл. 4), согласно которым доля выбывших из колхозов семей была максимальной в 1951 г., составив 148,4% от числа принятых за тот же период.

В документах управления имеются фрагментарные данные об «обратниках» и по другим областям и краям РСФСР, принявшим во второй половине 1940-х – начале 50-х гг. значительные контингенты переселенцев, что позволяет сопоставить «официальные» данные по Калининградской области и некоторым другим регионам: так, из переселенцев 1949 г. в сельскую местность, на начало 1952 г. выбыли за пределы Сахалинской области – 4,2% семей, Саратовской области – 48%, Хабаровского края – 15,3%, Мурманской области – 1,2%²⁵⁰.

²⁴⁹ Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 679. Л. 80-83.

²⁵⁰ Там же. Д. 679. Л. 20, 21. Масштабы оттока переселенцев из Сахалинской области, согласно представленным Л.А. Крушановой данным, были гораздо выше официальных и составили за 1946-1950 гг. 34,5%. См. Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 – 1960-е годы. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2007. С. 98-101.

Высокие показатели выездов переселенцев из колхозов и совхозов беспокоили руководство области²⁵¹. Причины «обратничества» были найдены достаточно быстро, наверное, потому, что некоторые из них были очевидны властям:

1. Отсутствие повседневного контроля со стороны местных исполкомов за «приживаемостью переселенцев», безразличие руководства к потребностям рядовых тружеников села. Ряд председателей колхозов отпускали переселенческие семьи из хозяйств «на отходничество», нередко «отходники» не возвращались.

2. Тяжёлое материальное положение колхозников-переселенцев. Большинство колхозов области в 1947 г. получили очень низкие урожаи, в связи с чем основная масса колхозников на выработанные трудодни не получили зерновых и картофеля. «Необеспеченность переселенцев продуктами питания создаёт у них чувство неуверенности по закреплению на новых местах, а отдельные из них под разными предлогами (под видом болезни, климатических условий и т.д.) выезжают на прежнее место жительства, где у них сохранились дома и часть членов семьи».

3. Наличие значительного количества рабочих и служащих, не работавших раньше в сфере сельского хозяйства, стремящихся покинуть колхозы и перейти на работу в промышленность.

4. Имелись и случаи «жульничества отдельных переселенцев, которые, получив полностью кредиты и льготы, выехали в неизвестном направлении». Всего за 1946-1947 гг. было предъявлено исков на 1 051 семью²⁵².

Действительно, обозначенные в справках и отчётах облисполкома причины, по которым колхозники и другие жители села покидали места вселения, во многом объясняют высокие показатели незапланированной миграции. В изученных автором до-

²⁵¹ В сентябре 1949 г. на совещании секретарей райкомов и представителей райисполкомов В.В. Щербаков ещё раз обратил внимание присутствующих на значение скорейшего заселения Калининградской области: «Судьба области, её экономическое, политическое и культурное развитие будут заключаться в людях. Чем быстрее и больше мы завезём людей в область, тем быстрее мы решим все вопросы, которые поставили партия и правительство по строительству новой области». ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 145. Л. 35. Есть данные о том, что руководители предприятий области, нуждающихся в трудовых ресурсах, нанимали на работу селян, заинтересованных в дополнительном источнике дохода. Уже в сентябре 1946 г. приказом начальника областного Управления по гражданским делам были запрещены вербовка и приём на работу колхозников-переселенцев предприятиями и организациями. ГАКО. Ф. 298. оп. 1. д. 7. л. 23. В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 150, 151.

²⁵² ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 173. Л. 54.

кументах содержатся и другие объяснения «обратничества» и оттока населения из села в город.

На первой областной партийной конференции секретарь Гвардейского райкома ВКП(б) обратил внимание на «отвратительное» качество отбора переселенцев и подверг жёсткой критике деятельность вербовщиков. По его словам, следовало «завозить в пограничную область лучших, передовых, преданных колхозному строю людей», однако в реальности «вербовка проходит неправильно, в качестве вербовщиков зачастую работают недобросовестные люди, которые играют на мелкобуржуазных чувствах отсталых людей, обещают им золотые горы, жизнь без трудностей и проблем, и, как следствие, набирают искателей счастья»²⁵³.

Первый секретарь обкома В.В. Щербаков, выступавший с докладом на той же конференции, акцентировал внимание на том, что многих переселенцев «заставляли работать под руководством немцев, что принижало достоинство советского человека»²⁵⁴.

В январе 1949 г. в калининградский обком была направлена докладная записка представителя Совета по делам колхозов при Совмине СССР по Калининградской области. Записка имела характерное название: «О массовом выбытии переселенцев из колхозов Калининградской области». Согласно тексту документа, на начало 1949 г. из колхозов области выбыло 25% всего трудоспособного населения (14% от общей численности). Документ содержал острую критику действий как районных, так и областных властей: «Действительное положение дел многие областные организации стараются не замечать. Наоборот, тяжёлое состояние в этом деле старательно замалчивается и скрывается, что наносит огромный вред государству и колхозам. Переселенческий отдел и отдельные руководители облисполкома равнодушно и спокойно взирают

²⁵³ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 107. Встречались и положительные характеристики переселенцев (1948 г.): «Необходимо отметить, что качество прибывших переселенцев, в основном, хорошее, сразу же по прибытии влились в производственную работу совхозов: ремонтируют себе дома, а принятые в новые колхозы – включились в подготовку к весеннему севу, собирают и ремонтируют сельскохозяйственный инвентарь, скотные дворы, получают лошадей и семена». ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 173. Л.57, 58. Профессиональный состав переселенцев в сельскую местность особенно волновал руководство области. «Направляют для работы в колхозах семьи, не имеющие никакого представления о сельском хозяйстве. Такие семьи по прибытии в колхоз требуют работы по производственной специальности, а также непосильной для колхозов материальной помощи. В противном случае – уходят из колхозов» - докладывал председатель калининградского облисполкома З. Слайковский. ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 9.

²⁵⁴ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

на это зло». В дополнение в уже упоминавшемся причинам оттока переселенцев, в записке упоминались «барско-пренебрежительное и бездушное отношение к переселенцам», «выдвижение в качестве председателей колхозов случайных людей», «отсутствие действенного контроля за работой председателей и счетоводов колхозов», приводящее к произволу и неприкрытому обману селян²⁵⁵.

У инспекторов Главного переселенческого управления при Министерстве сельского хозяйства СССР сложилось несколько иное мнение о причинах «обратничества». В отчётах о командировках в Калининградскую область (март 1953 г.) они обращали особое внимание на неудовлетворительную работу облисполкома, переселенческого отдела и райисполкомов, которые «почти не занимаются вопросом борьбы с обратными выездами переселенцев», причины выезда не расследуются, виновные в «допущении выезда» не привлекаются к ответственности²⁵⁶. Отмечалось также, что райисполкомы сознательно искажают заносимые в акты причины «обратничества» селян: хозяйственную неустроенность подменяют «самовольным выбытием» (при отсутствии существенных причин). Основной причиной массовых выездов переселенцев комиссия признала «плохое хозяйственное устройство и невнимательное отношение к их запросам и нуждам»²⁵⁷.

Население Калининградской области сохраняло высокую подвижность на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода. По понятным причинам наибольшее внимание районных и областных властей привлекали «незапланированные» миграции и прежде всего те из них, которые обостряли проблему нехватки трудовых ресурсов в сельской местности. Причины «обратничества» в середине – второй половине 1950-х гг. оставались прежними: неудовлетворительный качественный состав переселенцев, несоответствие ожиданий приезжих и действительности, тяжёлые бытовые условия, пограничное положение области и т.д. *Формальные* основания для переезда в город или за пределы области могли быть самыми разными. Вместе с тем, согласно результатам обобщений причин отъезда, представленным в таблице 4, поведение почти половины «обратников» объяснялось материальными соображениями.

²⁵⁵ Там же. Оп. 4. Д. 145. Л. 15, 16.

²⁵⁶ Так, на выбывших в 1952 г. 652 семьи инспекционной комиссии было предъявлено только 135 «посемейных актов расследования причин выбытия». РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 708. Л. 8, 9.

²⁵⁷ Там же. Л. 9, 10.

Таблица 4. *Причины отъезда переселенцев из сельской местности Калининградской области в 1959-1960 гг. (по данным обследования Облисполкома)*²⁵⁸

Причины отъезда переселенцев	В % к общему числу выбывших
По болезни; вследствие неприятия климатических условий	18,4
По родственным связям, в том числе по причине старости родителей	24,8
По причине слабой экономики колхозов и совхозов (низкие заработки, задержки выплат за трудодни)	46,7
По семейным неурядицам	2,2
Осуждены или скрываются от следствия	5,7
По другим причинам	2,2

В ходе проверки выполнения постановлений правительства по вопросам хозяйственного устройства переселенцев, проведённой в январе 1957 г., были выявлены многочисленные нарушения бытового характера: низкое качество жилых домов для колхозников и переселенцев, отсутствие подвалов и погребов, хозяйственных построек. Темпы строительства жилья были признаны «неудовлетворительными».²⁵⁹ Причины обострения жилищного вопроса на селе руководство области видело в «перевыполнении плана» по переселению, отсутствии необходимого количества строительных бригад (состоящих, в основном, из тех же колхозников), несоответствии размера кредита для переселенцев (20 тыс. рублей) и фактической стоимости жилого дома (более 30 тыс. рублей)²⁶⁰. В 1957 г. в Совет Министров СССР Калининградским облисполкомом было направлено письмо с просьбой санкционировать изъятие излишков жилых помещений и хозяйственных построек, находящихся в пользовании некоторых селян для последующей передачи их вновь прибывшим переселенцам. Речь идёт о многоквартирных домах довоенной постройки, переданных в 1946-1947 гг. семьям первых советских переселенцев в целях «сохранения жилого фонда»²⁶¹. Несмотря на

²⁵⁸ Таблица составлена по данным обследований Облисполкома за 1959-1960 гг. ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 63.

²⁵⁹ В 1956 г. области было построено и отремонтировано лишь 45% от запланированного количества домов и квартир для переселенцев Там же. Оп. 8. Д. 612. Л. 10-11.

²⁶⁰ ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 23, 43, 50.

²⁶¹ Там же. Л. 27-29.

подобные меры, проблема обеспечения жильём “плановых” переселенцев сохраняла свою остроту на протяжении всего рассматриваемого периода.

Немаловажной причиной “текучности кадров” на селе были *трудности экономического развития* калининградских колхозов и совхозов, оказывавшие прямое или косвенное влияние на материальное благосостояние сельского населения. К маю 1959 г. общая задолженность калининградских колхозов составляла более 210 млн. рублей. Многие колхозы не вовремя рассчитывались с колхозниками за трудодни, регулярно задерживали выплаты заработной платы специалистам. В 1957-1958 гг. колхозы и совхозы области понесли убытки в размере 47 млн. рублей в результате стихийных бедствий (ливней и наводнений). Следствием “незапланированных” расходов стало резкое снижение выплат за трудодни и массовый отток населения из деревни²⁶². Сёла области покидали не только вчерашние переселенцы, но и те, кто прибыл в область ещё во второй половине 1940-х гг.²⁶³

В июне 1961 г. начальник Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР М.А. Поляков отмечал, что “переселение утрачивает значение, которое оно имело в первые годы заселения области и в настоящее время направлено в большей мере на восполнение выездов колхозников из колхозов”. Запоздалое признание очевидного факта сопровождалось программой действий на перспективу. Дальнейшее заселение сельской местности области, по его мнению, “следовало прекратить и сосредоточить внимание на обеспечении хозяйственного устройства переселенцев и закреплении их в колхозах с тем, чтобы создать *стабильные кадры* в сельском хозяйстве области”. В его письме, направленном в калининградский обком и облисполком, также содержалась весьма показательная статистика, позволяющая оценить эффективность государственной переселенческой политики в сельскую местность: в течение 1946-1956 гг. «по неполным данным» колхозы покинуло 37% переселённых семей, в том числе за период 1954-1956 гг. – 54% от

²⁶² По данным начальника Главного управления переселения и оргнабора рабочих, за первую половину 1957 г. из сельской местности выбыло 91,9% от числа прибывших за тот же период времени Там же. Л. 35.

²⁶³ Там же. Л. 56-57, 70.

общей численности принятых в этот период, в 1959-1960 гг. «выбытие» составило 74% от общей численности принятых в колхозы²⁶⁴.

Проблема стабилизации кадрового потенциала калининградской деревни была затронута не случайно. «Обратничество», а также миграция сельского населения области в города вызывали, наряду с постоянной ротацией, ощутимый *недостаток рабочей силы* в колхозах и совхозах. Партийные и советские органы вынуждены были ежегодно направлять тысячи горожан на сельскохозяйственные работы (в 1956 г. – более 16 тыс. человек). Помощь в проведении сельскохозяйственных работ оказывали войсковые части. Колхозы привлекали и наёмные бригады на строительные работы, выплачивая значительные денежные суммы²⁶⁵.

Миграционная политика государства, направленная на пополнение сельского населения области прежде всего квалифицированными специалистами, «крепкими колхозниками» в рассматриваемый период всё чаще встречала серьёзные препятствия на пути реализации поставленных задач. Наиболее острой проблемой оставался выезд населения за пределы области. Высокой была и внутриобластная миграция населения. Масштаб и динамику миграционных процессов в калининградской деревне середины – второй половины 1950-х гг. отчасти отражают статистические материалы, представленные в табл. 5.

Таблица 5. *Изменение численности колхозников в Калининградской области (1954-1960 гг.)*²⁶⁶

Год	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Принято в колхозы (чел.)	1 670	1 895	2 365	965	1 311	2 041	2 248
Исключено из колхозов (чел.)	1 089	1 181	1 674	2 217	1 649	1 929	2 558

²⁶⁴ ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 70, 71. Примечательно, что М. Поляков ещё в 1957 г. предлагал Госплану РСФСР совместно с калининградским облисполкомом и Главным управлением переселения и оргнабора рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего переселения «добровольцев» в Калининградскую область из других регионов страны. В составленной им справке были указаны наиболее близкие к реальным ежегодные и средние показатели «обратничества». Там же. Л. 33-36.

²⁶⁵ Там же. Л. 43, 70-72.

²⁶⁶ Основой для таблицы послужили данные годовых отчётов калининградских колхозов, отражённые в материалах о движении переселенцев из фонда Облисполкома Там же. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 62-63.

При заселении сельской местности областные и районные власти вынуждены были в массовом порядке размещать переселенцев на хуторах, бывших органичной частью довоенной системы сельского расселения края. Как справедливо отметил И.А. Гордеев, подавляющее большинство переселенцев ранее на хуторах не проживали, воспринимали их как чуждую форму расселения и хозяйствования. Однако значительной их части пришлось поселиться именно на хуторах – сказывалось отсутствие альтернативы. К середине 1951 г. на хуторах разместили 4 411 семей колхозников и иных категорий сельских жителей. Хуторов, состоящих не более, чем из 15 домов в колхозах области насчитывалось 2 667, причём 91% из них составляли хутора до 5 домов. В совхозах насчитывалось 825 населённых пунктов и хуторов с числом домов от 1 до 30, причём в 520 из них было до 5 домов. Особенно высокой доля хуторского населения была в Большаковском (92,8% сельского населения), Советском (44%), Славском (42,4%), Черняховском (37,6%) районах²⁶⁷. Основной причиной столь активного использования хуторов, в целом, не соответствующих специфике колхозно-совхозного землепользования и расселения, следует признать относительно высокую сохранность жилого фонда на хуторах, в сравнении с более крупными поселениями. В условиях форсированного заселения области, властям пришлось задействовать всё, имеющееся в распоряжении жильё, в том числе и хутора. Кроме того, заселение хуторов позволило включить в сельскохозяйственный оборот поля и земельные участки, не приспособленные к колхозно-совхозному производству и обеспечить использование пустующих земель.

Наличие на территории молодой советской области системы хуторского расселения вызывало неоднократные замечания республиканских и союзных партийных органов. В сентябре 1948 года ЦК ВКП(б) рекомендовал Калининградскому обкому партии разработать перспективный план сселения жителей хуторов в крупные благоустроенные посёлки. План был подготовлен, однако реалии первых послевоенных лет отодвинули его осуществление на более поздний срок. Более того, наиболее активное заселение хуторов наблюдалось как раз после обсуждений «хуторского вопроса» в обкоме партии – в 1948-1949 гг. Хутора сохраняли своё значение на протяжении

²⁶⁷ Данные на конец 1951 года. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 59. Л. 40-48; Гордеев И.А. Хутора и их жители на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1997. С. 94.

1950-х гг. Тем не менее, курс на постепенную ликвидацию хуторов был взят и последовательно осуществлялся на протяжении 1950-1970-х гг. В рамках этого курса в 1951 г. решением VII пленума Калининградского обкома ВКП(б) было запрещено строительство на хуторах²⁶⁸. Периодически проводились кампании по переселению хуторян в центральные усадьбы колхозов и совхозов. Ликвидация хуторов была закономерной в объяснимой: «малогабаритные» поселения не вписывались ни в идеологическую, ни в экономическую составляющую колхозно-совхозной системы. Значительных расходов требовали электрификация и благоустройство хуторов²⁶⁹. Жители хуторов не могли рассчитывать на своевременную медицинскую помощь²⁷⁰, затруднялась учёба детей, затягивался выход на работу в колхоз (совхоз) жителей хуторов.

Переселенческие контингенты, направлявшиеся в Калининградскую область обладали рядом *демографических особенностей*. Это высокая доля детей и молодёжи до 30 лет (65%), сокращённый (в сравнении со средним для РСФСР) удельный вес самых младших (до 17 лет) и старших возрастов, увеличенный – наиболее трудоспособных категорий (18-39 лет), заметное численное преобладание женщин (особенно в 1946-1948 гг.), высокая доля бывших горожан в составе формирующегося сельского населения области²⁷¹.

В складывании и пополнении народонаселения региона в различной степени принимали участие представители большинства регионов СССР, однако наиболее значительным был вес переселенцев из РСФСР (74,5%, в первую очередь – из Московской, Смоленской, Ленинградской, Брянской, Владимирской, Курской, Орловской и ряда других областей российского Центра и Северо-Запада), БССР (12,4%, прежде всего – из Гомельской, Витебской, Минской и Могилёвской областей), УССР (7,2%) и Литовской ССР (4,3%). Близкой по значению была доля республик и в приёме «обратников»²⁷².

²⁶⁸ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-3; Оп. 2. Д. 10. Л. 9-12.

²⁶⁹ Гордеев И.А. Указ. соч. С. 95, 96; История сельского хозяйства Калининградской области. С. 15, 16.

²⁷⁰ О трудностях, связанных с посещением больных на дому и профилактическими осмотрами «хуторян», постоянно сообщали фельдшеры и медсёстры, руководители здравоохранения районного уровня настаивали на скорейшей ликвидации хуторского расселения. См., например, ГАКО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 5-9; Ф. 1098. Оп. 1. Д. 2. Л. 32-37.

²⁷¹ Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. С. 85-90.

²⁷² Там же. С. 133-140; Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения //Балтийские исследования. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 28-31.

Общие показатели миграционного движения населения области приведены в таблице 6.

Таблица 6. Миграционное движение населения Калининградской области в 1947 – 1960 гг. (тыс. чел.)²⁷³

Год	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный прирост
1947	99 908	29 763	70 145
1948	153 642	51 873	101 769
1949	112 090	51 608	60 482
1950	78 435	44 912	33 523
1951	61 018	41 712	19 306
1952	69 322	55 521	13 801
1953	95 635	63 609	32 026
1954	95 652	79 907	15 745
1955	78 644	83 044	- 4 400
1956	79 946	76 932	3 014
1957	74 792	79 530	- 4 738
1958	75 471	81 594	- 6 123
1959	60 758	46 608	14 150
1960	74 620	68600	6 020

Механический прирост сельского населения в 1950-е гг. имел тенденцию к *понижению*: наивысший показатель зарегистрирован в 1950 г. (15,2 тыс. человек или 68,2% от общего прироста населения); самый низкий - в 1955 г. (- 2,5 тыс. человек, отрицательный прирост, убыль населения)²⁷⁴. Исключение составляет 1959 г. Механический прирост сельского населения составил 2,9 тыс. человек или 39,7% от общего прироста населения. Любопытно, что в том же году механический прирост городского населения области также был необычно высоким – 10,6 тыс. человек или почти 60% общего прироста городского населения. Как свидетельствуют документы Облстатуправления, высокий миграционный прирост населения был связан с переводом из Москвы в Калининград Технического института рыбной промышленности (КТИ, сегодня – Калининградский государственный технический университет) с его студентами, преподавателями, вспомогательным персоналом, а также с прибытием рыбаков из других областей.

Рассчитанные Ю.В. Костяшовым и Е.А. Масловым удельные показатели относятся ко второй половине 1940-х – началу 1950-х гг. В дальнейшем РСФСР, Белоруссия, Украина и Литва сохранили своё преобладание как регионы выхода переселенцев.

²⁷³ Подсчеты выполнены автором по: ГАКО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 74. Л. 8-9; Ф. 181. Оп. 3. Д. 4. Л. 2-4; Оп. 5. Д. 2. Л. 2, 5, 11; Оп. 12. Д. 282. Л. 2, 3; Оп. 15. Д. 240. Л. 6-8; Д. 492. Л. 9, 10.

²⁷⁴ ГАКО. Ф. 181. Оп. 15. Д. 487. Л. 1.

Анализ структуры миграционных потоков (см. Приложение 1, табл. 5) 1948, 1953, 1956 и 1959 гг. позволяет выявить некоторые тенденции механического движения населения. Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о тесных контактах между городом и деревней: в 1948 г. свыше 30% прибывших в города и выбывших из городских поселений приходилось на сельских жителей, на протяжении 1950-х гг. эта доля последовательно сокращалась, достигнув в 1959 г. 8-13%. Однако одновременно возросла процентная доля тех переселенцев, о социальном происхождении которых не было никакой информации (в среднем, с 8 до 25%), что, с одной стороны, демонстрирует снижение административного давления и контроля, с другой – наводит на мысли о «скрытой» миграции из села. Прибывшие из городов составляли значительную массу иммигрантов в сельские поселения, как в 1948 г. (29,9%), так и в 1959 г. (59,7%), ежегодная эмиграция была направлена преимущественно в города, а не в другие сельские поселения.

Итак, проведенный анализ свидетельствует об исключительной роли массового заселения края во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в демографической истории Калининградской области.

В ходе планового и стихийного переселения формировались национальная, половозрастная, социальная структуры областного социума, а также своеобразная система сельского расселения. Специфика переселенческих контингентов, высокие темпы заселения порождали повышенную брачную активность, способствовали более интенсивному, чем в среднем по РСФСР воспроизводству населения. До середины 1950-х гг. как городское, так и сельское население сохраняло высокую подвижность, что проявлялось, в частности, в интенсивной внутриобластной миграции.²⁷⁵ В 1950-е гг. миграционный прирост населения области имел ярко выраженную тенденцию к понижению, особенно заметную в сельской местности. В середине десятилетия он уступил первенство естественному приросту, ставшему основным фактором увеличения численности населения (см. гл. 3).

Переселение как совокупность мер по организации плановой миграции советских граждан на крайний запад страны и их материально-бытовому обустройству, несмотря на целый ряд ошибок и недочётов, выполнило свою главную задачу – в отно-

²⁷⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 679. Л. 80 – 83.

нительно короткие сроки был сформирован социально-демографический фундамент новой области. Прибывавшие из различных уголков РСФСР и других союзных республик (прежде всего – Белоруссии, Украины и Литвы) переселенцы были лишены возможности в полной мере сохранять социокультурные и демографические традиции своей «малой родины» - на новой территории происходила своего рода «интернационализация» выходцев из различных регионов СССР. Половозрастная специфика переселенческих контингентов и высокая интенсивность миграционного движения способствовали активному воспроизводству, быстрой урбанизации области.

2.2 Численность и половозрастной состав населения

Вопрос о численности населения области в рассматриваемый период относится к наиболее сложным проблемам демографической истории региона. С одной стороны, это объясняется интенсивными миграционными процессами (плановое заселение, стихийная миграция, «обратничество»), которые накладывали серьёзные ограничения на организацию и итоговые результаты демографического учёта как по области в целом, так и по отдельным районам и городским поселениям. С другой – областное управление статистики, созданное в 1946 г., первоначально имело небольшой штат сотрудников при фактическом отсутствии действующих районных представительств и объективно не могло справиться со всеми поставленными задачами. Дополнительным осложняющим фактором являлось присутствие на территории региона многочисленного «немецкого контингента», а также армейских соединений. Публикация данных о численности населения региона в советский период ограничивалась статистикой за отдельные годы. Анализ документации областного управления статистики и аппарата уполномоченного Госплана позволил определить примерную численность сельского и городского населения области за весь рассматриваемый период (таблица 7).

Таблица 7. Численность населения Калининградской области в 1946-1960 гг. (тыс. чел.)²⁷⁶

Год	Область	Городское население	Сельское население
1946	170,0 (53,2) ²⁷⁷	108,9	61,1
1947	311,3 ²⁷⁸ (205,3)	177,6	133,7
1948	403,0 ²⁷⁹ (332,6)	250,9	152,1
1949	401,1	235,9	165,2
1950	467,4	286,4	181,0
1951	516,5	321,3	195,2
1952	530,7	341,2	189,5
1953	553,1	359,7	193,4
1954	566,9	364,8	202,1
1955	585,3	372,7	212,6
1956	591,6	377,1	214,5
1957	598,0	381,6	216,4
1958	607,3	387,3	220,0
1959	610,1	391,6	218,5
1960	631,8	412,5	219,3

Темпы роста численности населения области были наиболее высокими в 1946-1950 гг., что объясняется массовым заселением региона, а также сверхвысокой рождаемостью – проявлением послевоенной демографической компенсации. Численность немецкого населения постоянно сокращалась: в 1945 – первой половине 1947 г. – вследствие высокой смертности, во второй половине 1947 – 1948 гг. – в результате массового выселения немцев в советскую зону оккупации Германии.

С 1946 по 1950 гг. гражданское население области увеличилось на 414 тыс. человек. В 1950-е гг. рост численности населения, особенно сельского, замедлился. За период с 1950 по начало 1960 г. городское население области выросло на 126 тыс. человек, сельское – на 38 тыс. Медленнее всего численность горожан и селян росла во второй половине 50-х гг. (увеличение составило около 40 и 7 тыс. человек соответственно).

²⁷⁶ Составлено автором по: ГАКО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 15. Л. 1; Д. 38. Л. 38; Ф. 181. Оп. 1 в.с. Д. 10. Л. 15; Оп. 3. Д. 2. Л. 2, 3; Оп. 9. Д. 5. Л. 21; Оп. 15. Д. 142. Л. 19; Д. 242. Л. 2; Д. 487. Л. 1-23; Д. 491. Л. 2; Ф. 297. Оп. 3. Д. 32. Л. 1. В графах за 1946-1948 гг. в скобках указана примерная численность русского населения.

²⁷⁷ Данные на 1 июня 1946 г.

²⁷⁸ Статистические показатели по 1947 году приводятся по состоянию на 1 мая. Согласно отчёту о возрастном и половом составе сельского населения на 1 января его численность составляла 133 704 человека. ГАКО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

²⁷⁹ В документах фигурирует и другая численность областного населения – 390 тыс., скорее всего включающая и немецкое население. На 1 сентября 1948 г. городское население насчитывало 235,2 тыс. чел. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 65. Л. 1.

Представленные в таблице данные требуют дополнительных пояснений. Существенное сокращение городского населения в 1948 г. (на 15 тыс. человек) объясняется выселением немцев – массовая миграция восполнила эту демографическую потерю только в следующем, 1949 г. Сельское население в 1948 г. имело положительную динамику в связи с успешной реализацией планов переселения. Согласно объяснительной записке к ежегодному отчету Облстатуправления, уменьшение сельского населения в 1952 г. было связано с административными преобразованиями. Существенный рост численности областного (прежде всего – городского) населения в 1959 г. отчасти объясняется перемещением в Калининград Технического института Министерства рыбной промышленности (преподавательского состава, учащихся, обслуживающего и технического персонала, рыболовецких бригад и т.д.).

До 1951 г. механический прирост населения играл ведущую роль в формировании населения области, впервые уступив первенство естественному в 1952 г., однако лишь с 1955 г. это явление стало тенденцией демографического развития области. Численность сельского населения росла преимущественно за счёт механического прироста в 1946-1950 и в 1953 гг. – таким образом, города как более привлекательные для иммиграции объекты сохраняли существенный миграционный прирост несколько дольше. Необычно высоким был механический прирост населения и в 1959 г., о чём уже шла речь выше.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. постоянное (прописанное на территории области) население насчитывало в январе 1959 г. 610 181 человек, Калининграда – 203 570 человек. Численность наличного (находящегося на территории области) населения была несколько выше – 610 885 человек²⁸⁰.

Перепись учитывала гражданское население области и лишь отчасти военнослужащих, поэтому реальная численность находящихся на территории региона советских граждан требует дальнейшего уточнения²⁸¹. Плотность населения по области

²⁸⁰ К наличному населению относились лица, находившиеся на момент учёта населения в конкретном помещении, независимо от того, проживали ли они в нём постоянно или временно. Из числа проживающих в данном помещении, но отсутствовавших на момент проведения переписи, к наличному населению относились и лица, находившиеся в другом месте на территории того же городского или сельского Совета (бывшие в гостях, работающие в ночную смену), либо за пределами данного Совета на работе или «в таких местах, где они не могли быть переписаны» (в пути, уехавшие на охоту и т.д.).

²⁸¹ Лица, призванные в армию переписывались в числе постоянного населения по месту нового жительства, т.е. в месте прохождения службы, однако в итоговые (сводные) таблицы переписи военно-

была самой высокой в Северо-Западном районе РСФСР – 40,5 человек на 1 кв. км., а численность населения – одной из самых низких (наряду с Мурманской областью и Ненецким национальным округом). Калининградская область была одним из наиболее урбанизированных регионов РСФСР; доля городских жителей достигала 65%²⁸². Высокую степень урбанизированности области можно объяснить такими факторами, как развитость сети городских поселений в Восточной Пруссии, выделением городского жилого фонда демобилизуемым из Советских вооружённых сил в первые послевоенные годы, формированием на территории региона мощного промышленного сектора экономики.

Важнейшим элементом демографического развития Калининградской области являлось формирование половозрастной структуры населения. Особенности половой структуры обычно определяются действием трёх основных факторов: вторичного соотношения полов, дифференциальной смертности и половых различий в интенсивности миграции²⁸³. На становление конкретной формы возрастной структуры определяющее влияние оказывают миграционные процессы, уровень смертности, применительно к России первой половины XX в. – ещё и демографические катастрофы.

Анализ половозрастной структуры областного населения облегчается наличием материалов единовременного учёта сельских жителей, для городского населения, к сожалению, подобные сводки не составлялись. Наиболее ранние статистические выкладки, характеризующие половой и возрастной состав гражданского населения области относятся к началу июня 1946 г.: накануне массовой переселенческой кампании ЦК ВКП(б) затребовал данные о текущем состоянии экономики, социально-бытовой сферы новообразованной области, политических настроениях «немецкого контингента» и советских жителей края. Единовременный учёт областного населения производился гражданскими и статистическим управлениями при участии сотрудников аппа-

служащие срочной службы включались по месту их постоянного проживания, (т.е. до призыва в ряды советских вооружённых сил). Там же. С. 7.

²⁸² Доля городского населения по РСФСР была выше лишь во Владимирской, Кемеровской, Свердловской областях, а также в регионах с немногочисленным сельским населением (Хабаровский и Приморский края, Магаданская, Мурманская, Сахалинская области). Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 24, 25.

²⁸³ Под вторичным соотношением полов в демографии понимается соотношение мальчиков и девочек среди родившихся живыми детей, под дифференциальной смертностью – специфика смертности мужчин и женщин в разных возрастах. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 327-329; Медков В.М. Демография. М., 2008. С. 158.

рата Уполномоченного Госплана по Калининградской области. Итоговые результаты учёта представлены в таблице 8.

Таблица 8. *Половозрастной состав советского населения Кёнигсбергской области по состоянию на 1 июня 1946 г. (по возрастным группам, абсолютные показатели)²⁸⁴*

Возрастные группы	Граждане, прибывшие из СССР		
	Всего	Муж.	Жен.
Всего	170 019	58 482	111 537
0-6 лет	17 295	8 741	8 554
7-9 лет	12 330	6 078	6 252
10-15 лет	16 907	8 673	8 234
16-17 лет	8 926	3 867	5 059
18-39 лет	60 030	12 493	47 537
40-59 лет	36 682	11 133	25 549
60 и выше	17 849	7 497	10 352
В т.ч. в %	100	34,5	65,5

Согласно произведённым подсчётам всё гражданское население области на 1 июня 1946 г. насчитывало немногим более 170 тыс. человек, в том числе 53,2 тыс. советских граждан (включая репатриантов).

Даже беглый обзор относительных показателей (таблица 9) даёт представление о специфике половозрастного состава населения к началу массовой сельскохозяйственной иммиграции.

Таблица 9. *Численность и возрастно-половой состав советского населения Кёнигсбергской области по состоянию на 1 июня 1946 г. (по возрастным группам, %)²⁸⁵*

Всего	Всего	Муж.	Жен.
0-6 лет	6,7	10,1	5,1
7-9 лет	4,6	6,4	3,6

²⁸⁴ Составлено по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 в. Д. 10, Л. 20.

²⁸⁵ Таблица составлена по данным справки о результатах единовременного учёта населения области. В справке приводятся статистические характеристики областного и отдельно - немецкого населения. Расчёты процентных долей полов и возрастных групп выполнены автором. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 в. Д. 10, Л. 20.

10-15 лет	4,2	5,9	3,2
16-17 лет	6,0	3,5	4,8
18-39 лет	65,8	54,7	73,0
40-59 лет	11,8	18,6	9,4
60 и выше	0,9	0,8	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0

В структуре советского населения резко преобладали наиболее трудоспособные возрастные группы (18-59 лет), представленные в совокупности 77,6% численного состава (73,3% мужского населения и 82,4% - женского). Незначительной (менее 1%) была доля пожилых и самых старших возрастов. Женское население численно почти в два раза превосходило мужское. Материалы учёта позволяет сделать ряд выводов о половозрастной структуре *немецкого* населения: значительно (более, чем в 2 раза) ниже доля трудоспособных, заметно выше – детей и пожилых, чрезвычайно мала численность мужчин в трудоспособном возрасте²⁸⁶. Зафиксированная советской статистикой, подобная структура практически идентична половозрастным характеристикам населения тех регионов РСФСР, которые в период войны не только стали ареной ожесточённых сражений, но и оказались оккупированными немецкой армией (Смоленская, Брянская, Курская, Орловская и ряд других областей)²⁸⁷.

Сравнительно молодой состав *советского* населения края отражал его переселенческий характер. Вместе с тем, соотношение мужчин и женщин в наиболее трудоспособных возрастах (16-59 лет; 27 493 и 78 145 человек соответственно²⁸⁸) было типичным для тыловых областей Европейской части РСФСР и свидетельствовало как о громадных потерях, понесённых мужской частью населения республики, так и о незавершённости демобилизации советских вооружённых сил²⁸⁹. Впоследствии половозрастные диспропорции были заметно сглажены за счёт массового притока переселенцев.

²⁸⁶ Там же. Л. 20, 21.

²⁸⁷ Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 2. 1940-1959. М., 2001. С. 48-50; Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 126.

²⁸⁸ ГАКО. Ф. 181. Оп. 1 в.с. Д. 10. Л. 20.

²⁸⁹ Демобилизация осуществлялась в несколько этапов с осени 1945 по 1949 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы текущего учёта состава сельского населения позволяют построить динамические ряды, отражающие эволюцию его половозрастной структуры. Сопоставление относительных показателей за 1949 и 1960 гг.²⁹⁰ (см. табл. 10) демонстрирует удивительную стабильность в соотношении мужчин и женщин: изменения укладываются в десятые доли процента. Наиболее существенные перемены, вероятно, произошли в первые годы заселения области и были связаны с массовой демобилизацией военнослужащих и перемещением в сельскую местность тысяч семей крестьян-переселенцев.

Таблица 10. Состав сельского населения Калининградской области по полу и возрасту на начало 1949 и 1960 гг. (по материалам текущего учёта)²⁹¹

	1949			1960		
	Всё население	Мужчины	Женщины	Всё население	Мужчины	Женщины
Общая численность (чел.)	167 947	72 783	92 478	219 388	96 076	115 641
Соотношение полов (%)	100	43,3	56,7	100	43,8	56,2
Возрастная категория (полных лет)	в т.ч. в % к общей численности сельского населения					
0-9	22,9	25,7	20,3	28,9	31,7	26,1
10-19	26,6	29,4	23,7	16,6	17,7	15,6
20-29	17,9	14,5	21,4	17,3	17,1	17,5
30-39	12,9	12,6	13,4	15,1	14,2	15,8
40-49	11,2	10,3	11,8	8,7	7,8	9,7
50-59	5,9	5,7	6,2	8,5	7,6	9,3
60 и старше	2,6	1,8	3,2	4,9	3,9	6,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Как в 1949 г., так и спустя десятилетие, население калининградского села оставалось весьма молодым: доля детей и молодёжи в возрасте до 20 лет сократилась всего на 4% (с 49,5 до 45,5%), при этом существенно уменьшилась численность 10-29-летних – то есть сохранение высокого удельного веса наиболее молодых групп стало возможным в основном за счёт высокой рождаемости первой половины – середины

²⁹⁰ Сведения об учёте половозрастного состава населения предоставлялись на 1 января каждого года, в связи с чем использование данных за 1960 г. (по сути – итоговых показателей 1959 г.) представляется абсолютно корректным и оправданным.

²⁹¹ Составлено по ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 2. Л. 2, 3; Оп. 15. Д. 491. Л. 2, 3. Все расчёты выполнены автором.

1950-х гг. Одновременно произошло увеличение процентной доли пожилых возрастов (50 лет и старше) – с 8,5 до 13,4%.

К концу рассматриваемого периода в составе сельского населения несколько возросла доля мужчин в наиболее трудоспособных возрастах (20-39 лет), но сократилось число 40-49-летних: именно во второй половине 50-х гг. в этот возраст вступило поколение, понёсшее наибольшие потери в годы Великой Отечественной войны.

Важнейшей задачей анализа половозрастной структуры сельского населения является выяснение соотношения мужчин и женщин в тех возрастных категориях, которые традиционно вносят наибольший вклад в динамику рождаемости. Согласно проведенным расчётам, соотношение мужчин и женщин в возрасте 20-29 лет в 1949 г. в процентном выражении выглядело как 34,8/65,2, в 1960 г. как 44,7/55,3; в возрасте 30-39 лет как 40,7/59,3 и 42,6/57,4 соответственно²⁹². В период максимально высокой рождаемости сельское население имело отчётливо выраженные диспропорции полового состава в наиболее репродуктивных возрастах, последствиями которых стали внушительный уровень внебрачной рождаемости, распространение неполных семей и разновозрастных браков. Причиной диспропорций стали огромные демографические потери периода войны и пополнение калининградских сёл преимущественно выходцами из бывших в оккупации или прифронтовых областей РСФСР и БССР.

Комплекс данных о половозрастном составе населения области позволила сформировать Всесоюзная перепись 1959 г. Он отражал характерные для РСФСР демографические тенденции (табл. 10): существенный половой дисбаланс в пользу женщин (численное преобладание женщин над мужчинами по всем возрастным категориям составляло 10-11%, среди лиц 1919-1925 гг. рождения – возрастной категории, наиболее пострадавшей в военные годы – 25-35%); высокий удельный вес детей и молодёжи (несовершеннолетних - около 40% от численности населения); наличие т.н. “демографических ям” – деформаций возрастной структуры населения как результата массовой гибели советских граждан в годы Гражданской, Великой Отечественной войн, трудностей и лишений послевоенных лет. Наиболее заметная возрастная демографическая «яма» - категория жителей области в возрасте 10-19 лет (1940-1949 годов рождения) включала, в основном, поколения военных и первых послевоенных лет.

²⁹² Рассчитано по: ГАКО. Ф. 181, Оп. 15, Д. 242, Л. 2; Оп. 15, Д. 491, Л. 2.

Эвакуация, оккупация, военные действия, недоступность зачастую элементарной медицинской помощи, голод 1946-1947 гг., высокая младенческая и детская смертность, радикальное снижение которой началось только в послевоенные годы – всё это обусловило высокую убыль населения именно этой возрастной категории. Процентные доли мужчин и женщин соответствовали средним для РСФСР показателям (44,6% и 55,4% соответственно).

Таблица 11. *Возрастная структура населения Калининградской области и РСФСР (1959 г.)*²⁹³

Калининградская область			РСФСР	
возрастная категория (полных лет)	численность (чел.)	в % к общей численности населения	возрастная категория (полных лет)	в % к общей численности населения
0-9	155 537	25,4	0-9	22,0
10-19	90 990	14,9	10-19	14,8
20-29	136 322	22,3	20-29	18,8
30-39	111 806	18,3	30-39	14,8
40-49	51 455	8,3	40-49	11,3
50-59	38 302	6,2	50-59	9,0
60-69	18 401	3,1	60-69	5,3
70 и старше	8 057	1,4	70 и старше	3,6
Всего	610 885	100	Всего	100

На момент переписи население Калининградской области было существенно “моложе”, нежели в среднем по России. Это стало результатом интенсивного заселения области во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., в процессе которого в регион прибывали, в основном, молодые люди. Волна переселенческой молодёжи, составившая основу населения региона, в 1959 г. была представлена в возрастных категориях от 20 до 39 лет. Значительно ниже была доля пожилых людей, пенсионеров. Несмотря на то, что территория Калининградской области вошла в состав РСФСР (и СССР) только после завершения Второй мировой войны и население региона формировалось путём его целенаправленного и, отчасти, стихийного заселения, возрастная структура второй половины 1950-х гг. по основным параметрам была сходна с общероссийской и отражала свойственные ей характеристики: «пирамидальность» кон-

²⁹³ Подсчёты выполнены на основании данных Всесоюзной переписи населения по РСФСР. См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 62-63. За 100% принято *наличное* (610 885 чел.), а не постоянное население области.

струкции, возрастные диспропорции в поколениях военных лет, значительный вес детей и молодёжи до 20 лет.

На территории области проживали и настоящие долгожители. Согласно «Отчёту о лицах старше 80 лет» (1959 г.) в городах и посёлках области на момент переписи было зарегистрировано 25 человек, возраст которых, согласно документам составлял 100 и более лет. Самому старшему представителю этой когорты исполнилось в 1959 г. 115 лет²⁹⁴.

Материалы переписи позволяют сопоставить структурные модели населения различных регионов страны. В связи с этим, представляется целесообразным провести сравнительный анализ половозрастных структур населения Калининградской области, типологически близкой к ней Сахалинской области (как переселенческой), а также Брянской и Владимирской областей, которые являлись важными миграционными «донорами» (регионами выхода переселенцев в Калининградскую область). Выбор именно этих двух областей центральной России не случаен: одна из них – Брянская - в период войны стала ареной ожесточённых боёв и была оккупирована германской армией, другая – Владимирская – не подверглась оккупации, являлась прифронтовым тылом Красной Армии. Автор сознательно не остановил своё выбор на Московской и Ленинградской областях, которые были весьма привлекательными с точки зрения миграции населения регионами, а также на Смоленской области, которая в послевоенные годы оказалась в наиболее тяжёлом демографическом положении, при этом являясь одним из основных «доноров» миграции.

На момент проведения переписи в Калининградской области мужчины составляли 44,1% городского населения, женщины – 55,9, в составе сельского населения – 46 и 54% соответственно, т.е. общая половая структура была практически идентичной и, на первый взгляд, вполне благоприятной (Приложение 4, табл. 1, 2). Действительно, в возрастных группах, вносящих в конце 1950-х гг. наибольший вклад в брачность и воспроизводство населения (20-29 лет), численное преобладание женщин над мужчинами было относительно небольшим: по городским поселениям оно составляло 13,4%, по сельским – всего 5%. По детским и подростковым группам незначительное преобладание было за мужчинами.

²⁹⁴ ГАКО. Ф. 181. Оп. 13. Д. 520. Л. 48, 49.

Вместе с тем, соотношение полов в тех возрастных группах, которые в наибольшей степени пострадали в период войны, было крайне неблагоприятным. Численность 30-49-летних мужчин (на момент начала войны им было от 12 лет до 31 года) была меньше численности женщин соответствующих возрастов почти в 2 раза (как в городах, так и в сёлах). Доля наиболее трудоспособных возрастных групп (20-49 лет) в структуре городского населения равнялась 49,7% (у мужчин) и 55,2% (у женщин), по сельской местности – 39 и 43,3 % соответственно²⁹⁵.

Более благоприятное соотношение полов (как общее, так и по отдельным возрастным группам) было зафиксировано переписью в Сахалинской области. В составе городского и сельского населения соотношение мужчин и женщин было практически равным (49,3/50,7 и 50,8/49,2). В отличие от самой западной российской области, в этом переселенческом регионе среди 20-29-летних несколько преобладали мужчины (в среднем, на 11%). По наиболее пострадавшим от войны возрастным категориям разрыв между мужским и женским населением составил 28,6% в городах и всего 2,8% в сельской местности (в пользу женщин). Удельный вес наиболее трудоспособных возрастных групп (20-49 лет) в структуре городского населения составлял 49,8% (у мужчин) и около 50% (у женщин), по сельской местности – 47,1 и 46,8 % соответственно.

В целом, возрастно-половой состав населения Сахалинской области к концу 50-х гг. был гораздо более благоприятным в сравнении с Калининградской областью. Вероятно, это связано с удалённостью Сахалина от центральных регионов СССР, спецификой его природно-климатических условий и экономической специализацией области. Кроме того, при заселении этой дальневосточной области сельскохозяйственная миграция играла подчинённую роль в сравнении с переселением рыбаков и промышленных рабочих, что обусловило преимущественную вербовку мужчин в качестве переселенцев.

Половозрастная структура Брянской и Владимирской областей была гораздо ближе к калининградской. Соотношение полов в общей массе населения составляло, в среднем, 44/56% для городского и 42/57% для сельского населения. В наиболее активных (20-29 лет) возрастных группах численное превосходство женщин составляло:

²⁹⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 86, 87, 96, 97.

в Брянской области – 12% в городских и 11% в сельских поселениях, во Владимирской – 16,6 и 0,6% соответственно. Численность 30-49-летних мужчин была, как и в Калининградской области, меньше численности женщин соответствующих возрастов: в среднем – на 80% в составе городского населения и в 2 (Владимирская обл.) – 2,3 раза (Брянская область) в структуре сельского населения. Наиболее трудоспособные возрастные группы включали 46% городского населения Брянской области и 47% - Владимирской, 38 и 40% сельского населения этих регионов²⁹⁶.

Проведённый анализ демонстрирует несомненное родство половозрастных структур населения Калининградской области и избранных регионов центральной России, а также заметную специфику Сахалинской области. Следует помнить о том, что в данном случае речь идет о нижней границе рассматриваемого периода.

К концу 1950-х гг. заметным явлением в демографическом развитии Калининградской области становится *старение населения*. Этот процесс в большинстве случаев развивается за счёт снижения рождаемости и смертности, увеличения средней продолжительности жизни, вследствие чего в половозрастной структуре растёт доля лиц пожилого возраста (старше 60 лет). Однако применительно к отечественной истории середины-второй половины XX в. целесообразно выявить и другие факторы, способствовавшие эскалации процесса старения – прежде всего факторы экзогенного характера: влияние Великой Отечественной войны, демографические последствия голода 1932-33 и 1946-1947 гг., неполная реализация послевоенной демографической компенсации, высокая младенческая и детская смертность в послевоенные годы. В демографии существуют критерии, позволяющие оценить масштабы и уровень старения населения. По одной из наиболее популярных методик – шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье - Э. Роскета – о демографическом старении можно говорить в том случае, если лица в возрасте 60-ти и более лет составляют не менее 12% возрастной структуры, о демографической молодости – при 8% и менее²⁹⁷.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. в составе населения Калининградской области доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляла около 4,5%; по данным текущего учёта (на 1 января 1960 г.) – 4,9% в составе сельского населения и около 4,1% -

²⁹⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 86, 87, 96, 97.

²⁹⁷ Народнонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 113.

городского²⁹⁸. Для РСФСР этот показатель равнялся в 1959 г. 9%, для Сахалинской области – 2,6%, для Брянской и Владимирской – около 10%²⁹⁹.

Приведённые статистические показатели дают основание заявить, что к концу 50-х гг. население самой западной российской области ещё не перешагнуло порога демографического старения и даже не находилось на «стадии преддверия старости», чего нельзя сказать о российском обществе в целом³⁰⁰. В то же время за 10 лет (1949-1959 гг.) удельный вес возрастной категории «60 и старше» возрос почти в 2 раза (с 2,6 до 4,9% сельского населения и с 1,9 до 4,1% – городского)³⁰¹.

Перепись 1959 г. впервые зафиксировала данные, характеризующие национальный состав населения области (табл. 12). Ранее фиксировались только «регионы выхода» переселенцев.

Таблица 12. *Национальный состав населения Калининградской области на 1959 г.*³⁰²

Национальность	Численность (чел.)	В % к наличному населению	Национальный состав населения РСФСР (1959 г.)
Русские	473 861	77,5	83,3
Белорусы	57 178	9,3	0,7
Украинцы	35 717	5,8	2,9
Литовцы	21 262	3,4	0,01
Евреи	4 520	0,7	0,7
Мордва	3 360	0,5	1,0
Поляки	3 287	0,5	0,1
Чуваши	2 786	0,4	1,2
Татары	2 202	0,3	3,5
Цыгане	802	0,1	0,1
Прочие националь-ности	5 910	0,9	6,5
Всего	610 885	100	100

Характерной чертой многонациональной Калининградской области на протяжении всей её истории являлось явное численное преобладание одной национально-

²⁹⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 62-63; ГАКО. Ф. 181. Оп. 15. Д. 491. Л. 2.

²⁹⁹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 86, 87, 96, 97.

³⁰⁰ Жиромская В.Б. Война и старение российского населения // Российская история. 2010. № 4. С. 46-55.

³⁰¹ ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 2. Л. 3, 4.

³⁰² Национальность фиксировалась также исходя из слов опрашиваемого. Таким образом, результаты переписи отразили национальную самоидентификацию населения области. ГАКО. Ф. 181. Оп. 13. Д. 551. Л. 6-131.

сти - русских. На момент проведения переписи из 610 тыс. областного населения русские составляли более 473 тыс. или 77,5%. Вместе с тем, процент русских в населении региона был существенно ниже общероссийского показателя (83,3%), что объяснялось массовым притоком переселенцев из БССР, УССР и Литовской ССР в первое послевоенное десятилетие. В связи с этим обстоятельством, к наиболее многочисленным национальным группам итоги переписи также относили белорусов, украинцев и литовцев (народы с численностью более 10 тыс. человек). Область лидировала среди всех других регионов РСФСР по количеству проживающих на её территории литовцев и поляков.

Таким образом, анализ половозрастной структуры позволяет сделать несколько выводов: во-первых – во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. соотношение полов в наиболее репродуктивных возрастах было весьма неблагоприятным (особенно в структуре сельского населения), что могло оказать понижающее воздействие на численность браков и рождений, а также на структуру брачности и рождаемости; во-вторых – к концу 1950-х гг. произошло относительное выравнивание удельных показателей и частичная нормализация возрастно-половой структуры, а также сближение области с регионами центральной России; в-третьих – существенно повысилась доля самых старших поколений.

ГЛАВА 3: ПРОЦЕССЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

3.1 Динамика, структура и регулирование рождаемости

Реконструкция динамики естественного прироста населения Калининградской области в рассматриваемый период значительно облегчается наличием обширного комплекса демографической статистики, характеризующей уровень рождаемости и смертности. Речь идёт о ежегодных отчётах областного статистического управления и иной документации, анализ которой представлен во введении. Вместе с тем, совершенно очевидно, что учёт демографических событий (рождений, смертей и т.д.) в первые годы существования молодой области ещё не был отлажен, ежемесячные и итоговые сводки зачастую содержали непроверенные или неполные данные, о чём неоднократно сообщали сотрудники загсов и Облстатуправления.

Ещё одной существенной проблемой является вопрос о демографическом объекте статистического учёта. В научной литературе высказывалось мнение о том, что в 1946-1948 гг. областная статистика учитывала в качестве гражданского населения и свыше 100 тыс. немцев, иногда выделяя их как «временно проживающих», и некоторая доля демографических событий (рождений, смертей), относящихся к «немецкому контингенту», вполне могла войти в отчёты ЗАГСов и в итоговые сводки Облстатуправления³⁰³. Эта точка зрения заслуживает самого пристального внимания, тем более, что организационно-распорядительная документация управления не позволяет до конца прояснить вопрос о порядке и точности учёта рождаемости и смертности среди оставшихся на территории области коренных жителей этой земли. Выделить демографические события, относящиеся исключительно к советскому (русскому) населению края, используя имеющиеся в распоряжении автора источники, невозможно. По меньшей мере, некорректно было бы игнорировать место и значение немецкого населения в демографической истории региона 1946-1948 гг. В связи с этим все демографические коэффициенты рассчитывались для зафиксированных в сводках и

³⁰³ Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. С. 152.

отчётах Облстатуправления абсолютных показателей *общей численности гражданского населения*³⁰⁴.

Определённые трудности представляет и вопрос об учёте военнослужащих. При проведении Всесоюзной переписи населения 1959 г. офицеры Советской Армии и флота, а также военнослужащие-сверхсрочники учитывались по месту службы, т.е. включались в состав населения того региона, где дислоцировались их соединения и части, рядовой состав, проходивший срочную службу, переписывался по месту постоянного проживания. Скорее всего, этот принцип действовал и ранее, хотя утверждать это наверняка, особенно применительно к 1946-1949 гг. нельзя. В любом случае, члены семей военнослужащих, проживающие с ними совместно, учитывались в общей массе гражданского населения области, а проходящие срочную службу не включались в его состав.

Воспроизводство населения Калининградской области, как и других регионов РСФСР во второй половине 1940-х гг., проходило в условиях демографической компенсации, основой которой стали временно отложенные в военное лихолетье демографические события - создание семей и рождение детей. Однако факторы и особенности компенсационного роста рождаемости имели на территории области свою специфику. Если в большинстве российских регионов увеличение рождаемости во второй половине 1940-х гг. было связано, в основном, с демобилизацией армии, репатриацией и возвращением эвакуированного населения, то в Калининградской области ведущим было влияние миграционных процессов – весьма интенсивного, массового заселения края.

Конечно, не стоит преуменьшать значение демобилизации и реэвакуации – покинувшие ряды советских вооружённых сил бойцы и члены их семей составили немалую часть населения края, именно демобилизация и реэвакуация возвратили в города и сёла РСФСР и Белоруссии миллионы людей, многие из которых впоследствии стали переселенцами. Тем не менее, именно переселение, вырывая из привычного социального окружения прежде всего наиболее подвижную часть социума – молодёжь –

³⁰⁴ Так как подавляющее большинство немецкого населения до конца 1948 г. покинуло пределы области, абсолютные данные и коэффициенты по данному году отражают демографические процессы, свойственные, главным образом, советскому населению края.

сформировало ту модель половозрастной структуры населения области, которая потенциально уже содержала в себе предпосылки для интенсивного воспроизводства.

Основные статистические данные, характеризующие динамику рождаемости в Калининградской области, представлены в таблице 13:

Таблица 13. Показатели рождаемости населения Калининградской области (1946-1959 гг., абсолютные данные, чел.)³⁰⁵

Территория /годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Калининградская область в целом	5 036	13 967	16 878	20 687	19 617	20 414	20 744
Городские поселения	3 617	8 274	9 970	11 707	10 828	11 999	12 810
Сельские поселения	1 419	5 693	6 908	8 980	8 789	8 415	7 934
Территория/годы	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Калининградская область в целом	18 341	20 443	18 659	17 921	16 074	15 791	15 179
Городские поселения	11 197	12 429	11 145	10 807	9 619	9 673	9 547
Сельские поселения	7 144	8 014	7 514	7 114	6 455	6 118	5 632

Приведённые данные позволяют выделить три периода в динамике рождаемости области. Первый период связан с интенсивным заселением края и послевоенной демографической компенсацией, на этом этапе абсолютные показатели рождаемости непрерывно увеличиваются (1946-1949 гг.) – причём, показатели рождаемости росли за счёт появления детей как в недавно заключённых браках, так и в семьях, сложившихся ещё в довоенные или военные годы. На втором (1950-1954 гг.) – наблюдается некоторая стабилизация показателей (18,3-20,7 тыс. родившихся ежегодно); начиная с 1955 г. количество родившихся постоянно сокращается (в среднем, на 1 тыс. ежегодно, наиболее интенсивно – в 1955 и 1957 гг.). Число родившихся в городах на протяжении всего периода было значительно выше соответствующих показателей по сель-

³⁰⁵ Составлено по сведениям ежегодных отчётов о естественном движении Статистического управления Калининградской области. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об.; Д.8. Л.3, 3 об.; 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об.; Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные за 1946 г. приведены только за 7 месяцев (с июня по декабрь).

ской местности, что объясняется в первую очередь численным преобладанием городского населения. Интересно, что наиболее резким падением абсолютных показателей был отмечен 1953 г. (на 2 403 родившихся меньше, чем в 1952 г.) – год смерти И.В. Сталина и начала новой эпохи в истории страны. Демографическая статистика фиксировала дальнейшее снижение смертности, однако 1953 г. был рекордным по количеству самоубийств, совершённых жителями Калининградской области³⁰⁶.

Поскольку общая численность как городского, так и сельского населения области постоянно менялась (как правило, увеличивалась), абсолютные показатели рождаемости не могут отразить все колебания в интенсивности этого демографического процесса. Предпочтительнее, поэтому использовать относительные величины – общие коэффициенты рождаемости (в расчёте на 1000 человек населения, табл. 14).

Таблица 14. *Уровень рождаемости населения Калининградской области и РСФСР в 1946-1959 гг.*³⁰⁷

Территория	Общий коэффициент рождаемости населения (‰)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	45,7	39,1	41,9	47,6	39,9	32,7	30,2	24,4
РСФСР в целом	25,6	28,5	25,8	30,8	28,2	26,4	25,4	25,0

³⁰⁶ Вопрос о воздействии событий 1953 и 1956 гг. на демографические процессы в стране ещё ждёт своего исследователя. Влияние их на массовую психологию уже стало предметом ряда работ, в одной из которых дана очень ёмкая характеристика сути проблемы: «В течение трёх лет – с 1953 по 1956 год – многомиллионное население Советского Союза испытало два психологических потрясения: смерть И.В. Сталина – человека, олицетворявшего собой социализм, партию, родину и низвержение его с пьедестала. Для одних это стало началом избавления от ложных идеалов и мифических целей, для других – долгожданным возмездием, третьи не в состоянии были принять правду, которая ломала их привычные представления. Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. №2. С. 121.

³⁰⁷ Коэффициенты по области рассчитаны автором по данным Областного статистического управления. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об.; Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Поскольку данные по рождаемости за 1946 г. приводятся в документах только за 7 месяцев, была определена примерная сумма рождений за весь год, которая и использовалась в дальнейших расчётах. Коэффициенты по России см. Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., Новое издательство, 2006. С. 270-285; Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 173, 174, 180, 181.

Калининградская область, городское население	-	38,6	38,8	45,5	36,3	30,9	28,4	23,7
РСФСР, городское население	29,1	30,6	25,7	29,1	26,6	24,4	22,7	21,9
Калининградская область, сельское население	-	39,8	43,5	50,6	45,4	36,1	33,0	25,7
РСФСР, сельское население	22,1	26,4	25,9	32,5	29,9	28,4	28,1	28,1

Относительные показатели дают несколько иную картину, по сравнению с абсолютными показателями. Поскольку данные о численности населения области в 1946 г. весьма противоречивы, ненадёжны, а учёт демографических событий переживал период становления, постольку к коэффициенту этого года стоит относиться с определённой долей скепсиса.

Однако коэффициенты за последующие годы отличаются более высокой степенью достоверности и позволяют сделать ряд предварительных выводов. Прежде всего, показатели второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., согласно принятой в отечественной демографии шкале, можно охарактеризовать как сверхвысокие и высокие. За исключением 1959 г. общие коэффициенты рождаемости (далее – ОКР) значительно выше общероссийских, во второй половине 1940-х гг. - на 20-35%. В отличие от большинства российских регионов, ОКР по Калининградской области в 1947-1950 гг. превзошёл очень высокие общероссийские показатели рождаемости предвоенных лет.

Если же сравнивать с отдельными регионами РСФСР (регионами выхода переселенцев), то специфика области проявится ещё более отчётливо. Например, в 1947 г. в сельской местности Брянской, Калужской, Курской, Калининской, Ивановской, Смоленской, Ярославской областей рождаемость не превышала 15-18‰, в 1959 г. – 20-21‰, в Московской области в 1959 г. рождаемость сельского населения понизилась до 16,2‰ (в Калининградской области – соответственно 39,8 и 25,7‰)³⁰⁸. В 1947 г. рождаемость городского населения Ленинградской области оценивалась статистическими органами в 31,6‰, Московской – 28,9‰ (Калининградской – 38,6‰), по большинству городских поселений Центральной России в 1955 г. показатели рождаемости не превышали 23,7‰, (Калининградской, 29,7‰)³⁰⁹.

³⁰⁸ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. С. 170, 171, 180.

³⁰⁹ Данные по РСФСР и СССР см. Население России в XX в. Т. 2. с. 239-241.

Вместе с тем, самая западная область России не была единственным исключением: практически все регионы, в которые направлялся поток плановых переселенцев и стихийных мигрантов (например, Мурманская, Сахалинская, Челябинская области), обладали превышающей средний по РСФСР уровень рождаемостью.

К резкому снижению рождаемости в областях Европейской части РСФСР привёл голод 1946-1947 гг. В наиболее тяжёлый, 1947 г., когда её показатели по большинству регионов составили 3-6‰, для самой западной российской области оставалась характерна очень высокая рождаемость – около 39,1‰. В то же время нельзя сказать, что перебои с обеспечением населения области продовольствием и отголоски «большого голода» не повлияли на уровень рождаемости: в 1947 г. по области в целом он оказался на 6,6‰ ниже, чем соответствующий показатель 1946 г., а в следующем, 1948 г., ОКР вырос исключительно за счёт сельского населения.

Наивысший уровень рождаемости (ОКР) в области за весь послевоенный период, как для городского, так и для сельского населения был достигнут в 1949 г.³¹⁰. В общероссийской динамике рождаемости наблюдалась практически идентичная картина, ставшая следствием массовой демобилизации (1946-1948 гг.) – 1947 и 1949 гг. соответственно. Интересно, что по *абсолютным показателям* воспроизводства сельского населения 1949 г. также был «рекордным» - 8 980 родившихся, а для городского таким стал 1952 г., когда городские ЗАГСы отчитались о 12 810 родившихся.

Рождаемость сельского населения области только в 1946 г. значительно уступала городской, однако затем калининградская деревня перехватила первенство и уже не отдавала его до конца исследуемого периода.

Динамика рождаемости городского и сельского населения имела свои особенности. Демографическая компенсация раньше проявила себя именно в городских поселениях, вызвав бурный рост рождаемости в первый год после завершения войны. Деревня, напротив, несколько дольше «втягивалась» в компенсационные процессы, однако действие благоприятных для демографической ситуации факторов послевоенной компенсации, дополненных иммиграцией, здесь было более продолжительным, чем в городе. Данные, представленные в таблице, свидетельствуют, что ОКР городского и

³¹⁰ Это справедливо, если не учитывается показатель 1946 г. В противном случае наивысший уровень рождаемости в городах области приходится именно на этот год.

сельского населения после многолетнего «отставания» городской рождаемости сблизились только к концу 1950-х гг.

Основными факторами высокой рождаемости, характерной для Калининградской области в рассматриваемый период, следует признать компенсационное повышение рождаемости после демографического спада военных лет (и в меньшей степени – после спада 1947 г.), очень благоприятную возрастно-половую структуру сельского и городского населения. Ещё одним важным обстоятельством было наличие на территории области значительных воинских контингентов. На основании косвенных данных общую среднюю численность личного состава размещённых на территории области 11-й Гвардейской армии, частей Южно-Балтийского флота, пограничных войск, авиационных частей в 1946-1955 гг. можно определить в 80-90 тыс. человек. Около 70-75% этого контингента составляли солдаты и матросы, проходящие срочную службу. Учитываемые ЦСУ по месту постоянного проживания (месту призыва), они, тем не менее, были важным звеном в системе воспроизводства населения области.

Если в начале рассматриваемого периода показатели рождаемости были *сверхвысокими*, то к 1959 г. они вплотную приблизились к *средним*, при этом *темпы* падения рождаемости в Калининградской области были значительно выше общероссийских и общесоюзных. *Причины* этого процесса разнообразны: завершение послевоенной компенсации, снижение уровня брачной активности населения, высокая степень урбанизированности самой западной области РСФСР, отток сельской молодёжи в города, изменения в репродуктивном поведении. Тенденция к снижению рождаемости – объективный процесс, обусловленный широким вовлечением обоих родителей в общественное производство. Этому также способствовали распространённая ориентация сельской молодёжи на отъезд из деревни и развитие системы социальных гарантий во второй половине 50-х гг.

На основании изучения источников можно сделать ещё несколько предположений о причинах быстрого сокращения рождаемости в 1950-е гг.: *неудовлетворительное состояние здоровья* молодых женщин, чьё детство и юность пришлось на годы войны и голода 1946-47 гг., как следствие – значительное количество мёртворожденных и преждевременных родов; *отсутствие* необходимого количества детских учре-

ждений в области³¹¹. В результате всё большее распространение получает сознательное регулирование рождаемости. Уровень образования и квалификация труда матери оказывали влияние на сокращение числа детей: чем выше уровень образования, тем меньше количество детей в семье. Если в начале 1950-х гг. рождение 7-8-го ребёнка в сельской семье не было редкостью (в 1950 г. – более 300 таких случаев), то к 1959 г., количество рождений сократилось в 3 раза (в 1959 г. – 110 случаев)³¹².

Рождаемость в области снижалась быстрыми темпами, несмотря на то, что с середины 1950-х гг. в возраст максимальной плодовитости вступали женщины, появившиеся на свет с 1935 по 1939 гг. – в предвоенный период очень высокой рождаемости. Участие этой возрастной когорты российских женщин в процессе воспроизводства способствовало сохранению достаточно стабильных показателей рождаемости в РСФСР (1956 г. – 25,4, 1959 г. – 25,0‰), чего нельзя сказать о Калининградской области: здесь сокращение относительных показателей было более заметным: 30,2 и 24,4‰ соответственно. В чём же причина того, что показатели рождаемости в области за четыре года (1956-59 гг.) сократились в 14,5 раз сильнее, чем по республике в целом?

Возможно, определённое значение имела легализация аборт в 1955 г. и развитие регулирование рождаемости. Важную роль сыграли особенности возрастной структуры областного населения: согласно данным Всесоюзной переписи 1959 г., на начало этого года женщины в возрасте 20-24 лет (1935-1939 гг. рождения) составляли 11% от общей численности женского населения, в то время, как более старшая возрастная группа (25-29 лет, 1930-1934 гг. рождения) – 11,3, а ещё более старшая (30-34 года, 1925-1929 гг. рождения) – 12%³¹³. В структуре населения РСФСР на момент проведения переписи эти возрастные группы соответственно составляли 9,8; 9 и 9,4% - т.е. сохранялся потенциал для сохранения стабильного воспроизводства. Следует помнить о том, что речь идёт об относительных показателях (ОКР) – в абсолютных числах падение рождаемости выглядит не столь радикальным. Начиная с середины

³¹¹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 150. Л. 62, 92, 97-98; Ф. 462. Оп. 2. Д. 26. Л. 8-11.

³¹² ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 24, 35; Оп. 15. Д. 353. Л. 48, 50.

³¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 62-63. Таблица, составленная по материалам переписи (см. Приложение 5, табл. 1), демонстрирует «неглубокую» возрастную «яму», которая должна была проявить себя в строго определённое время. Это и произошло в действительности, во второй половине 1950-х гг.

50-х гг. основная часть первых и вторых – наиболее массовых – рождений приходилась на женщин 18-25 лет, чья численность несколько уступала предыдущей возрастной категории. В совокупности с изменениями в репродуктивном поведении молодого поколения, обозначившимися в этот период, эта особенность областного населения привела к заметному снижению рождаемости.

Таким образом, интенсивное пополнение областного социума молодыми, экономически и демографически активными людьми во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. и заложило предпосылки для «обвала» рождаемости в середине – второй половине 50-х гг. Большая часть переселенцев обзаводилась семьёй, детьми либо в военные, либо в послевоенные годы, но эти поколения выступили на демографическую сцену уже в 1960-е – первой половине 1970-х гг.³¹⁴ Вплоть до 1959 г. ОКР в Калининградской области был несколько выше общероссийского (всё-таки 20-29-летние составляли 22,3% населения региона, против 18,8% в РСФСР), однако за счёт особенностей возрастной структуры сближение показателей рождаемости стало исторической и демографической реальностью.

Среди новорождённых 1946-1959 гг. численно преобладали мальчики (в 1949 г. их родилось больше, чем девочек на 1,9%; в 1955 г. – на 1,2%; в 1959 г. – на 0,2%), причём степень преобладания неуклонно снижалась, что соответствовало общероссийской тенденции³¹⁵. Некоторую долю рождений составляли двойни: в 1946 г. – 1%, в 1949 г. – 1,4%; в 1953 г. – 1,2%; в 1956 г. – 0,8%, в 1959 г. – 0,9%³¹⁶.

Анализ соответствующих статистических разделов отчётов Облстатуправления позволил прояснить и ряд других нюансов воспроизводства населения области – в частности, вопрос о возрасте матери при рождении первого и последующих детей. В 1950 г. около 41% всех рождений было зафиксировано у женщин в возрасте 20-24 лет, в том числе 52% рождений первого ребёнка (в 1959 г. – 35 и 56,5%); возрастной категории «25-29 лет» приписывалось 37,6% рождений, в том числе 34,2% - первого ре-

³¹⁴ За счёт очень высокой рождаемости в первое послевоенное десятилетие и миграционного характера формирования областного населения в 1960-1970-е гг., область очень выгодно отличалась от большинства других российских регионов (и от РСФСР в целом) по показателям рождаемости – здесь они были существенно выше.

³¹⁵ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 2, 2 об.; Оп. 12. Д. 468. Л. 5 об.; Оп. 15. д. 353. Л. 4 об.

³¹⁶ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 2; Оп. 12. Д. 281. Л. 2; Оп. 15. Д. 59. Л. 1, Д. 353. Л. 3.

бёнка (в 1959 г. – 28,8 и 23%). Две категории женского населения, возрастные границы которых (20-29 лет) практически идентичны рубежам возраста максимальной плодovitости (20-30 лет) в сумме давали 78,6% всех рождений в 1950 г. и 63,8% - в 1959 г. Следующими по репродуктивному значению были возрастные категории: «30-34 года» (12,2% всех рождений; 6% - первого ребёнка; в 1959 г. – 22,3 и 9%); «35-39 лет» (6,0 и 1,8%; в 1959 г. – 7,3 и 2,0%); и «16-19 лет» (3,1 и 5,6%; в 1959 г. – 4,5 и 8,9%). Вклад остальных категорий в областную рождаемость был невелик³¹⁷.

Таким образом, за десятилетие структура рождаемости в зависимости от возраста матери заметно изменилась – в частности, существенно возросла доля старших возрастных категорий (особенно 30-34-х летних) в общей массе рождений. Одновременно рождаемость несколько «помолодела» - возросла доля первых детей, рождающихся у женщин в возрасте 16-24 лет, с одновременным уменьшением её у 25-29-летних. Эти процессы вполне соответствовали общероссийским тенденциям развития структуры рождаемости.

Имеющиеся в распоряжении автора статистические материалы позволяют также рассчитать *специальный коэффициент рождаемости* для сельского населения: в отличие от общего коэффициента (ОКР), специальный (СКР) представляет собой соотношение числа родившихся детей и женщин в репродуктивном возрасте (16-49 лет) на определённый момент (см. табл. 15)³¹⁸.

Таблица 15. *Специальные коэффициенты рождаемости жительниц сельских поселений Калининградской области (1949, 1951, 1958 гг.)*³¹⁹

Год	Число детей, родившихся живыми за год, тыс. человек	Число женщин в возрасте от 16 до 49 лет (на начало года), тыс. человек	Специальный коэффициент рождаемости (%)
1949	8 980	52 171	172,0
1951	8 415	56 951	154,1
1958	6 118	57 830	105,0
1960	5 687	56 687	100,3

³¹⁷ Рассчитано автором по материалам отчётов Облстатуправления за 1950 и 1959 гг. ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 5, 7; Оп. 15. Д. 353. Л. 48.

³¹⁸ К сожалению, по городскому населению области необходимые половозрастные данные представлены только с 1959 г.

³¹⁹ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 2. Л. 3; Оп. 7. Д. 4. Л. 20; Оп. 15. Д. 242. Л. 2.

В 1949 г. на каждую тысячу женщин в репродуктивном возрасте родилось 172 ребёнка, в 1958 – 105 детей (табл. 11). Расчёты демонстрируют значительное снижение СКР – почти на 70% за десятилетие. В 1949 г. СКР сельского населения области существенно превосходил средние российские показатели (107,6), однако к концу 1950-х гг. вплотную приблизился к ним (1958 г. - 101,5)³²⁰.

Используя рассчитанный специальный коэффициент рождаемости у сельских женщин репродуктивного возраста, можно определить средний уровень их фактической плодовитости (среднее число детей, приходящееся на каждую женщину в возрасте 16-49 лет в 1949-1960 гг.). Для этого выясним соотношение численности родившихся живыми за весь период детей и среднегодового числа женщин фертильного возраста. В 1949-1960 гг. в сельских населённых пунктах Калининградской области родилось 87 796 детей, среднегодовая численность женщин в возрасте 16-49 лет за тот же период составила 55 909 человек. Таким образом, в среднем на каждые 100 женщин репродуктивного возраста приходилось по 157 новорожденных. Разумеется, полученный результат является приблизительным, так как далеко не все женщины фертильного возраста реально состояли в браке, рожали детей, а значительная часть женского населения калининградской деревни имела детей, родившихся ранее 1949 г. (следует помнить о том, что 1946-1948 гг. ознаменовались стабильным ростом рождаемости). О.М. Вербицкая при решении аналогичной исследовательской задачи (определение фактической детности женщин) использовала увеличивающий коэффициент, в 2 раза повышающий полученный при расчётах результат³²¹. В нашем случае, при использовании такого коэффициента (что представляется вполне оправданным), получаем результат, равный 314 – т.е. около 3-х детей на каждую женщину в пределах обозначенного возраста, на 50% выше, чем в среднем по РСФСР. Детность сельских женщин области была вполне достаточной для расширенного воспроизводства сельского населения и сохранения его относительно стабильной численности (даже с учётом постоянной миграции в города)³²².

³²⁰ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 304.

³²¹ Там же. С. 305. В среднем для сельского населения России за период 1946-1959 гг. фактическая детность женщин в репродуктивном возрасте составила 240 (т.е. около 2-х детей на каждую).

³²² Для обеспечения простого воспроизводства населения приемлемым является показатель в 220-230 родившихся детей на каждые 100 женщин.

Многодетными мамами в начале 1950-х гг. гораздо чаще становились жительницы села, чем горожанки: на рождение четвёртого ребёнка сельские семьи решались в полтора раза чаще, чем городские, пятого – в 2,3 раза чаще, девятого – в 5 раз. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. В многодетных городских семьях мать, чаще всего, не работала, учитывалась статистическими органами как домохозяйка, в сельских – трудилась в колхозе. К концу десятилетия количество рождений третьих и последующих детей заметно сократилось (третьих – на 38%, четвёртых – на 48%, пятых – на 68%, шестых – на 66% и т.д.), быстрее по городским поселениям³²³. Сокращение многодетной рождаемости современные историки и демографы связывают с изменениями в прокреационном (прокреативном) поведении: постепенном отходе от общественного и традиционно-культурного регулирования рождаемости к внутрисемейному планированию деторождения³²⁴.

Существенную часть родившихся детей, как в городе, так и в деревне давала т.н. внебрачная рождаемость³²⁵. В 1947-1959 гг. в области ежегодно вне брака рождалось от 2,2 до 5,7 тыс. детей. Процентная доля детей, родившихся вне брака по области в целом, в городских и сельских поселениях составила соответственно: в 1947 г. – 23,7 (22,1 и 25,4), в 1948 г. – 23,5 (21,1 и 26,9), в 1949 г. – 27,2 (25,9 и 28,8), в 1950 г. – 23,2 (23,6 и 22,8), в 1952 г. – 21,9 (20,2 и 23,6), в 1955 г. – 12,1 (12,7 и 11,1), в 1958 г. – 14 (12,5 и 18,1), в 1959 г. – 15,2 (12,8 и 17,6)³²⁶. Средние показатели за весь период составили 19,8% по области в целом, 18,8% для городского и 21,7% для сельского населения. Таким образом, на протяжении второй половины 1940-х гг. внебрачная рождаемость «покрывала» около четверти всех рождений (как и в современной России). Применительно к сельскому населению эти показатели, как правило, были несколько выше (в пределах 3-5,5%).

Интересно сопоставить показатели внебрачной рождаемости по Калининградской области и некоторым другим регионам РСФСР. В 1950 г. по городам Брянской

³²³ Рассчитано автором по материалам годовых отчётов Облстатуправления за 1951, 1952, 1956, 1959 гг. ГАКО. Ф. 181. Оп. 7. Д. 3. Л. 7, 43, 62; Оп. 9. Д. 3. Л. 7, 44, 57; Оп. 15. Д. 59. Л. 16 об., 17 об.; Д. 353. Л. 48-50.

³²⁴ См., например: Население России в XX в. Т. 2. С. 240.

³²⁵ В учётных статистических формах дети, рождённые вне брака обозначались как «родившиеся, в отношении которых в акте о рождении отсутствует запись об отце».

³²⁶ ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 7, 17; Оп. 5. Д. 1. Л. 7, 36, 59; Оп. 5. Д. 8. Л. 6; Оп. 9. Д. 3. Л. 8, 45, 58; Оп. 12. Д. 468. Л. 8, 25, 17; Оп. 15. Д. 241. Л. 14-16. Расчёты выполнены автором.

области вне брака родилось 15% детей (к общему числу новорождённых), по сельской местности – 13,8%; во Владимирской области – соответственно 11 и 10%, схожие показатели приводятся в современных исследованиях по Смоленской, Курской, Калужской областям. За период 1945-1958 гг. в целом по СССР родилось 10,6 млн., «в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце» или 16,3% к общему числу детей, родившихся в течение данного периода³²⁷.

Приведённые данные свидетельствуют, что процентные показатели внебрачной рождаемости в Калининградской области были существенно выше как «общероссийских», так и характерных для областей Центральной России. В качестве «традиционного» фактора можно указать на половозрастные диспропорции. Несмотря на относительно благоприятное соотношение полов в структуре населения калининградских городов и сёл, в наиболее активных возрастных группах (18-49 лет) значительным было преобладание женщин. По данным на 1949 г. женщин в возрасте 20-49 лет в составе сельского населения было больше, чем мужчин соответствующей возрастной категории на 9,2%, в возрасте максимальной плодовитости (20-30 лет) – почти на 7%. К концу 1950-х гг. разрыв сократился – соответственно до 3,9 и 0,4%. Вполне естественно, что при существенном сужении брачного выбора, особенно в первое послевоенное десятилетие, многие женщины решались родить ребёнка без мужа, вне зарегистрированного брака, тем более, что государственная помощь одиноким матерям, начиная с 1944 г., была существенно расширена.

Однако диспропорции в соотношении полов едва ли могут объяснить феномен *повышенной* внебрачной рождаемости в Калининградской области. В качестве гипотетических могут быть названы такие факторы, как: высокая степень подвижности («текучести») населения, присутствие на территории региона многочисленного военного контингента, повышенная доля молодёжи в составе как городского, так и сельского населения (в сравнении с общероссийскими и региональными показателями).

Заметной тенденцией в демографической истории калининградского села в 1950-е гг. становится увеличение количества искусственных аборт, т.е. распространение регулирования рождаемости – проявление одной из ключевых качественных

³²⁷ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 184, 185. Удельный вес внебрачных рождений по данным ЦСУ СССР был равен в 1947 г. – 16,8%; 1948 г. – 15,9%; в 1959 – 15,0%.

характеристик демографической модернизации российского общества. Общая статистика абортот по Калининградской области представлена в таблице 16.

Таблица 16. *Данные о зарегистрированных абортах по Калининградской области за 1947 – 1960 гг.*³²⁸

Год	Всего зарегистрировано абортот по области	Местность	Число абортот	
			Всего	В т.ч. внебольничных
1947	589	Городская	-	296
		Сельская	-	
1949	2 900	Городская	-	2 618
		Сельская	-	
1953	12 583	Городская	11 774	11 037
		Сельская	809	
1955	18 522	Городская	16 520	15 403
		Сельская	2002	
1956	30 800	Городская	29 131	8 533
		Сельская	1 669	
1957	35 684	Городская	34 095	6 147
		Сельская	1 589	
1958	39 476	Городская	37 739	5 868
		Сельская	1 737	
1959	41 712	Городская	40 119	5 036
		Сельская	1 593	
1960	42 463	Городская	40 741	5 194
		Сельская	1 722	

Статистика за 1947-1949 г., безусловно, неполная, о чём прямо сообщали авторы докладов и отчётов о состоянии родовспоможения в области. Внебольничные (незаконные, «криминальные») абортот, как правило, попадали под учёт только в том случае, если женщина в результате осложнений помещалась в больницу или на приём к участковому врачу, так что общее количество внебольничных абортот за 1947-1954 гг., вероятно, в несколько раз выше.

Резкий рост показателей в 1953-1955 гг. был связан как с развитием медицинской статистики, учёта искусственных абортот (в т.ч. внебольничных – криминальных), так и с легализацией абортот в 1955 году. Количество *выявленных* абортот гораздо быстрее росло в городских поселениях (с 1953 по 1959 гг. – почти в 4 раза), и медленнее в сельской местности (в 2 раза за тот же период). Горожанки нередко проявляли стремление ограничить деторождение уже после первого ребёнка, жительницы се-

³²⁸ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 24; Д. 14, Л. 15; Д. 119, Л. 54-60; Д. 165а, Л. 14; Д. 197, Л. 21.

ла – после второго, а срок между рождением второго и третьего ребёнка у горожанок был заметно продолжительнее³²⁹. В масштабах РСФСР численное преобладание сельского населения, менее склонного к регулированию рождаемости, обеспечивало серьёзную основу сохранения репродуктивных показателей. Однако в наиболее урбанизированных регионах, к которым относилась и Калининградская область, картину в целом определяло репродуктивное поведение городского населения.

Очень показательны, на наш взгляд, сопоставление абсолютных статистических данных о рождаемости и численности абортёв за аналогичный период времени: в 1955-1959 гг. в области родилось 83 624 ребёнка, медицинская статистика зафиксировала 166 194 абортёв (в 2 раза больше), в том числе 41 837 внебольничных. Иначе говоря, абортёв стали фактором серьёзного понижения рождаемости в Калининградской области (как и в целом по стране).

Представленные в таблице данные отражают ещё одну интересную тенденцию, а именно - сокращение процентной доли *зафиксированных внебольничных* абортёв: 50% в 1947 г., 90,2% в 1949 г., 87% в 1953 г., 28,7% в 1956 г., 12% в 1959 г. Явный перелом здесь наметился после отмены уголовного преследования за «криминальный» аборт.

Во второй половине 1940-х гг. борьба с абортёв в области протекала в традиционных для СССР того времени формах. Приказом по Калининградскому областному отделу здравоохранения от 28 февраля 1948 г. предписывалось создать Областную специальную комиссию по борьбе с абортёв под председательством Ф.И. Сергеевой. К работе комиссии предполагалось привлечь представителей прокуратуры, юстиции, местных Советов, комсомольской организации, профсоюзов. Одновременно утверждался состав районных комиссий (акушер-гинеколог, терапевт, представители партийной и комсомольской организаций)³³⁰. Задачи комиссий состояли в «разъяснении негативных последствий абортёв для здоровья женщины», а также в расследовании

³²⁹ ГАКО. Ф. 181. Оп. 7. Д. 3. Л. 7, 43, 62; Оп. 9. Д. 3. Л. 7, 44, 57; Оп. 15. Д. 59. Л. 16 об., 17 об.; Д. 353. Л. 48-50. Ср. Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 185, 186.

³³⁰ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 5. Л. 17, 34, 43.

конкретных случаев проведения внебольничных абортс с последующей передачей следственных материалов в прокуратуру («при необходимости»)³³¹.

Тема искусственного прерывания беременности регулярно становилась объектом внимания калининградских медработников и, особенно, «чиновников от медицины» на областных съездах врачей³³². Вместе с тем, следует отметить, что документы областного архива фиксируют различное отношение властей к этой проблеме: до официального снятия запрета на абортс – директивные распоряжения («создать комиссию», «передать дела в прокуратуру и судебные органы», «активизировать пропагандистскую работу»), начиная с середины 1950-х гг. – попытки разобраться в причинах постоянного роста показателей. В своих выступлениях руководители областной системы здравоохранения приводили статистику абортс, называли их причины (известные, конечно, исключительно со слов пациенток). На III областном съезде врачей (1951 г.) заведующий Калининградским областным отделом здравоохранения Л.Г. Никольский обратил внимание присутствующих, что из общего количества абортс, лишь 5% произведены по медицинским показаниям³³³. На V съезде врачей (1953 г.) Л.Г. Никольский вновь затронул проблему абортс, сформулировав её предельно конкретно: «Абортс по отношению к родам из года в год растут в процентах»³³⁴.

Мотивация прерывания беременности у жительниц села, согласно отчёту о состоянии акушерско-гинекологической помощи за 1957 г., выглядела следующим образом: 12% - аборт произведён согласно медицинским основаниям; 23% - желают скрыть беременность от окружающих (в основном – незамужние женщины), 18% - стеснены бытовыми условиями (малая жилплощадь, наличие родственников-инвалидов и т.д.), 7% - считают свои доходы недостаточными, при этом 40% опрошенных предпочли скрыть причину абортс³³⁵. По городскому населению материалов подобных исследований пока обнаружить не удалось.

В целях борьбы с абортс в женских консультациях и при сельских амбулаториях организовывались лекции, посвящённые вредным последствиям абортс, время

³³¹ Там же. Л. 43-44

³³² Первый съезд прошёл в апреле 1948 г., второй – в июне 1949 г.

³³³ Там же. Д. 32. Л. 54.

³³⁴ Там же. Л. 49.

³³⁵ Там же. Д. 165а. Л. 14. В 1953-1954 гг. Министерство здравоохранения СССР проводило анкетные опросы, анализ которых позволяет сделать вывод, что почти 60% женщин шли на аборт из-за тяжёлых материальных условий жизни. См. Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 186.

от времени проводились «выставки о противозачаточных средствах», которых, однако, «катастрофически не хватало» в аптеках области и в конце 1950-х годов³³⁶. Аборты оставались, таким образом, единственной действенной и доступной мерой контроля и планирования рождаемости.

Анализ процессов рождаемости на протяжении второй половины 1940-х – 1950-х гг. позволяет сделать вывод о том, что динамика и показатели рождаемости, присущие населению Калининградской области, отличались заметным своеобразием: очень интенсивные и длительные (в сельской местности) проявления послевоенной демографической компенсации, сверхвысокие и высокие ОКР, заложившие основы для повышенной рождаемости в последующий период. Вместе с тем, стоит ещё раз отметить наличие ряда типичных для российского населения тенденций: постепенное снижение показателей рождаемости (в области темпы этого снижения были выше общероссийских), высокая доля внебрачных рождений, изменения в репродуктивном поведении населения, выразившиеся в развитии регулирования деторождения (распространение абортов), эволюция репродуктивной активности различных возрастных категорий женщин. К концу 1950-х годов статистические показатели и структура рождаемости в самой западной области РСФСР уже вполне соответствовали средним по республике.

3.2 Смертность: динамика, структура, причины

Серьёзную трансформацию в рассматриваемый период претерпела и вторая составляющая естественного движения населения – *смертность*. Учёт смертей городского и, особенно, сельского населения в 1946-1948 гг., скорее всего, был неполным: если рождение ребёнка было связано с возможностью получить небольшие, но, всё же, значимые социальные льготы и пособия (для многодетных и одиноких матерей), то смерть близкого человека оставалась личным горем, семейной трагедией, но её регистрация не имела практического значения. Смертность немецкого населения фиксировалась эпизодически, за отдельные месяцы, при этом подсчёты общего числа

³³⁶ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 165а. Л. 15.

умерших были явно приблизительными и не охватывали всю территорию области (как правило, учитывались только умершие в стационарах)³³⁷.

Тем не менее, уровень смертности немецкого населения на протяжении первого послевоенного года может быть однозначно определён как очень высокий. За октябрь 1945 г. в Кёнигсберге было зарегистрировано 1 933 случая смерти гражданских лиц *вне лечебных учреждений* (около 30 человек в день)³³⁸. В больницах за тот же период умерло 768 человек³³⁹. Таким образом, только за октябрь население Кёнигсберга потеряло 4% своей численности³⁴⁰. Едва ли правомерно использовать эти данные для подсчёта показателя смертности за первый послевоенный год, поскольку численность умерших постоянно колебалась. Наиболее тяжёлыми для немцев стали осень 1946 г. и зимние месяцы 1946-1947 гг.³⁴¹ Систематическое «недоедание» (фактически – голодание) становилось важным фактором роста не только смертности, но и преступности, принимавшей порой самые жуткие формы.

Ещё больше сомнений возникает по вопросу о степени полноты учёта младенческой и детской смертности: на протяжении 1946 – первой половины 1948 гг. в области отсутствовала развитая сеть родильных домов, отделений, детских поликлиник, в районах и сельской местности практически не было педиатров, не вёлся патронаж но-

³³⁷ См., например: ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 17.

³³⁸ ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

³³⁹ Там же. Л. 62.

³⁴⁰ По состоянию на 12.11.1945 г. местного немецкого населения в городе Кёнигсберге проживало всего – 60 642 человека, в том числе, мужчин – 18 515 человек, женщин – 42 127, трудоспособных – 29 681 чел, детей – 12 276 человек, престарелых и инвалидов – 18 641 чел. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

³⁴¹ По данным справки, направленной в интендантское управление Особого военного округа (ОВО) в октябре 1945 г., норма выдачи продуктов питания «чернорабочим» (15 900 человек) составляла 400 гр. хлеба в сутки, нетрудоспособные (инвалиды, дети) могли рассчитывать на 200 гр. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 36. Согласно расчётам потребности в продовольствии для питания «местного населения» Кёнигсберга в 1945-1946 гг., по норме №3 питание получали около 20 тыс. человек (суточная норма №3 включала: 450 г. хлебного зерна или муки, 600 г. картофеля, 320 г. овощей, 130 г. крупы, 75 г. мяса, 120 г. рыбы, 25 г. сахара). ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 11. Более 35 тыс. человек получали сокращённую норму питания (270 г. хлебного зерна, 700 г. картофеля, 100 г. овощей), нетрудоспособным полагалось в сутки 135 г. хлеба, 400 г. картофеля, 100 г. овощей. Нормы питания не всегда выполнялись. Так, в июле 1945 г. ввиду отсутствия в Кёнигсберге картофеля продовольственная ситуация стала «весьма напряжённой». Однако в целом военные власти сумели в условиях крайне скудных продовольственных запасов обеспечить продовольствием немецкое население. В июле 1945 г. только военная комендатура Кёнигсберга обеспечивала питанием свыше 65 тыс. человек (ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 20-21). В первой половине 1946 г. ситуация с продовольственным снабжением не претерпела серьёзных изменений: продуктовые карточки работающих немцев отоваривались лишь на 50% или ниже. Неработающее немецкое население снабжалось продовольствием нерегулярно, «в пределах 200 граммов хлеба в день». ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 185, 186; ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 28.

ворожденных и младенцев. Необходимо иметь в виду, что смертность детей в возрасте до 4-х лет в конце 1930-х гг. составляла около 46% общей смертности по РСФСР, в 1949 г. - не менее 48% общей смертности в Калининградской области. Иначе говоря, недоучёт смертей этой категории жителей области способен серьёзно исказить общую картину смертности населения. Статистические данные о смертности приведены в таблице 17.

Таблица 17. Показатели смертности населения Калининградской области (1946-1959 гг., абсолютные данные, чел.)³⁴².

Территория /годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Калининградская область в целом	1 025	7 191	4 066	4 127	4 438	4 611	4 180
Городские поселения	833	4 496	2 571	2 446	2 836	2 878	2 565
Сельские поселения	192	2 695	1 495	1 681	1 602	1 733	1 615
Территория/годы	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Калининградская область в целом	3 731	3 621	3 523	3 047	2 973	2 870	3 100
Городские поселения	2 352	2 192	2 080	1 799	1 866	1 696	1 906
Сельские поселения	1 379	1 429	1 443	1 248	1 107	1 174	1 194

Данные за 1946 г. нельзя признать репрезентативными по причинам, которые уже назывались выше. Соотношение зафиксированных случаев смерти по городским и сельским населённым пунктам косвенно подтверждает тезис о значительном недоучёте этих демографических событий в жизни сельского населения (4,1:1; в то время как в последующие годы – около 1,6:1). Абсолютный показатель 1947 г. (почти в 2 раза превысивший статистику смертности следующего, 1948 г.) наглядно демонстрирует воздействие голода 1946-1947 гг. на естественное движение населения. В динамике абсолютных показателей *смертности* 1948-1959 гг. отчётливо выделяются два

³⁴² Составлено по сведениям ежегодных отчётов о естественном движении Статистического управления Калининградской области. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об., Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д.281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д.59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные за 1946 г. приведены только за 7 месяцев (с июня по декабрь).

этапа: на первом (1948-1951 гг.) количество умерших постоянно увеличивалось за счёт интенсивного заселения области при сохранении достаточно высокого уровня смертности, с 1952 г. начинается второй этап, связанный с неуклонным сокращением абсолютных показателей (к 1958 г. – на 40%). В 1959 г. число умерших возросло, однако в дальнейшем вновь возобладала нисходящая тенденция.

Расчитанный для области, городского и сельского населения, общий коэффициент смертности (ОКС) отражает постоянное снижение её уровня после 1947 г. (табл. 18).

Таблица 18. *Уровень смертности населения Калининградской области и РСФСР в 1946-1959 гг.*³⁴³

Территория	Общий коэффициент смертности населения (‰)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	9,3	20,1	10,1	9,5	9,0	6,6	5,1	4,9
РСФСР в целом	10,9	17,0	13,2	11,7	10,1	8,3	7,4	6,8
Калининградская область, городское население	-	20,9	10,5	9,5	9,5	6,4	4,7	4,7
РСФСР, городское население	12,6	17,9	13,3	11,8	10,4	8,8	7,3	5,6
Калининградская область, сельское население	-	18,8	9,4	9,4	8,2	6,9	5,7	5,4
РСФСР, сельское население	10,6	14,9	12,7	11,0	10,9	11,1	9,1	8,9

За 1948-1959 гг. смертность сократилась, как и в среднем по РСФСР, почти в 2 раза (с 10,1 до 4,9 ‰). В городских поселениях этот процесс происходил несколько быстрее (с 10,5 до 4,7 ‰), чем в сельских (с 9,4 до 5,4 ‰), что не соответствовало общероссийской тенденции: в РСФСР численность умерших снижалась быстрее в деревне, уровень смертности сельского населения был ниже городского³⁴⁴.

³⁴³ Коэффициенты по области рассчитаны автором по данным Областного статистического управления. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об., Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д.281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д.59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Поскольку данные по смертности за 1946 г. приводятся в документах только за 7 месяцев, была определена примерная сумма смертей за весь год, которая и использовалась в дальнейших расчётах. Коэффициенты по России см. Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 270-285; Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 173, 174, 180, 181.

³⁴⁴ Население России в XX веке. Т. 2. С. 266.

Тяжёлые последствия неурожая и разразившийся в конце 1946 – 1947 гг. голод, совпавшие по времени с началом массового заселения области и формированием системы здравоохранения привели к резкому, более чем двукратному, росту смертности в 1947 г.³⁴⁵. В самой западной области РСФСР голод 1947 г. привёл к более заметному увеличению ОКС, чем в среднем по России (до 20,1 и 17,0‰ соответственно). Отчёты районных отделов здравоохранения за 1947 г. позволяют конкретизировать картину бедствия: констатируется факт наличия в районах «большого количества немцев-дистрофиков», «детей-рахитиков», высокий уровень желудочно-кишечных расстройств и отравлений³⁴⁶. Вместе с тем, высокая рождаемость, характерная для второй половины 1940-х гг. «перекрывала» даже последствия голода: в 1947 г. в области было зафиксировано почти в два раза больше рождений, чем смертей, что позволило сохранить довольно высокий показатель естественного прироста – на каждые 100 умерших в области приходилось 194 родившихся (184 в городах и 211 в сельской местности)³⁴⁷.

Наиболее внушительные успехи в борьбе за снижение смертности были достигнуты в области в первой половине – середине 1950-х гг. Важнейшими факторами её сокращения стали достижения областной медицины (в т.ч. интенсивная профилактическая и санитарно-эпидемиологическая работа, расширение сети медицинских учреждений, совершенствование материальной базы городского и сельского здравоохранения, профессиональный рост врачей и среднего медицинского персонала); решение (в значительной степени) продовольственного вопроса; улучшение материально-бытовых условий жизни людей (прежде всего, в городах). Определённую роль в этом процессе, безусловно, сыграли и другие факторы. Во-первых - постепенное сокращение рождаемости за счёт перемен в репродуктивном поведении и распространения её регулирования, переход к малосемейности – в результате снижалась нагрузка как на перинатальные и детские лечебные учреждения, так и на семьи, а «ценность детей» объективно повышалась. Во-вторых – снижение миграционной активности, а

³⁴⁵ Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. С. 200-207.

³⁴⁶ ГАКО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 3. Л. 5-9; Ф. 296. Оп. 2. Д. 1. Л. 98-102.

³⁴⁷ Этого нельзя сказать о большинстве областей центральной России, Поволжья и Северо-Запада, где показатели естественного прироста были серьёзно деформированы. Соответствующие показатели для городского населения РСФСР составили в 1947 г. 174, для сельского – 179 родившихся на 100 умерших. В Вологодской, Псковской, Ярославской и некоторых других областях естественный прирост характеризовался отрицательными величинами. Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 191.

точнее той её составляющей, которая обеспечивала постоянный и массовый приток населения в область на протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.

Структура смертности в рассматриваемый период также претерпела определённую эволюцию. В ежегодной статистической совокупности умерших мужчины, как и почти везде в РСФСР, составляли устойчивое большинство (58,6% - в 1946 г., 57,4% - в 1950 г., 59,1 – в 1953 г., 58,4 – в 1956 г., 55,8% в 1959 г.), причём применительно к городскому населению оно было выражено более отчётливо, в среднем, на 3% (от 56 до 60%; в сельской местности 53-57%)³⁴⁸. Преобладание мужской смертности над женской косвенно свидетельствовало о снижении материнской (перинатальной) смертности.

Возрастная структура смертности может быть реконструирована с высокой степенью достоверности только применительно к 1949-1959 гг., когда статистические органы включали сведения о возрасте умершего в итоговые годовые отчёты (см. табл. 19).

Таблица 19. *Возрастная структура смертности населения Калининградской области в 1949, 1955 и 1959 гг. (абсолютные показатели, чел.)*³⁴⁹

Год/местность		Возрастная категория (полных лет на момент смерти)								
		0-4	5-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
1949	Городская	1 298	42	132	351	156	164	110	113	74
	Сельская	768	54	138	150	125	136	139	98	72
	Область в целом	2 066	96	270	501	281	300	249	211	146
1955	Городская	585	60	92	404	154	172	238	183	170
	Сельская	546	44	56	91	78	138	187	145	158
	Область в целом	1 131	104	148	495	232	310	425	353	328
1959	Городская	361	47	61	221	213	202	225	265	311

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Оп. 3. Д. 3. Л. 65; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об., Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д.281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3.

³⁴⁹ Составлено по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 12, 52, 64; Оп. 12. Д. 468. Л. 8; Оп. 15. Д. 353. Л.15.

	Сельская	285	35	40	78	81	88	174	168	242
	Область в целом	646	82	101	299	294	290	399	433	553

Анализ абсолютных показателей смертности по возрастным группам областного населения позволяет выявить следующие закономерности. Во-первых, постоянно происходило снижение показателей в самых младших возрастах (от 0 до 4 лет), смертность динамично снижалась и в категориях 10-19 и 20-29 лет. Во-вторых, по ряду возрастных групп (5-9, 30-39, 40-49 лет) наблюдались незначительные колебания, а в старших возрастах (50-59, 60-69 и старше) число умерших значительно выросло. Более информативными являются относительные показатели (табл. 19).

Таблица 20. *Возрастная структура смертности населения Калининградской области в 1949, 1955 и 1959 гг. (в % к общей численности умерших в данном году)³⁵⁰*

Год/местность		Возрастная категория (полных лет на момент смерти)								
		0-4	5-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
1949	Городская	53,1	1,7	5,4	14,3	6,3	6,7	4,5	4,2	3,2
	Сельская	45,7	3,2	8,2	8,9	7,5	8,1	8,3	5,8	4,3
	Область в целом	50,1	2,3	6,6	12,1	6,1	7,3	6,1	5,1	3,5
1955	Городская	28,1	2,9	4,5	19,5	7,5	8,3	11,4	8,7	8,1
	Сельская	37,9	3,0	3,8	6,4	5,5	9,6	12,9	10,0	10,9
	Область в целом	32,2	2,9	4,3	14,1	6,6	8,8	12,0	9,3	9,8
1959	Городская	19,0	2,4	3,2	11,6	11,2	10,6	11,8	13,9	16,3
	Сельская	23,9	2,9	3,3	6,5	6,7	7,2	14,4	14,0	21,1
	Область в целом	20,8	2,6	3,2	9,6	9,4	9,4	12,8	13,9	18,3

В повозрастной структуре смертности конца 1940-х – 1950-х гг. отчетливо проявляется тенденция к смещению как относительных, так и абсолютных показателей к

³⁵⁰ Подсчитано автором по данным ежегодных отчетов Облстатуправления. ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. л. 12, 52, 64; Оп. 12. Д. 468. Л. 8; Оп. 15. Д. 353. Л. 15.

старшим возрастам (от 50 лет), а также к сокращению доли младенческой и детской смертности (категории 0-4 и 10-19 лет). Удельный вес в составе умерших детей в возрасте до 4 лет включительно снизился по области сильнее, чем в среднем по РСФСР. С 1949 по 1959 гг. удельные показатели смертности этой возрастной категории сельского населения сократились на 21,8 пунктов (по РСФСР – на 8)³⁵¹.

Доля 5-9-летних в возрастной структуре смертности с 1949 по 1955 г. несколько возросла, а в 1959 г. оставалась выше, чем в 1949 г., что диссонировало с соседними «детскими» группами, чья доля и абсолютные показатели систематически снижались. Объясняется этот феномен соотношением детей этих возрастных категорий в структуре населения области. Как уже отмечалось, начиная с 1949 г. уровень рождаемости сельского и городского населения постоянно понижался, однако 1946-1950 гг. были периодом сверхвысокой рождаемости. В 1955 г. детям, родившимся в годы становления области, как раз и было от 5 до 9 лет, соответственно и количество смертей этой возрастной группы было большим, чем 10-19-летних, чье рождение пришлось на довоенные и, главным образом, военные годы. То же объяснение может быть предложено и для 1959 г., когда группу 5-9-летних составляли дети, родившиеся в 1950-1954 гг.

Сопоставление удельных возрастных показателей смертности городского и сельского населения позволяет сделать ряд выводов о её возрастной специфике. Если в 1949 г. удельный вес возрастной группы до 4 лет включительно в структуре смертности городского населения значительно превышал соответствующий показатель для сельского населения, то к середине 1950-х гг. ситуация была уже диаметрально противоположной, что свидетельствует об успехах городского здравоохранения и нормализации быта, к концу десятилетия удельные показатели заметно сблизилась. Смертность 20-29-летних городских жителей в 1949-1959 гг. была выше аналогичной возрастной группы сельского населения (в 1949 г. – на 60%, в 1955 г. – почти на 200%, в 1959 г. – на 78%). Статистические материалы не дают оснований для однозначного ответа на вопрос о причинах этой диспропорции. Тем не менее, рискнём высказать одно предположение. Поскольку речь идёт о молодом взрослом населении едва ли правомерно искать эндогенную или эпидемическую причину повышенной смертно-

³⁵¹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 193.

сти. Однако в качестве её фактора может быть обозначен производственный и бытовой травматизм (в 1949 г. статистика зафиксировала 293 случая смерти вследствие получения травмы, в 1955 г. – 351, в 1959 г. – 275; в сельских поселениях – 104, 165 и 138 соответственно), а также преступность («насильственная смерть»)³⁵².

Ещё одной особенностью возрастной структуры смертности населения Калининградской области являлись более высокие удельные показатели по всем младшим и средним группам. Эта специфика наиболее ярко проявлялась в первое десятилетие истории области. Так, в 1949 г. удельный вес детей в возрасте до 4 лет включительно составлял по сельской местности области 45,7% от общего числа умерших (в среднем по РСФСР – 31,7), в возрасте 5-9 лет – 3,2 (1,6), 10-19 лет – 8,2 (4,1), 20-29 лет – 8,9 (5,4), 30-39 лет – 7,5 (4,4), 40-49 лет – 8,1 (6,7). По старшим возрастным категориям областные показатели, напротив, были существенно ниже: 50-59 лет – 8,3 (8,6), 60 лет и старше – 4,3 (34,6%)³⁵³. Поскольку население области было существенно «моложе», а рождаемость во второй половине 1940-х – начале 1950-х – выше, чем в среднем по РСФСР, возрастная структура смертности и обрела тот облик, который был зафиксирован областной статистикой.

Решение вопроса о *причинах смерти* населения области в рассматриваемый период осложняется издержками источниковой базы. Как справедливо отмечают авторы коллективного труда «Население России в XX веке», в РСФСР даже во второй половине 50-х гг. акты на умерших по причинам смерти разрабатывались далеко не во всех населённых пунктах, а лишь там, где был врач или квалифицированный фельдшер, способные составить компетентное заключение³⁵⁴. Наряду с данными по причинам смерти, подтверждёнными медицинскими работниками, органы Статуправления области фиксировали и сведения подобного рода, поступающие из других источников. На основе полученной информации составлялась сводная ведомость по причинам смерти.

³⁵² Подсчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 53, 54; Оп. 12. Д. 468. Л. 36, 37, 40, 41; Оп. 15. Д. 353. Л. 62-63, 66-67. Высокий производственный травматизм был предметом многочисленных проверок и разбирательств, особенно в 1947-1951 гг. Так, проверка Советского ЦБК (1948 г.) установила, что на предприятии ежедневно происходят аварии и несчастные случаи, нередко связанные с гибелью людей. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 6.

³⁵³ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 188.

³⁵⁴ Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 2. 1940-1959. С. 267-268.

Данные о причинах смерти по второй половине 1940-х гг. крайне фрагментарны. Учитывая, что диагностика целого ряда заболеваний в 1946-1948 гг. в условиях практически полного отсутствия рентгеновских аппаратов, лабораторных реактивов и оборудования, недостаточной квалификации значительной части врачебного сообщества была крайне затруднена, следует признать, что надёжными сведениями о структуре заболеваемости и причин смерти по этому периоду мы не располагаем. Анализ делопроизводственной документации, справок и обзоров санитарно-эпидемиологического состояния области позволяет сделать лишь самые общие выводы.

Судя по имеющимся данным, в структуре причин смерти детей (за исключением младенцев) и взрослого населения первых послевоенных лет доминировали инфекционные заболевания различной этиологии, болезни органов дыхания и их осложнения, а также болезни органов пищеварения: туберкулёз лёгких, брюшной тиф, дизентерия, дифтерия, менингит, пневмония, токсическая диспепсия, значительной была также смертность от сердечных заболеваний, отравлений, огнестрельных ранений и несчастных случаев (травматизм)³⁵⁵. В конъюнктурном обзоре о санитарно-эпидемиологическом состоянии области за 1948 г. в качестве наиболее массовых причин «общей смертности» упоминаются: дизентерия (22%), пневмония (14%), дифтерия и диспепсия (по 10%), туберкулёз лёгких (9%), заболевания системы кровообращения (9%), несчастные случаи (12%). В обзоре также подчёркивается неполнота и ненадёжность представленных сведений³⁵⁶.

Структура смертности сельского и городского населения Калининградской области по причинам смерти на протяжении 1950-1959 гг. (по данному периоду имеются более полные и точные сведения) отражена в составленных автором таблицах (Приложение 4, табл. 2, 3).

Представленные в таблицах данные отчётливо фиксируют важнейшее направление эволюции смертности: в середине-второй половине 1950-х гг. имели место заметные положительные изменения в соотношении причин смертности: от преобладавших в первые послевоенные годы *экзогенных* причин к нарастанию смертности от *эндо-*

³⁵⁵ ГАКО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2; д. 3. Л. 2, 3; ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 78. Л. 2;

³⁵⁶ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 24; Оп. 4. Д. 78. Л. 2.

генных заболеваний³⁵⁷, что соответствовало не только общероссийским, но и мировым демографическим тенденциям. Неблагоприятное воздействие внешней среды на человеческий организм снижалось благодаря широкому применению антибиотиков, а также своевременной вакцинации и профилактике, улучшению материальных и санитарно-гигиенических условий жизни людей.

Показатели смертности от инфекционных заболеваний снизились по городскому населению с 29,7 в 1950 г. до 9,9% в 1959 г., по сельской местности соответственно с 25,6% до 11,2%, от болезней органов дыхания – с 20,8 до 8,8% и с 25,4% до 14% соответственно. По сёлам выросли показатели несчастных случаев (как абсолютные, так и относительные - с 8,4% в 1950 г. до 15,2% в 1959 г.), но исключительно за счёт травм на производстве и дорожно-транспортных происшествий (смертность в результате отравлений заметно уменьшилась), по городам наблюдалась аналогичная динамика. В то же время доля сердечнососудистых и онкологических заболеваний возросла в городах с 7,8 до 26,8, с 3 до 21,7% соответственно, в сельской местности - с 7,2% до 25,4%; с 3% до 21,7%. К концу 1950-х гг. причины смертности сельского населения РСФСР также носили, в основном, эндогенный характер: болезни органов кровообращения – 23-26%, онкологические заболевания (главным образом – рак) – 21-22%, инфекции – всего около 10%, болезни органов дыхания – 7%³⁵⁸. Такие причины смертности населения области, как убийства и самоубийства на протяжении 50-х гг. также носили возрастающий, хотя и менее выраженный, характер³⁵⁹. К концу рассматриваемого периода эндогенные факторы определяли причину смерти более половины умерших как в городах, так и в сёлах области. Вместе с тем, сохранялись

³⁵⁷ Под *экзогенными* причинами смерти понимают условно выделяемую группу причин смерти, связанных с воздействием внешней среды, вызванных плохими условиями проживания и питания. К экзогенным причинам смерти относят инфекционные и паразитарные болезни, острые заболевания органов дыхания и пищеварения, отравления и несчастные случаи. *Эндогенные* причины смерти обусловлены процессами в самом организме человека, старением или внутренними нарушениями. К этой группе относят болезни системы кровообращения, врождённые пороки развития, онкологические и неврологические заболевания. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. с. 533, 539.

³⁵⁸ Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 2. 1940-1959. С. 269. Таким образом, показатели смертности от инфекционных заболеваний и особенно болезней органов дыхания (пневмония) в 1959 г. по Калининградской области были несколько выше, чем в среднем по РСФСР (для сельского населения - на 1% и 7% соответственно).

³⁵⁹ ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д.8. Л. 16 об.; Оп. 15. Д. 353. Л.62-63; Ф. 231. Оп. 6. Д. 60. Л. 4-5. Наибольшее количество самоубийств по городской и сельской местности зафиксировано в отчётах Облстатуправления за 1953 г. (94 и 31 случай соответственно). Там же. Оп. 12. Д. 281. Л. 54, 54 об., 55, 55 об., 26, 26 об.

высокие показатели травматизма (несчастных случаев) и более высокие, чем в среднем по РСФСР – инфекционных заболеваний.

Интенсивное снижение смертности в 1950-е гг. в Калининградской области, (как и в России в целом), в значительной степени происходило за счёт сокращения смертности детей в возрасте до 1 года (младенческой смертности). Статистика, отражающая уровень младенческой смертности городского и сельского населения вплоть до начала 50-х гг. была неполной – иначе и быть не могло в условиях становления системы детского здравоохранения и серьёзных недостатках в её работе - да и в последующие годы вызывала критические замечания как руководства Облстатуправления, так и чиновников от медицины³⁶⁰. Однако, поскольку иных данных, позволяющих оценить важнейший параметр демографического развития региона – младенческую смертность – в распоряжении автора не имеется, сведения Облстатуправления были использованы для расчётов соответствующих коэффициентов. Коэффициенты рассчитывались по формуле Й. Ратса (табл. 21), для сравнения был использован и метод «грубой» оценки (Приложение 4, табл. 1), результаты которой отличаются от полученных по формуле в сторону уменьшения показателей, однако отражают идентичную тенденцию эволюции смертности.

Таблица 21. *Уровень младенческой смертности в Калининградской области и РСФСР в 1947-1959 гг. (по формуле Й. Ратса)³⁶¹*

Территория	Общий коэффициент младенческой смертности (‰)						
	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область, городская местность	109,5	96,1	116,3	129,9	67,1	45,7	39,8
Калининградская область, сельская местность	98,4	85,2	89,0	87,3	74,4	42,1	50,5
Калининградская	103,9	90,6	102,6	108,6	70,7	43,9	45,1

³⁶⁰ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 150. Л. 73, 77; Оп. 12. Д. 465. Л. 12, 22;

³⁶¹ Рассчитано по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об., Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д.59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные по РСФСР см.: Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 270-285; Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений //Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., РОССПЭН. 2010. С. 353.

область в целом							
РСФСР	127,5	104,0	102,1	101,0	72,1	52,2	41,3

Средний коэффициент младенческой смертности в России в предвоенном 1940 году составлял 205, её значительное снижение за последние военные и первые послевоенные годы (в 2 раза) объяснялось широким внедрением в медицинскую практику антибиотиков и сульфаниламидов, приведшим к сокращению младенческой смертности от болезней органов дыхания и большинства инфекционных болезней, а также снижением рождаемости и целенаправленной политикой государства по развитию детского здравоохранения и системы учреждений родовспоможения. К концу 50-х гг. показатели младенческой смертности в РСФСР вплотную приблизились к соответствующим показателям стран Западной Европы, США и Японии.

Анализируя итоговые коэффициенты, рассчитанные по формуле Ратса, следует признать, что уровень младенческой смертности в Калининградской области на протяжении всего рассматриваемого периода был близок к общероссийскому, отличаясь в 1947, 1948, 1953, 1956 гг. – в сторону понижения, в 1949, 1950, 1959 гг. – несколько превышая средний для РСФСР показатель. Альтернативная методика даёт значительно более низкие коэффициенты, однако позволяет восстановить примерный коэффициент 1946 года, равный 44,0³⁶². Даже если названный показатель значительно занижен (а это, скорее всего так, учитывая зачаточное состояние медицинской статистики в формирующейся области), кризис снабжения области, явившийся следствием неурожая и голода 1946-1947 гг. вызвал рост смертности в целом и её младенческой составляющей (103,9)³⁶³.

Основными причинами младенческой смертности в 1946-1949 гг. были экзогенные заболевания (дизентерия, пневмония, токсическая диспепсия) и врождённые патологии («врождённая слабость»): так, в отчёте о движении острозаразных заболеваний за 1948 год в качестве основных причин смерти детей в возрасте до 1 года

³⁶² Рассчитан по материалам ежегодных статистических отчётов Облстатуправления.

³⁶³ Согласно исследованиям, проведённым В.Б. Жиромской, в 1947 г. в целом по РСФСР коэффициент младенческой смертности поднялся до 127,5 ‰, т.е. был в 1,7 раза выше по сравнению с 1946 г. Одновременно наблюдалась вариация показателей по регионам республики: 94 ‰ – в Брянской области, 112, 120 ‰ в Восточной Сибири и на Алтае соответственно, 151 ‰ – в Калининской области, 295 ‰ – в Воронежской. Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 353.

назывались: пневмония (26%), диспепсия (20%), недоношенность (15%), «врождённая слабость» (15%)³⁶⁴.

Преобладание экзогенных заболеваний объясняется антисанитарными условиями жизни значительной части городских и сельских семей, ослаблением материнского организма в военные годы, скудным рационом питания в наиболее трудные 1946-1947 годы³⁶⁵. Ситуация осложнялась тем, что система ухода за слабыми (например, недоношенными) новорожденными, ещё не была разработана и налажена, что признавали и сами калининградские педиатры. Таким образом, организация сложного и длительного выхаживания ослабленных новорожденных стала одним из главных элементов преодоления высокой младенческой смертности в послевоенные годы.

Динамика младенческой смертности отражает как её реальные изменения, так и развитие детского здравоохранения, акушерско-гинекологической помощи, а также учёта смертности. Так, коэффициенты, имеющие отношение к сельскому населению, испытывавшему серьёзные трудности по получению квалифицированной (а зачастую и любой) медицинской помощи, не могут не вызывать определённых сомнений: вплоть до начала 50-х гг. они значительно ниже аналогичных показателей по «городской местности». Вероятно, важной предпосылкой возникновения этого «феномена» был значительный «недоучёт» смертности детей в возрасте до 1 года. Достаточно стабильные показатели за 1947-1950 гг. (при несомненных, хотя и ограниченных успехах областного здравоохранения за данный период) подтверждают высказанную гипотезу: по мере выстраивания системы учёта младенческой смертности, статистика становилась всё более полной. С другой стороны - более высокие относительные показатели младенческой смертности в городских поселениях были характерны для большинства областей и автономных республик РСФСР. Разрушенная или подорванная войной социальная и коммунальная инфраструктура, массовый приток мигрантов, высокая рождаемость и плотность городского населения способствовали быстрому распространению инфекций, зачастую смертельных для самых маленьких граждан СССР.

Отчётливо заметен «перелом» достигнутый в борьбе с младенческой смертностью к середине 1950-х гг.: снижение показателей со 108,6 в 1950 г. до 43,9 в 1956 г. и

³⁶⁴ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 24; Оп. 4. Д. 78. Л. 2, 24, 25.

³⁶⁵ ГАКО. Ф. 233. Оп. 8. Д. 481. Л. 35, 38, 43-46.

до 45,1 в 1959 г., за весь период - в 2 раза. Основными факторами этой важной победы стали качественное совершенствование медицинского обслуживания матерей и детей (в том числе профилактической работы, вакцинации), снижение рождаемости как городского, так и сельского населения (в том числе за счёт распространения абортов как средства регулирования рождаемости), общий рост уровня жизни населения области. Тем не менее, наиболее распространёнными причинами смерти новорождённых оставались экзогенные заболевания: острые кишечные и дыхательные инфекции – дизентерия, туберкулёз и диспепсия, а также пневмония³⁶⁶.

Основные направления эволюции смертности населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. соответствовали общероссийским: достаточно быстрыми темпами снижались показатели общей и младенческой смертности (быстрее всего – в первой половине 1950-х гг.), видоизменялась её возрастная структура (сокращение удельного веса самых младших возрастов и увеличение – старших), происходил переход к преобладанию эндогенных причин общей смертности (в структуре причин младенческой – по-прежнему доминировали экзогенные).

С эволюцией структуры смертности тесно связан вопрос о состоянии здоровья населения области, характере и уровне *заболеваемости*. Некоторое представление о структуре заболеваемости дают сведения о причинах смерти, анализ которых был представлен выше. Вместе с тем, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют несколько расширить и конкретизировать картину состояния здоровья населения края.

Заболеваемость населения области во второй половине 1940-х гг. была высокой. Этому способствовали низкий уровень медицинского обслуживания (фактическая недоступность квалифицированной помощи для большинства сельских жителей), техники безопасности (как следствие этого – высокая степень травматизма на предприятиях и в сельском хозяйстве), продовольственные проблемы (особенно в 1945-1947 гг.), общее неудовлетворительное состояние здоровья советских людей,

³⁶⁶ ГАКО. Ф. 233. Оп. 8. Д. 481. Л. 35. Для второй половины 1940-х гг. были характерны те же причины смерти, что и для второй половины 1950-х., однако соотношение этих причин менялось. Если в первые послевоенные годы доминировали пневмония, диспепсия, дизентерия, «врождённая слабость» то на завершающем этапе рассматриваемого периода – энтероколиты и пневмония. Судя по последним исследованиям В.Б. Жиромской, данная тенденция носила общенациональный характер. Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 353, 355.

подорванное испытаниями военных и послевоенных лет, антисанитарные бытовые условия, отсутствие продуманных и масштабных профилактических мер. К середине 1950-х гг. общие показатели заболеваемости (главным образом, инфекционной) существенно снизились, прежде всего, за счёт серьёзных успехов, достигнутых в борьбе с острыми инфекциями.

Во второй половине 1940-х гг. как в городах, так и в сельской местности доминировали инфекционные заболевания и болезни органов дыхания (главным образом, воспаление лёгких и ангина), а также травмы.

Инфекционные заболевания на протяжении второй половины 1940-х - 1950-х гг. были предметом постоянного беспокойства не только педиатров, но и других медработников, а также руководства области. Основания для опасений, безусловно, имелись (см. табл. 22).

Таблица 22. *Инфекционная заболеваемость населения Калининградской области (1947, 1948, 1952 гг.)*³⁶⁷

Год	1947		1948		1952	
	Зарегистрировано заболевших					
Заболевание	Всего зарегистрировано	В т.ч. в городах	Всего зарегистрировано	В т.ч. в городах	Всего зарегистрировано	В т.ч. в городах
Брюшной тиф	789	577	536	387	122	82
Паратиф	32	21	67	62	15	13
Дизентерия	652	508	976	875	1012	709
Диспепсия	133	62	102	67	112	78
Сыпной тиф	386	168	110	43	5	1
Корь	650	203	456	187	382	156
Скарлатина	138	196	92	64	102	73
Дифтерия	170	104	1132	987	2 180	1 912
Коклюш	251	168	243	198	221	167
Туляремия	993	37	930	33	14	12
Малярия	16 119	7 079	8 643	4 313	512	124
Всего	20 313	9 123	13 287	7 216	4 677	3 327

Вспышки инфекционных заболеваний были типичным явлением первых послевоенных лет: этому способствовали разрушение санитарной инфраструктуры, коммуникаций, наличие на территории области достаточно многочисленного немецкого

³⁶⁷ Таблица составлена по материалам отчётов о движении острозаразных заболеваний. Подсчитано автором по: ГАКО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2; Д. 3. Л. 2, 3; Д. 12. Л. 2.

населения, нередко становившегося источником заражения советских военнослужащих и переселенцев, крайний недостаток дезинфицирующих средств и другие факторы.

Весьма сложной на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась санитарно-гигиеническая обстановка в городах области. В декабре 1950 г. произошла вспышка тифа в Советске. Комиссия Облздравотдела констатировала: «В городе никто вопросами очистки не занимался. Домоуправляющие, милиция, санитарные врачи – все смирились и уже привыкли к нарушениям санитарных правил в городе. Не проводится хлорирование воды из-за отсутствия хлорной извести, что способствует росту заболеваемости». Руководители здравоохранения отмечали, что массовая профилактическая и санитарная работа в детских учреждениях города была развёрнута лишь в 1950 г.³⁶⁸

В 1955 году облздравотдел забил тревогу: поводом стала вспышка дизентерии в Черняховске. Более того, медики обратили внимание на то обстоятельство, что Черняховск и в предшествующий период неоднократно становился эпицентром распространения «острозаразных болезней». Специальная комиссия СЭС, направленная в районный центр выявила многочисленные нарушения санитарных норм. Результаты проверки оказались удручающими. Почти 50% домов не имели водопровода и канализации, жители вынуждены были пользоваться водой из неблагоустроенных колодцев. В домах, присоединённых к водопроводу, вода, «как правило не подавалась на 2-е и выше этажи, ввиду слабого напора в сети. Городская станция подкачки воды не работала из-за отсутствия насоса». В связи с этим даже в центральной части города устраивались временные уборные «с примитивными выгребными ямами», их насчитывалось более 500, что приводило к «скоплению огромного количества нечистот в наиболее населённых частях города»³⁶⁹. В городе существовали незаконные мусорные свалки, а вывоз мусора за пределы города производился «крайне редко». Проте-

³⁶⁸ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 75. Л. 15, 72. Первое, действительно массовое заболевание гражданского населения брюшным тифом (в документах – «эпидемия») имело место ещё в ноябре-декабре 1945 г. в г. Рагнит (позднее – Неман). В качестве причин вспышки инфекции военные врачи называли систематическое употребление сырой воды из «случайных, загрязнённых колодцев», антисанитарное состояние квартир, школы, детского сада, хлебопекарни, отсутствие санитарно-эпидемиологического контроля и медицинских учреждений и, как следствие последнего, позднее выявление инфекционных больных. ГАКО. ф. 332. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

³⁶⁹ ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 481. Л. 23.

кающая через город река Анграпа загрязнялась сточными водами городской канализации и предприятий. Даже в центральной части города имелись «дома, где нет совершенно никаких уборных и все нечистоты выбрасываются прямо на дворовые территории», а также сараи для содержания скота «с большим накоплением навоза». По данным СЭС, за 9 месяцев 1955 г. из жилых дворов было вывезено всего 1 287 куб м. нечистот и мусора, при накоплении за тот же период около 15 000 куб. м³⁷⁰.

Немаловажным фактором следует считать резкий рост популяций грызунов – разносчиков инфекций. По образному выражению первых колхозников-переселенцев, Калининградская область в конце 1946 г. «была заселена мышами»³⁷¹. Агрономы, зоологи и медицинские работники, приезжавшие в область для борьбы с туляремией, малярией и тифом, констатировали наличие «громادного количества грызунов в виде полевой мыши и водяной крысы». Благодаря отсутствию нормального землепользования, наличию разрушений в мелиоративной системе, остатков неубранного хлеба, стогов сена, массовых зарослей сорняков сформировалась «исключительно благоприятная почва для развития грызунов», ставших основным источником эпидемической вспышки туляремии в 1946 году. Между тем, санитарно-эпидемическая служба в 1946 – начале 1947 г. в области практически не функционировала: все городские поселения и сельские районы находились в ведении одного эпидемиолога и 6 санитарных инспекторов³⁷². Предпочтение в условиях явного недостатка сотрудников отдавалось городскому населению.

Как свидетельствуют архивные документы, уже 30 апреля 1945 г. военный комендант Кёнигсберга издал приказ о мерах по предотвращению инфекционных заболеваний личного состава комендатур. Отмечалось появление заболеваний брюшным тифом и дизентерией среди личного состава центральной и районных комендатур, службы охраны. Первая масштабная вспышка заболеваемости брюшным тифом была зафиксирована в Кёнигсберге с июля по сентябрь 1945 г.³⁷³. В последующие годы вспышки брюшного и сыпного тифа неоднократно повторялись, иногда охватывая одновременно несколько районов. Широкое распространение получила часотка (в

³⁷⁰ Там же. Л. 26-28.

³⁷¹ Там же. Ф. 233. Оп. 7. Д. 1. Л. 2.

³⁷² Там же. Л. 3.

³⁷³ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 311.

1946 г. страдающими часоткой признавалось 50% населения)³⁷⁴. Отсутствие хорошо организованного медицинского наблюдения за пребывающими переселенцами способствовало распространению острозаразных инфекций.

В мае 1948 г. уполномоченный Госплана СССР по Калининградской области В.В. Вахров отмечал: «Заболеваемость острозаразными болезнями по области почти не снижается, остаётся стабильной и лишь меняются районы, города, где вспыхивают случаи того или иного вида заболеваний»³⁷⁵. Наиболее распространёнными инфекционными заболеваниями второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. были тиф, дизентерия, корь и скарлатина. «Санитарная запущенность» немецкого населения области приводила к вспышкам среди немцев и советского населения часотки и тифа. Лишь в июле 1946 г. оставшееся в области немецкое население было подвергнуто тщательной санитарной обработке и прививкам от тифа и дизентерии³⁷⁶. Высокая эпидемическая заболеваемость в области заинтересовала Министерство здравоохранения СССР и в декабре 1951 г. в область прибыла бригада Министерства здравоохранения РСФСР, целью которой было обследование состояния здравоохранения в Калининградской области. Комиссия дала, в целом, положительную характеристику системе СЭС, однако отметила, что климатическое обоснование высокой заболеваемости туберкулёзом (официальное оправдание калининградских медиков) – не состоятельно. Большая часть больных приехала в область с ранее диагностированным туберкулёзом или с наличием туберкулёзной инфекции в лёгких. Столичные гости предписали своим калининградским коллегам вести более строгую проверку пребывающих в область переселенцев³⁷⁷.

Особую тревогу врачебного сообщества области в 1950-е гг. вызывало значительное количество больных туберкулёзом и медленное снижение *летальности* этой категории пациентов.

Таблица 23. *Заболеваемость туберкулёзом в Калининградской области (1954-1959 гг.)*³⁷⁸

³⁷⁴ ГАКО. Ф. 332. Оп. 2. Д. 3.

³⁷⁵ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 10.

³⁷⁶ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 5. Л. 102.

³⁷⁷ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33. Л. 1-8.

³⁷⁸ Таблица основана на материалах “Справки о заболеваемости туберкулёзом в области и мероприятиях по её снижению” от 1 октября 1958 г. “Справка” была составлена заведующим калининградским Облздравом Я.Г. Андреевым по просьбе председателя Облисполкома З.Ф. Слайковского. ГАКО.

Годы	Общая численность больных (на конец года)	Из них умерло (на конец года)
1954	3 286	203
1955	3 694	157
1956	3 901	170
1957	4 005	154
1958	4 115	-
1959	4 356	115

Профилактическая работа – вакцинация новорождённых и детей в возрасте до 18 лет, массовые осмотры населения – сдерживали распространение инфекции, но общая численность больных туберкулёзом оставалась высокой на протяжении всего рассматриваемого периода. Количество и масштаб профилактических мероприятий росли год от года. Если в 1957 г. ими было охвачено почти 30 тыс. жителей области, то в 1958 г. – уже 69,5 тыс. Правда, подавляющее большинство прошедших осмотры и прививки граждан составляли городские жители³⁷⁹. Негативное воздействие на эпидемиологическую ситуацию в области оказывали перебои в снабжении медикаментами сельских больниц и амбулаторий, недостаточное количество коек и палат для туберкулёзных больных (в большинстве сельских больниц они вообще отсутствовали). Затрудняло выявление очагов инфекции и то обстоятельство, что вплоть до 1958 г. в области отсутствовала флюорографическая аппаратура³⁸⁰.

До начала 1950-х гг. наиболее массовой из всех «острозаразных заболеваний» оставалась малярия. В 1947 г. заболевшие малярией составили почти 80% от общего числа пациентов, страдающих от инфекционных заболеваний, в 1948 г. их доля сократилась до 65% (см. таблицу 21). При общем стабильном снижении заболеваемости малярией в РСФСР в 1945-1949 гг., в самой западной российской области показатели росли вплоть до второй половины 1948 г. и почти в четыре раза превышали средние по РСФСР. Ситуация была настолько тревожной, что в Институте малярии Минздрава СССР была сформирована исследовательская группа, в составе научных сотрудни-

Ф. 181. Оп. 6. Д. 133. Л. 30-31; Ф. 297. Оп. 8. Д. 481. Л. 65. Рост общей численности больных туберкулёзом является косвенным подтверждением повышения эффективности диагностики этого заболевания на протяжении 1950-х гг. Данные по летальности за 1958 и 1959 гг. в «Справке» отсутствуют. Численность умерших от туберкулёза в 1959 г. подсчитана автором статьи по материалам отчёта Облстатуправления за 1959 г. ГАКО. Ф. 181. Оп. 15. Д. 353. Л. 62-63, 66-67.

³⁷⁹ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 133. Л. 15, 15 об.

³⁸⁰ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 133. Л. 33-34.

ков института Е.Д. Левенсона, О.В. Виноградской и С.А. Аптекаря, работавшая в 1950-1951 гг. над темой «Особенности эпидемиологии малярии в Калининградской области (по материалам послевоенных лет)».

В процессе работы с первичной медицинской статистикой, члены группы установили: что заболеваемость малярией в области стремительно росла в 1946-1948 гг., с 1949 г. началось не менее стремительное снижение; что выявленные случаи распределялась неравномерно, лидировал Славский район, высокие показатели были зафиксированы также в Гвардейском, Гусевском, Правдинском, Озерском и Советском районах; что среди городов - лидеров по первичным обращениям заболевших первое место уверенно занимал Калининград (22-31% всех обращений)³⁸¹.

В качестве важнейших причин «активизации малярии» на территории области исследователи называли высокую подвижность населения Восточной Пруссии в 1944-1945 гг. (провинция приняла большое количество эвакуированных и беженцев, частей и подразделений немецкой армии с разных фронтов); интенсивные миграционные процессы, связанные с заселением области (до 2,5% переселенцев на момент прибытия в область находились в состоянии «длительной инкубации»); массовые разрушения и запущенность городских окраин; частичное разрушение дренажной системы; значительное количество водоемов; жаркое лето 1947 г. Причины снижения заболеваемости в 1949 г. эпидемиологи видели в успешной реализации мелиоративных мероприятий, наметившемся прогрессе в деле бытового устройства переселенцев, «улучшении качества» противомаларийных мероприятий³⁸².

Действительно, победа над малярией была возможна лишь при условии серьезных организационных усилий. К концу 1947 г. в области функционировали 18 СЭС (областная, 3 городских – в Калининграде, Советске и Черняховске, 14 районных). Были развёрнуты бактериологическая, химическая пищевая и санитарно-гигиеническая лаборатории, отдел дезинфекции и дератизации, пункты санитарного просвещения, создана оперативная противоэпидемическая группа³⁸³. Специалисты областной, городских и районных СЭС, начиная с 1946 г. вели работу по проверке санитарного состояния переселенческих эшелонов, помещений медицинских учрежде-

³⁸¹ Там же. Ф. 233. Оп. 7. Д. 20. Л. 42-51.

³⁸² ГАКО. Ф. 233. Оп. 7. Д. 20. Л. 51, 65, 66, 74.

³⁸³ Там же. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 2.

ний, предприятий области. К концу 1951 г. дополнительно были развернуты 3 СЭС в областном центре и 6 районных станций, укомплектованность области врачебными кадрами составила 98%³⁸⁴. Сотрудники СЭС развернули масштабные противомалерийные мероприятия в наиболее неблагоприятных районах области, одновременно проводилась разъяснительная работа среди сельского и городского населения. Важным фактором позитивных перемен стали успехи калининградских мелиораторов: к концу 1948 г. вновь заработали 68 насосных станций (к 1952 г. – 119), восстанавливались дренажные системы (магистральные каналы, закрытые коллекторы, устья, смотровые колодцы)³⁸⁵. Существенные улучшения к концу 1950-х гг. произошли в снабжении области продуктами питания и медикаментами.

Перелом в борьбе с малярией «на областном уровне» был достигнут на рубеже 1940-1950- гг. Если в 1946-1950 гг. счет заболевшим шел на тысячи, то с 1951 г. – уже на сотни, а с 1957 г. – на десятки. Переход к «единичным случаям» малярии в самой западной области РСФСР произошел, как и в большинстве других регионов страны, в начале 1960-х гг.

Успехи в борьбе с брюшным и сыпным тифом, малярией и туляремией сопровождались серьезными неудачами в схватках с дизентерией. В 1949 г. количество заболевших по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 38%, в 1953 г. по сравнению с 1952 – на 40%, в 1955 г. в сопоставлении с 1954 – на 86%. При этом 55% всех заболевших составляли дети в возрасте до 3-х лет, 11% - в возрасте 3-14 лет³⁸⁶.

Вплоть до конца рассматриваемого периода инфекционные заболевания оставались массовым явлением и одной из ведущих причин смертности как взрослого населения, так и детей. Однако общее улучшение материально-бытовых условий жизни граждан, развитие профилактической работы и широкое внедрение антибиотиков в медицинскую практику привели к значительному снижению инфекционной заболеваемости и, что важнее всего, смертности.

Выявленные показатели и особенности рождаемости и смертности позволяют реконструировать динамику *естественного прироста* населения области, которая может быть представлена как абсолютных, так и в относительных показателях.

³⁸⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33. Л. 1.

³⁸⁵ История сельского хозяйства Калининградской области. С. 160, 161.

³⁸⁶ ГАКО. ф. 296. Оп. 2. Д. 94. Л. 38, 39.

Таблица 24. *Естественный прирост населения Калининградской области в 1946-1959 гг. (абсолютные показатели)*³⁸⁷

Территория /годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Калининградская область в целом	4 011	6 776	12 812	16 560	15 179	15 803	16 564
Городские поселения	2 784	3 778	7 399	9 261	7 992	9 121	10 245
Сельские поселения	1 227	2 998	5 413	7 299	7 187	6 682	6 319
Территория/годы	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Калининградская область в целом	14 610	16 822	15 136	14 874	13 101	12 921	12 079
Городские поселения	8 845	10 237	9 065	9 008	7 753	7 977	7 641
Сельские поселения	5 765	6 585	6 071	5 866	5 348	4 944	4 438

С 1947 по 1949 гг. естественный прирост населения в абсолютном выражении постоянно увеличивался, с 1954 – неуклонно сокращался. По области в целом естественный прирост достиг максимальных показателей в 1954 г. – 16 882 человека, по городам в 1952 г. – 10 245, по сельским населённым пунктам в 1949 г. – 7 299 человек. Минимальные показатели по области, городам и сёлам приходятся на 1947 г., что объясняется последствиями голода (в т.ч. высоким уровнем общей и младенческой смертности).

Таблица 25. *Естественный прирост населения Калининградской области и РСФСР в 1946-1959 гг. (‰)*³⁸⁸

Территория	Общий коэффициент естественного прироста (‰)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	36,4	19,0	31,8	38,1	30,9	26,1	25,1	19,5
РСФСР в целом	14,7	11,5	12,6	19,1	18,1	18,1	18,0	18,2
Калининградская область,	-	17,7	28,3	36,0	26,8	24,5	23,7	19,0

³⁸⁷ Подсчитано автором по данным предыдущих таблиц. При расчёте прироста за 1946 г. использовались данные только за 7 месяцев (с июня по декабрь).

³⁸⁸ Подсчёты произведены автором по данным предыдущих таблиц.

городское население								
РСФСР, городское население	16,5	12,7	12,4	17,3	16,2	15,6	15,4	16,3
Калининградская область, сельское население	-	21,0	34,1	41,2	37,2	29,2	27,3	20,3
РСФСР, сельское население	11,5	11,5	13,2	21,5	19,0	17,3	19,0	19,2

Общий коэффициент естественного прироста отражает суммарный итог эволюции смертности и рождаемости в исследуемый период. В 1946-1959 гг. Калининградская область была одним из лидеров в РСФСР по этому показателю. Почти двукратное снижение относительных показателей естественного прироста, вызванное трагедией 1947 г., уже в 1948 г. сменилось их значительным повышением, а в 1949 г. коэффициент 1946 г. был значительно превышен. Благодаря сохранению довольно высоких показателей рождаемости и интенсивному снижению смертности в 1950-е гг., естественный прирост ежегодно характеризовался высокими величинами, способствовал стабильному воспроизводству населения и оптимизации его возрастно-половой структуры.

3.3 Брак и семья

Брачно-семейные отношения и структуры областного населения в послевоенный период развивались, в целом, под влиянием тех же факторов, что и воспроизводство населения: половозрастных диспропорций, демографической компенсации, миграционных процессов, эволюции государственной политики.

Выявить динамику брачности и оценить масштабы эволюции этой важнейшей составляющей демографической подсистемы общества позволяют абсолютные и относительные показатели, представленные в таблицах 26 и 27.

Таблица 26. Показатели брачности населения Калининградской области (1946-1959 гг., абсолютные данные, чел.)³⁸⁹

³⁸⁹ Таблица составлена по сведениям ежегодных отчётов о естественном движении Статистического управления Калининградской области. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп.5. Д. 1. Л. 2 об., Д.8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д.59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные за 1946 г. приведены только за 7 месяцев (с июня по декабрь).

Территория /годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Калининградская область в целом	3 094	6 798	8 880	10 425	11 900	11 126	9 436
Городские поселения	2 542	4 973	5 706	6 620	7 795	7 421	6 419
Сельские поселения	552	1 825	3 174	3 805	4 105	3 705	3 017
Территория/годы	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Калининградская область в целом	9 101	9 788	9 411	9 074	9 124	9 288	8 787
Городские поселения	6 338	6 719	6 549	6 244	6 345	6 378	6 279
Сельские поселения	2 713	3 069	2862	2 830	2 779	2 910	2 508

Количество зарегистрированных браков стабильно увеличивалось вплоть до 1950 г. (11,9 тыс. браков), что объясняется как интенсивным заселением области, так и реализацией «компенсирующей брачности» - оформлением фактических отношений, в том числе, в связи с ужесточением семейного законодательства в 1944 г. и массовой демобилизацией военнослужащих. Начиная с 1951 г., происходило постепенное снижение брачной активности населения, которое, однако, не было линейным – в 1954 г. статистика зафиксировала значительный рост абсолютных показателей брачности, некоторая положительная динамика наблюдалась и в 1957-1958 гг. Наименьшее количество браков в период заселения области было заключено в 1946 г., в 1950-е годы – в 1959 г.

Таблица 27. Уровень брачности населения
Калининградской области и РСФСР в 1946-1959 гг.³⁹⁰

Территория	Общий коэффициент брачности населения (‰)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	28,1	19,0	22,0	24,0	24,1	16,2	15,2	14,1

³⁹⁰ Коэффициенты по области рассчитаны автором по данным Областного статистического управления. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп. 5. Д. 1. Л. 2 об., Д. 8. Л.3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д.59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Поскольку данные по брачности за 1946 г. приводятся в документах только за 7 месяцев, была определена примерная сумма рождений за весь год, которая и использовалась в дальнейших расчётах. Коэффициенты по России см. Араловец Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 55-62; Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 269; Население России в XX веке. Т. 2. С. 254.

РСФСР в целом	12,3	10,4	10,6	-	-	-	-	12,1
Калининградская область, городское население	-	23,2	23,4	25,7	26,1	17,4	16,4	15,6
РСФСР, городское население	19,7	14,8	16,3	-	15,7	-	13,5	13,7
Калининградская область, сельское население	-	12,7	20,0	21,4	21,1	13,7	13,1	11,4
РСФСР, сельское население	8,5	8,0	8,2	8,4	10,5	10,9	11,4	10,9

Сравнение общих коэффициентов брачности (ОКБ) демонстрирует сверхвысокую брачную активность областного населения. В 1946-1948 гг. областные ОКБ были вдвое выше средних по РСФСР, ОКБ городского населения – почти на 60% (до 1951 г.), на селе двукратное превышение общероссийского уровня также наблюдалось до начала 1950-х гг. Важную роль в сохранении высокого уровня брачности играли массовая иммиграция и более молодой, чем в среднем по РСФСР, состав населения. Наивысшие относительные показатели брачности наблюдались в 1949 (сельская местность) и 1950 (города) гг. В дальнейшем происходило сближение областных и средних российских ОКБ. Различия в уровне брачности городского и сельского населения формировались за счёт более высокого удельного веса «бракоспособных» возрастных групп в составе городского населения.

Интересно, что динамика коэффициентов брачности населения Калининградской области, представленная в таблице, демонстрирует заметное своеобразие на общероссийском фоне: если на протяжении 50-х гг. в области наблюдалось систематическое снижение ОКБ (почти на 10 пунктов или на 40%), то для РСФСР в целом были характерны стабильные показатели, а брачная активность сельского населения даже несколько возросла (с 10,5 в 1950 до 10,9 % в 1958 гг.). Это стабильность стала возможной за счёт массового вступления в наиболее активный брачный возраст многочисленных поколений 1935-1939 годов рождения. В структуре населения самой западной области РСФСР эти поколения занимали достаточно скромное место, что, в совокупности с изменениями в матримониальном (брачном) поведении стало главным фактором снижения относительных показателей брачности.

Во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. в городах и сёлах области традиционно преобладали первые браки: они составляли свыше 95% от всех официально зарегистрированных в 1948 г. браков, к 1959 г. этот показатель изменился незначительно (91%).

Таблица 28. *Возраст вступления в первый брак*
(Калининградская область, 1948 и 1958 гг.)³⁹¹

Возрастная категория (лет)	1948		1958	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
менее 20	2,8	12,0	3,3	17,6
20-24	39,8	52,5	55,2	47,6
25-29	30,5	24,2	27,7	18,1
30-34	14,4	7,0	6,7	9,1
35-39	6,8	2,8	1,4	2,8
40-49	3,7	1,1	2,6	2,3
50 и старше	2,0	0,4	3,1	2,5
Всего	100	100	100	100

Ранние браки (до 20 лет) у мужчин встречались крайне редко, у женщин - значительно чаще. Средний возраст вступления в первый брак у мужчин и женщин на протяжении всего рассматриваемого периода оставался прежним – от 20 до 24 лет, однако доля этой возрастной группы у мужчин к концу 50-х гг. заметно возросла (с 39,8 до 55,2%), у женщин – сократилась (с 52,5 до 47,6%). Внушительным было сокращение к 1958 г. процентной доли 30-39-летних мужчин, вступающих в первый брак. Эти перемены объяснялись улучшением половозрастной структуры населения области и стабилизацией брачных процессов. Мужчины 1909-1918 гг. рождения, не успевшие до войны создать семью, женились в первые послевоенные годы, реализуя «брачную компенсацию». Во второй половине 1950-х гг. в брак, несколько потеснив старшие возрастные группы, массово вступали многочисленные мужские поколения, появившиеся на свет в 1934-1939 гг.

Городское и сельское население области имело собственную специфику возрастной структуры брачности.

Таблица 29. *Возраст вступления в первый брак*
(городское и сельское население Калининградской области, 1948 и 1958 гг., %) ³⁹²

Возрастная категория (лет)	1948				1958			
	Городское		Сельское		Городское		Сельское	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж

³⁹¹ Рассчитано автором по данным годовых отчётов Облстатуправления за 1948 и 1958 гг. ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 10; Оп. 15. Д. 241. Л. 49.

³⁹² Рассчитано автором по данным годовых отчётов Облстатуправления за 1948 и 1958 гг. ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 10; Оп. 15. Д. 241. Л. 49.

менее 20	2,5	10,3	6,1	15,0	2,9	15,1	4,2	23,0
20-24	36,0	52,9	43,5	51,7	54,7	46,4	56,4	50,2
25-29	34,3	26,0	27,8	21,3	28,3	20,6	26,3	12,4
30-34	15,4	6,8	12,8	7,4	7,0	10,4	6,1	6,1
35-39	7,5	2,6	5,6	2,7	1,5	2,4	1,0	3,7
40-49	3,7	1,3	3,6	1,4	2,4	2,3	2,9	2,2
50 и старше	0,6	0,1	0,6	0,5	3,2	2,8	3,1	2,4
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Соотношение удельных показателей наиболее активных возрастных категорий (до 35 лет) демонстрирует более высокий процентный вес ранних браков (заключённых до 20 лет) в сельской местности, а также общее увеличение доли таких браков. Для городского населения во второй половине 1950-х гг. была, в целом, характерна более «поздняя» брачность. Сравнение областных показателей с общероссийскими демонстрирует некоторое своеобразие региональной брачности: если по сельской местности РСФСР доля невест наиболее юного возраста (до 20 лет) к 1959 г. составила 17,2% и на протяжении послевоенного периода постоянно снижалась, то для Калининградской области были характерны более высокие процентные показатели (23% к 1958 г.), а также их положительная динамика в сопоставлении с концом 1940-х гг.³⁹³

Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. произошли некоторые изменения в *возрастной структуре* браков. Среднее число браков, заключаемых *ровесниками*, оставалось практически неизменным (32% в 1949 г., 35% в 1959 г.), однако по отдельным возрастным группам наблюдались серьёзные различия. Чаще всего в брак с ровесниками вступали 20-24-летние жители области: в 64 (город) и 73% (село) случаев в 1949 г. и в 68-69% в 1959 г. Высоким удельный вес таких браков был и среди представителей следующей категории (25-29 лет): 35,8 и 31,5% в 1949 г. и 48,4 и 41,8% в 1959 г.³⁹⁴. Применительно ко всем остальным группам преобладали неравные (с точки зрения возраста) брачные союзы. Доля браков с младшими по возрасту представителями противоположного пола была наиболее внушительной среди 25-39-летних (32-49% в 1949 г. и 40-64% в 1959 г. в среднем для женщин и мужчин), со старшими – среди 18-19-летних (80-92% и 92-93% для женщин) и 20-24-летних (19-33 и 38-26% для женщин соответственно). Мужчины вступали в брак со старшими по возрасту женщинами намного реже (в 12-35% случаев). По наиболее активным в брачном отношении

³⁹³ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 260.

³⁹⁴ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 19; Оп. 7. Д. 3. Л. 72; Оп. 15. Д. 241. Л. 50-52.

возрастным группам *женского* населения, в основном, наблюдался рост численности браков, заключённых с мужчинами-ровесниками: с 1949 по 1959 г. процентная доля таких браков увеличилась для 20-24-летних на 5%, для 25-29-летних – на 11,5%, для 30-34-летних – на 18% в городах и на 3% - в сельской местности. Вместе с тем, для 35-39-летних женщин, напротив, браки с ровесниками становились всё более редким явлением (30-46% в конце 1940-х и лишь 8-18% в конце 1950-х гг.).³⁹⁵

В связи с достаточно низким уровнем разводимости (см. ниже) доля повторных браков была невелика. В 1948 г. 3,6% мужчин и 3,5% женщин, оформивших супружеские отношения, вступили в повторный брак, к концу 1950-х гг. их доля, в связи с распространением разводов возросла до 4,3 и 9,7% соответственно³⁹⁶. Городские жители – мужчины вступали в повторные браки, в среднем, в два раза чаще, чем сельские, среди женщин, напротив, наблюдалось незначительное преобладание повторных браков в сельской местности.

В послевоенный период в РСФСР наблюдался быстрый количественный рост разводов, однако динамика этого роста не была линейной, а довоенный уровень разводимости к концу 1950-х гг. так и не был достигнут. Ужесточение брачно-семейного законодательства вызвало, начиная с 1944 г., временное сокращение численности формальных разводов, однако в 1950-е гг., даже в условиях суровых нормативных препятствий получила дальнейшее развитие тенденция к распространению разводов.

Абсолютные статистические показатели, характеризующие численность разводов в Калининградской области, представлены в таблице 30.

Таблица 30. Показатели разводимости населения Калининградской области (1946-1959 гг., абсолютные данные, число разводов)³⁹⁷

Территория /годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Калининградская область в целом	2	63	135	225	353	322	448

³⁹⁵ ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 19, 23; Оп. 7. Д. 3. Л. 72, 73; Оп. 15. Д. 241. Л. 50, 51.

³⁹⁶ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 10; Оп. 15. Д. 241. Л. 49.

³⁹⁷ Составлено по сведениям ежегодных отчётов о естественном движении Статистического управления Калининградской области. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3. Д. 3. Л. 65-67; Оп. 5. Д. 1. Л. 2 об., Д. 8. Л. 3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные за 1946 г. приведены только за 7 месяцев (с июня по декабрь).

Городские поселения	2	61	131	215	340	317	437
Сельские поселения	-	2	4	10	13	5	11
Территория/годы	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Калининградская область в целом	549	629	602	636	766	1003	1 150
Городские поселения	543	614	549	564	690	897	983
Сельские поселения	6	15	53	72	76	106	167

Количество оформленных разводов по области в целом стремительно возрастало, и к концу рассматриваемого периода увеличилась, по сравнению с 1947 г. в 18 раз. Траектория этого роста не была линейной: спады в динамике расторжения браков наблюдались в 1951 и 1955 гг. Число разводов, оформленных в городских поселениях, многократно превышало соответствующий показатель по сельской местности. Различалась и динамика абсолютных показателей: городская полностью совпадала с областной, интенсивность разводов сельского населения сокращалась в 1951 и 1953 гг. В процентных показателях рост разводимости сельского населения был более значительным: за 1947-1959 гг. она увеличилась в 83 раза, в то время как по городским поселениям – в 16 раз.

Индекс разводимости, позволяющий судить о роли разводов в формировании брачной структуры, даёт более наглядное представление об эволюции разводимости населения области (табл. 31).

Таблица 31. *Индекс разводимости населения Калининградской области и РСФСР в 1946-1959 гг.*³⁹⁸

Территория	Индекс разводимости населения (разводов на 1000 браков)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	-	9,2	15,2	21,5	21,6	60,3	70,0	130,8
РСФСР в целом	7,9	-	-	34,2	40,7	-	72,1	-

³⁹⁸ Индекс разводимости рассчитан как отношение среднегодового числа разводов к среднегодовому числу браков (см. Приложение 3, табл. 1). Данные по РСФСР см. Араловец Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы. С. 57, 58; Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья). С. 265-270.

Калининградская область, городское население	-	12,2	22,9	32,4	43,6	85,6	90,3	156,5
РСФСР, городское население	13,8	-	-	57,7	66,4	-	107,2	152,8
Калининградская область, сельское население	-	1,0	1,2	2,6	3,1	2,2	25,9	66,5
РСФСР, сельское население	-	-	-	-	20,1	-	-	46,3

В отличие от абсолютных показателей, областной и городской *индексы* разводимости демонстрируют исключительно положительную (линейную) динамику, индекс разводимости сельского населения – некоторый спад в 1953 г. Идентичную тенденцию фиксируют общие коэффициенты разводимости, рассчитанные для областного, городского и сельского населения (табл. 32).

Таблица 32. *Общий коэффициент разводимости населения Калининградской области в 1946-1959 гг.*³⁹⁹

Территория	Общий коэффициент разводимости населения (‰)							
	1946	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область в целом	0,01	0,1	0,3	0,5	0,7	0,9	1,0	1,8
Городское население	-	0,2	0,5	0,8	1,1	1,5	1,4	2,4
Сельское население	-	0,01	0,02	0,05	0,06	0,03	0,3	0,7

Сопоставление со средними для РСФСР относительными показателями свидетельствует об их сближении с областными во второй половине 1950-х гг.

Деформированная в результате огромных потерь периода войны половозрастная структура населения способствовала увеличению количества разводов: в наиболее бракоспособных возрастных категориях (20-29 лет) во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг., как уже было отмечено выше, женщины имели внушительный численный перевес, особенно в составе сельского населения. Ослабление административного давления в середине 1950-х гг., изменения в демографическом поведении населения стали дополнительными факторами увеличения числа разводов. Рост разводимости не был спецификой исключительно послевоенного периода: расторжения браков были широко распространены в СССР и в 1930-е гг. Интенсивное восста-

³⁹⁹ Коэффициенты рассчитаны автором по данным Областного статистического управления.

новление довоенных показателей свидетельствовало о возросшей свободе индивидуального выбора, а также о возвращении советского общества к естественной для него траектории развития.

Средний возраст разводящихся и продолжительность расторгнутых браков заметно эволюционировали, особенно на протяжении 1950-х гг. В большинстве случаев разводились мужчины в возрасте 30-39 и 25-29 лет, однако доля первой категории к 1959 г. снизилась (с 48,6 в 1949 г. до 38%), а второй, напротив - выросла (с 18,6 до 48,7%). По городскому населению мужчины 30-39 лет составили в 1949 г. 47,6% от общего количества оформивших развод, в 1959 г. – 33,3%, 25-29 лет – 19 и 44,9% соответственно, по сельскому населению соответственно – 70 и 45% (30-39-летние), 10 и 39% (25-29 летние). Среди разводящихся женщин преобладали те же возрастные группы, однако их доля была несколько иной. По области в целом удельный вес 25-29 летних составил в 1949 г. 29%, в 1959 г. – 43,9%; по городским поселениям – 29 и 33,7%; по сельским – 30 и 45%. Женщины в возрасте 30-39 лет были участниками 35,4% бракоразводных процессов в 1949 г. и 35,5 % - в 1959 г., в городских поселениях – 34,7 и 35,6%, в сельских – 50 и 38%⁴⁰⁰.

Наиболее часто в конце 1940-х гг. распадались браки, длительностью до 6 месяцев (14,5%), 1-2 года (18,6%), 5-9 лет (20,4%), в конце 1950-х – продолжительностью 3-4 года (22,8%) и 5-9 лет (39,5%). Крайне редко разводились пары, прожившие в браке свыше 20 лет, доля «ранних» разводов (до 1 года) резко сократилась (до 3,7%).

В процессе проведения Всесоюзной переписи 1959 г. был зафиксирован один из индикаторов брачности населения – численность состоящих в браке лиц, старше 16 лет (табл. 33).

Таблица 33. Численность состоящих в браке на 1000 человек данного пола (1959 г.)⁴⁰¹

Территория	Численность состоящих в браке на 1000 человек данного пола в возрасте 16 лет и старше					
	Всё население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины

⁴⁰⁰ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 8; Оп. 15. Д. 241. Л. 53.

⁴⁰¹ Подсчёты выполнены на основании данных Всесоюзной переписи населения по РСФСР. См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. С. 134.

Калининградская область	674	583	655	587	711	575
РСФСР	692	505	687	520	698	488
Сахалинская область	679	698	681	687	674	374

Удельный вес состоящих в браке был выше среди мужчин, что объясняется возрастными диспропорциями и свидетельствует об узости брачного выбора женщин старше 35 лет. Ещё более заметной была данная тенденция в общероссийском масштабе. В Сахалинской области, где, как уже отмечалось, соотношение полов было близким к идеальному, показатели брачности мужского и женского населения также были близки.

По данным переписи 1959 г. членами семей являлись 98% жителей села и 91% горожан (табл. 34). Такой показатель можно интерпретировать как свидетельство фактической безальтернативности брака и семейного образа жизни.

Таблица 34. Численность семей, членов семей и одиночек (1959 г.)⁴⁰²

Категория	Всего по области	Городские поселения	Сельская местность
Постоянное население	610 181	391 618	218 563
Члены семей	569 683	358 854	210 829
Проживающие совместно с семьёй	532 275	328 987	203 279
Проживающие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом	37 408	29 858	7 550
Одиночки (лица, не имеющие семьи или не связанные с ней общим бюджетом)	40 498	32 764	7 734
Число семей	151 751	100 245	51 506
В том числе семей, где глава семьи			
- мужчина	101 053	64 051	37 000
- женщина	50 698	36 192	14 506

Одиночек было больше среди женщин (примерно в 1,7 раза). Средний размер семьи составлял для калининградского села 3,9, для города – 3,3 человек, что было близким к общероссийским показателям – 3,8 и 3,5 (для Северо-Западного района – 3,6 и 3,3 соответственно). Подавляющее большинство семейных селян проживало

⁴⁰² Там же. С. 134.

вместе с семьёй. Наиболее распространённой была совместно проживающая семья из 3-5 человек. Главой семьи в 70% случаев являлся мужчина, в 30% - женщина. Эти цифры позволяют сделать вывод о том, что значительная часть как сельских, так и городских семей вплоть до конца 50-х гг. была лишена мужчины-кормильца. Это не могло не способствовать ещё более активному вовлечению женщин в трудовой процесс. И действительно, лишь 15% женщин относились к категории иждивенцев и не имели постоянной работы⁴⁰³.

Таким образом, брачная активность населения области была сверхвысокой до начала 1950-х гг., затем происходило её планомерное снижение – в значительно более высоком темпе, чем в большинстве других российских регионов. Важную роль в сохранении высокого уровня рождаемости играли массовая миграция и более молодой, чем в среднем по РСФСР, состав населения. Существенной тенденцией развития брачно-семейной структуры в 1950-е гг. стало значительное увеличение количества разводов и относительных показателей разводимости.

Итак, региональные демографические процессы 1950-х гг. демонстрируют высокую динамику, содержащую *многочисленные качественные отличия* в сопоставлении с ситуацией второй половины 1940-х гг. Статистические материалы зафиксировали вызревание новой демографической реальности, определявшей отныне облик областного социума. Всего за десятилетие произошел переход от сверхвысоких показателей брачности, рождаемости и смертности к средним. Значительные изменения претерпела возрастная структура смертности, а соотношение её преобладающих причин изменилось радикально. Возросла роль естественного прироста, а миграционный фактор превратился во второстепенный механизм количественного и структурного развития населения региона. Заметными явлениями стали численный рост официальных разводов, распространение аборт (как разрешенных, так и нелегальных), двукратное снижение младенческой смертности.

⁴⁰³ Там же, с. 426-427, 438-439.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование демографического облика Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг. проходило в условиях сложного взаимодействия общенациональных и региональных факторов.

Грандиозная по своим масштабам и последствиям индустриальная модернизация, проводившаяся в СССР с конца 1920-х гг., вызвала к жизни целый ряд социальных и демографических изменений, во многом определивших облик советского общества в послевоенный период. Интенсивная урбанизация объективно способствовала повышению пространственной и социальной мобильности населения, массовому вовлечению женщин в общественное производство, разрушению традиционных для российского крестьянства стереотипов репродуктивного и матримониального поведения. Городская социокультурная среда предоставляла более широкий доступ к образованию и здравоохранению.

Демографические катастрофы первой половины XX в., особенно Великая Отечественная война, привели к деформации половозрастной структуры населения России и снижению интенсивности воспроизводства населения, породили массовую внебрачную рождаемость и препятствовали эффективной борьбе с высокой смертностью, привели к масштабным перемещениям населения в рамках плановой и стихийной миграции. Огромные людские потери, понесённые в период войны, стали причиной ужесточения брачно-семейного законодательства и расширения материальной помощи матерям-одиночкам и многодетным семьям. В значительной степени демографическая политика послевоенных лет была продолжением курса, взятого советским руководством ещё в 1930-е гг. Её содержание сводилось к мерам по укреплению официального брака, стимулированию рождаемости, борьбе с абортами и наращиванию административного контроля. Некоторое ослабление этого вмешательства наблюдается лишь с середины 1950-х гг. Меры административного порядка сопровождались интенсификацией развития здравоохранения, расширением педиатрической помощи и развёртыванием массовой профилактической работы, значительным увеличением (особенно в 1950-е гг.) финансирования социальной сферы.

Одним из важнейших последствий войны стала демографическая компенсация, обеспечившая значительный рост брачности и рождаемости в 1946-1950 гг., однако значительные потери мужского населения, а также голод 1946-1947 гг. и трудности послевоенного восстановления обусловили кратковременность этого, безусловно, позитивного явления.

Перечисленные факторы стали катализаторами социально-демографических перемен: снижения рождаемости и распространения её регулирования, постепенного сокращения смертности (прежде всего – младенческой и детской), изменения структуры её причин (от экзогенных к эндогенным), необратимых изменений в демографическом поведении населения. Демографическая компенсация содействовала нормализации возрастно-полового состава городского и сельского населения, однако этот процесс не был завершён к концу рассматриваемого периода.

К региональным факторам формирования демографического потенциала области относятся миграционный характер складывания регионального социума, становление и развитие областного здравоохранения, присутствие на территории региона крупных военных контингентов, немецкого населения (до его депортации в 1947-1949 гг.), приграничное положение области и некоторые другие. Многие характеристики городского и сельского населения (возрастно-половой состав, численность, состояние здоровья и т.д.), в свою очередь, также выступали в роли региональных факторов демографического развития.

Исключительную роль в демографической истории Калининградской области сыграло массовое заселение края во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Половозрастная специфика переселенческих контингентов способствовала более интенсивному, чем в среднем по РСФСР воспроизводству населения, высокие темпы заселения и значительная доля «обратников» порождали не только высокую брачную активность, но и трудности, связанные с созданием эффективной системы здравоохранения. Плановое переселение в область продолжалось до конца 1950-х гг. Однако его масштабы сильно сократились, а целесообразность сохранения подвергалась обоснованному сомнению. Завершение формирования административных, социально-культурных и экономических основ области привело к снижению интенсивности ведомственной миграции, а постепенная нормализация жизни в стране – к переменам в

стихийных перемещениях населения. Это не могло не сказаться на изменении роли механического прироста населения области в его пополнении. В 1952 г. он впервые уступил первенство естественному приросту. Однако лишь с 1955 г. это явление превратилось в устойчивую тенденцию. В этом же году статистика впервые зафиксировала отрицательное сальдо. Численность сельского населения росла преимущественно за счёт механического прироста до 1950 г. и в 1953 г. – города как более привлекательные для иммиграции объекты сохраняли существенный миграционный прирост несколько дольше. С середины 1950-х гг. естественный прирост превратился в основной фактор увеличения численности населения региона.

Половозрастная структура населения области в рассматриваемый период эволюционировала в сторону её нормализации: сокращалась доля женщин, выравнивались половые диспропорции. Важнейшей предпосылкой этого стали массовая демобилизация военнослужащих и, в наибольшей степени, сверхвысокая рождаемость, характерная для второй половины 1940-х гг. Вместе с тем, к концу 1950-х гг. соотношение полов в наиболее пострадавших от войны возрастных группах оставалось неблагоприятным (мужчины численно уступали женщинам почти в два раза). К 1959 г. самая западная область России по соотношению полов в большинстве возрастных групп была существенно ближе к областям российского Центра (Брянская, Владимирская), чем к типологически родственной (переселенческой) Сахалинской области.

В динамике рождаемости населения области отчётливо выделяются три периода: её непрерывного роста (1946-1949 гг.), стабилизации (1950-1954 гг.), снижения (1955-1959 гг.). Общие коэффициенты рождаемости на всём протяжении рассматриваемого периода (кроме 1959 г.) были значительно выше средних по РСФСР и по регионам российского Центра и Северо-Запада. Свойственный области уровень рождаемости был характерен для переселенческих регионов. Рождаемость сельского населения, первоначально уступая городской, уже с 1947 г. превзошла её и сохраняла лидирующие позиции до конца 1950-х гг. Основными факторами высокой рождаемости областного населения были демографическая компенсация, относительно благоприятная половозрастная структура, присутствие на территории области значительных воинских контингентов. В качестве причин быстрого снижения рождаемости в середине – второй половине 1950-х гг. могут быть названы завершение послевоенной компен-

сации, отток сельской молодёжи в города, изменения в репродуктивном поведении, распространение аборт (в том числе в связи с их легализацией в 1955 г.), особенности половозрастной структуры калининградского социума.

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. в области сохранялся высокий уровень смертности. Успехи областного здравоохранения, улучшение материально-бытовых условий жизни, снижение миграционной активности способствовали сокращению её показателей. Наиболее заметным было снижение доли детской (прежде всего – младенческой) смертности в её общей структуре, а также возрастание удельного веса смертности старших возрастных групп. Причины смертности эволюционировали от преобладания экзогенных, к нарастанию доли эндогенных факторов. Значительно сократилось количество умерших от инфекционных заболеваний и болезней органов дыхания, одновременно возросла доля сердечно-сосудистых и онкологических патологий в структуре причин смерти. За счёт сохранения весьма благоприятного соотношения рождаемости и смертности естественный прирост населения оставался устойчиво высоким и способствовал стабильному воспроизводству населения.

Брачная активность населения области была сверхвысокой до начала 1950-х гг., затем происходило её планомерное снижение – в значительно более высоком темпе, чем в большинстве других российских регионов. Важную роль в сохранении высокого уровня рождаемости играли массовая миграция и более молодой, чем в среднем по РСФСР, состав населения. Существенной тенденцией развития брачно-семейной структуры стало увеличение количества разводов.

Основные *направления* эволюции половозрастной структуры, рождаемости и смертности, брачно-семейных структур и отношений, заболеваемости, характерные для Калининградской области в рассматриваемый период, были аналогичны общенациональным. Специфика региона заключалась в иной демографической *динамике* – отличались темпы, интенсивность демографических изменений. В 1950-е гг. население Калининградской области быстро эволюционировало в сторону сближения со средними по РСФСР структурными и динамическими показателями. Многие из свершившихся в этот период изменений сформировали новую «демографическую ре-

альность» самой западной области России, важнейшие параметры которой сохраняли своё значение на протяжении последующих десятилетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники:

1.1 Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. Ф. 327. – Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР. Оп. 2. Д. 557, 571, 623.
2. Ф. 9401. – Особая папка И.В. Сталина. Оп. 2. Д. 93.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

3. Ф. 17. – Центральный комитет ВКП(б) – КПСС. Оп. 122. Д. 143, 144, 203.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

4. Ф. 4372. – Государственная плановая комиссия при Совете Министров СССР.
5. Ф. 5675. – Главное переселенческое управление при Министерстве сельского хозяйства СССР. Оп. 1. Д. 629, 679, 708.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО).

6. Ф. 59. – Калининградская областная больница. Оп. 1. Д. 2.
7. Ф. 180. – Уполномоченный государственной плановой комиссии СССР по Калининградской области. Оп. 1. Д. 15, 38; Оп. 1вс. Д. 10; Оп. 3. Д. 2; Оп. 9. Д. 5; Оп. 15. Д. 142, 242, 487, 491.
8. Ф. 181. – Статистическое управление Калининградской области. Оп. 1. Д. 10, 11; Оп. 3. Д. 2, 3, 4; Оп. 5. Д. 1, 2, 8, 10; Оп. 6. Д. 3, 133; Оп. 7. Д. 3, 4; Оп. 9. Д. 3; Оп. 12. Д. 281, 465, 468; Оп. 13. Д. 2, 3, 4, 6, 7, 16, 17, 46, 47, 520, 551; Оп. 15. Д. 59, 145, 241, 242, 353, 487, 491.
9. Ф. 183. – Калининградский областной переселенческий отдел. Оп. 1. Д. 4; Оп. 5. Д. 1, 9, 132.
10. Ф. 231. – Прокуратура Калининградской области. Оп. 6. Д. 60.
11. Ф. 233. – Калининградский областной отдел здравоохранения. Оп. 6. Д. 5, 7, 14, 32, 33, 54, 61, 68, 119, 133, 150, 165а, 197, 465, 603; Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 481.
12. Ф. 296 – Калининградская областная санитарно-эпидемиологическая станция. Оп. 1. Д. 1, 3, 12; Оп. 2. Д. 1, 94.
13. Ф. 297. – Калининградский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 107; Оп. 3. Д. 32; Оп. 7. Д. 173, 261, 679; Оп. 8. Д. 481, 612.

14. Ф. 298. – Управление по гражданским делам Калининградской области. Оп. 1. Д. 7; Оп. 3. Д. 10.
15. Ф. 330. – Временное управление по гражданским делам при военной комендатуре города и крепости Кёнигсберг. Оп. 1. Д. 5, 7.
16. Ф. 332. – Временное гражданское управление при военном совете особого военного округа. Оп. 1. Д. 2; Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 5.
17. Ф. 359. – Гвардейский районный отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 9, 14.
18. Ф. 462. – Отдел народного образования Калининградского облисполкома. Оп. 2. Д. 26; Оп. 3. Д. 118, 207, 253.
19. Ф. 1098. – Большаковский районный отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 2, 9.
20. Ф. 1141. – Багратионовская центральная районная больница. Оп. 1. Д. 1.
21. Ф. 1146 – Краснознаменский районный отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 4, 23, 24.
Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО).
22. Ф. 1. – Калининградский областной комитет Компартии СССР. Оп. 1. Д. 2, 62, 69; Оп. 2. Д. 3, 10, 65, 84; Оп. 4. Д. 78, 139, 145, 156; Оп. 6. Д. 2, 54, 75; Оп. 9. Д. 59; Оп. 11. Д. 188; Оп. 13. Д. 140.
23. Ф. 2. – Калининградский городской комитет Компартии СССР. Оп. 1. Д. 10.

1.2 Опубликованные источники

24. Демографический ежегодник России 2002.: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 2002. - 397 с.
25. В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / Сост. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во ИП Мишуткиной И.В., 2004. - 400 с.
26. «Настроение нехорошее у народа, это факт...». Крестьянские письма послевоенного времени. 1948-1950 гг. //Советские архивы. - 1991. - № 4. - С. 62-71.
27. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР (Сводный том). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. – 284 с.
28. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. – 455 с.
29. Односельчане: народная повесть. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. - 104 с.
30. Советская жизнь. 1945-1953. Сб. документов. М.: РОССПЭН, 2003. - 720 с.

2. Литература:

2.1 Научные монографии и статьи

1. Андреев, Е.М., Дарский, Л.Е., Харькова, Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. - М.: Информатика, 1998. - 187 с.
2. Андреев, Е.М., Дарский, Л.Е., Харькова, Т.Л. Население Советского Союза, 1922-1991. / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. - М.: Наука, 1993. - 143 с.
3. Аникин, В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950-1956 гг. /В.В. Аникин // Вопросы истории. - 1981. - №12. - С. 56-65.
4. Араловец, Н.А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы /Н.А. Араловец // Российская история. - 2010. - № 4. - С. 55-62.
5. Араловец, Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. /Н.А. Араловец. - Тула: Гриф и Ко, 2009. - 304 с.
6. Араловец, Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии /Н.А. Араловец // Отечественная история. - 1995. - №1. - С. 135-146.
7. Ашурков, Е.Д., Барсуков, М.И., Морозов, Н.Н. Очерки истории здравоохранения СССР (1917-1956 гг.) /Е.Д. Ашурков, М.И. Барсуков, Н.Н. Морозов. - М.: Медгиз, 1957. - 392 с.
8. Бартон, К. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945-1953 /К. Бартон // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. - М.: ООО «Вариант», 2008. - С. 174-193.
9. Безнин, М.А. Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950-1965 гг. / М.А. Безнин. - Вологда: ВГПИ, 1988. 74 с.
10. Безнин, М.А., Демони, Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) /М.А. Безнин, Т.М. Демони // Отечественная история. - 1999. - № 3. - С. 81-99.
11. Большакова, Г.И. Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940-1960-е годы / Г.И. Большакова // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. - С. 42-46.
12. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. - М.: Статистика, 1977. - 247 с.
13. Бродерзен, П. «Позови меня тихо по имени...»: кампания переименований в Калининградской области в 1946-1950 гг. /П. Бродерзен //Балтийский регион в истории России и Европы. - Калининград, 2005. - С. 201-210.
14. Бугай, Н.Ф. 20-50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР /Н.Ф. Бугай // Отечественная история. - 1993. - № 4. - С. 175-185.

15. Бугай, Н.Ф. Выселение советских корейцев с территории Дальнего Востока /Н.Ф. Бугай // Вопросы истории. - 1994. - № 5. - С. 141–148.
16. Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. - М.: Наука, 1999. - 366 с.
17. Вербицкая, О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) /О.М. Вербицкая // История СССР. - 1980. - № 5. - С. 115-130.
18. Вербицкая, О.М. Население российской деревни в 1939-1959 гг. /О.М. Вербицкая - М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. - 318 с.
19. Вербицкая, О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946-1958 гг. /О.М. Вербицкая //Вопросы истории. 1986. - № 12. - С. 13-26.
20. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х-начало 60-х гг. /О.М. Вербицкая - М.: Наука, 1992. - 224 с.
21. Вишневский, А.Г. Демографическая революция /А.Г. Вишневский - М.: Статистика, 1976. - 239 с.
22. Вишневский, А.Г. Демографические процессы в СССР /А.Г. Вишневский // Вопросы философии. - 1973. - № 2. - С. 115-127.
23. Вишневский, А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России /А.Г. Вишневский // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. - М.: Статистика, 1977. - С. 105-135.
24. Вишневский, А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. /А.Г. Вишневский - М.: О.Г.И., 1998. - 433 с.
25. Волков, И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг. / И.М. Волков // История СССР. - 1991. - № 4. - С. 3–19.
26. Воронина, О.Д. Калининградцы рассказывают (Из фондов ЦХИДНИКО) / О.Д. Воронина// Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2003. - Вып. 5. - С. 28-35.
27. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2-е изд., исп. и доп. Калининград, Изд-во КГУ. 2003. 336 с.
28. Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца второй мировой войны: Ист. Очерки. Документы. Материалы. - Калининград: Калининградское книжное издательство, 1996. - 538 с.

29. Гальцова, С.П. Основные этапы развития сельского хозяйства Калининградской области (1945-1980) /С.П. Гальцова // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 1985. - С. 27-34.
30. Горбачев, О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. /О.В. Горбачев// Вопросы истории. - 2003. - № 2. - С. 138-147.
31. Гордеев, И.А. Военные совхозы и их роль в становлении социалистического сельского хозяйства Калининградской области (1945-1947) / И.А. Гордеев // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 1986. - С. 84-93.
32. Гордеев, И.А. Создание материально-технической базы сельского хозяйства Калининградской области в 1946-1950 гг. / И.А. Гордеев // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 2001. – С. 64-75.
33. Гордеев, И.А. Хутора и их жители на территории Калининградской области в первые послевоенные годы / И.А. Гордеев // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 1997. - С. 68-75.
34. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. - М.: ОГИ, 2001. - 558 с.
35. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. - М.: Воениздат, 1993. - 415 с.
36. Гришаев, С.В. Буржуазные историки о демографическом развитии СССР на современном этапе /С.В. Гришаев // История СССР. - 1987. - № 2. - С. 195-201.
37. Демографическая модернизация России, 1900-2000. / Под ред. А.Г. Вишневого. - М.: Новое издательство, 2006. - 608 с.
38. Ефремов, Л.А. Земландский (Приморский) район накануне прибытия переселенцев (Краткая историческая справка по материалам ГАКО) /Л.А. Ефремов // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2003. - Вып. 4. - С. 125-135.
39. Ефремов, Л.А. История Рудау-Мельниково /Л.А. Ефремов – Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. - 320 с.
40. Живенок, Н.В. Миграция: теория и современность (региональный аспект) / Н.В. Живенок // Вопросы истории России: Сб. науч. тр. - Калининград: Изд-во КГУ, 2002. - С. 80-91.
41. Жидкова, Е.М. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950-60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки /Е.М. Жидкова // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. - М.: ООО «Вариант», 2008. - С. 266-289.

42. Жиромская, В.Б. Война и старение российского населения /В.Б. Жиромская // Российская история. - 2010. - № 4. - С. 46-55.
43. Жиромская, В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения /В.Б. Жиромская //История СССР. - 1990. - №3. - С. 84-104.
44. Жиромская, В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений /В.Б. Жиромская // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. - М.: РОССПЭН, 2010. - С. 350-357.
45. Зезина, М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году /М.Р. Зезина // Отечественная история. - 1995. - № 2. - С. 121-135.
46. Земсков, В.П. Спецпоселенцы (по документам НКВД/МВД СССР) /В.П. Земсков // Социологические исследования. - 1990. - № 11. - С. 3-27.
47. Зима, В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) /В.Ф. Зима // Отечественная история. - 1994. - № 3. - С. 109-125.
48. Зима, В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия /В.Ф. Зима. - М., 1996. - 265 с.
49. Зима В.Ф. Голод, медицина, власть: 1946-1947 годы /В.Ф. Зима // Отечественная история. 2008. № 1. С. 117-126.
50. Зима, В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.) /В.Ф. Зима // Отечественная история. - 1995. - № 5. - С. 45-59.
51. Зубкова, Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) /Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. 1998. - № 4. - С. 99-108.
52. Зубкова, Е.Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. - 1995. - № 3. - С. 90-100.
53. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 /Е.Ю. Зубкова. - М.: РОССПЭН, 1999. - 232 с.
54. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. - М.: Наука, 1988. – 395 с.
55. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. - Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. - 464 с.
56. Исупов, В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) /В.А. Исупов. - Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. - 288 с.

57. Кабузан, В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX-XX вв. (1795-2000 г.) / В.М. Кабузан. - М.: Институт российской истории РАН, 2009. - 152 с.
58. Казьмина, О.Е., Пушкарева, Н.Л. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты / О.Е. Казьмина, Н.Л. Пушкарева // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. - М., Новое литературное обозрение, 2004. - С. 185-218.
59. Кваша, А.Я. Демографическая политика в СССР / А.Я. Кваша. - М., 1981. - 200 с.
60. Кваша, А.Я. О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне / А.Я. Кваша // Социологические исследования. - 1989. - № 1. - С. 60-66.
61. Клемешева, М.А. Религиозная обстановка в Калининградской области в первые послевоенные годы / М.А. Клемешева // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 1998. - Вып. 1. - С. 172 – 179.
62. Ковальчук, В.М., Рупасов, А.И., Чистиков, А.И. Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики / В.М. Ковальчук, А.И. Рупасов, А.И. Чистиков // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. - М.: РОССПЭН, 2010. - 544 с.
63. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. - М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008;
64. Кондрашин В.В. Голод 1946-1947 гг. в России и Украине: общее и особенное / В.В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 130-137.
65. Кожурин, В.С., Погодин, С.А. Изменение численности городского населения СССР в 1939-1979 гг. / В.С. Кожурин, С.А. Погодин // История СССР. - 1980. - № 6. - С. 133-137.
66. Козлов, В.И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) / В.И. Козлов // История СССР. - 1991. - №5. - С. 3 – 17.
67. Колганова, Э.М., Колганов, И.А. Самая западная: Краткий очерк о Калининградской области / Э.М. Колганова, И.А. Колганов. - Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959. - 62 с.
68. Колганова, Э.М. Заселение Калининградской области / Э.М. Колганова // Учёные записки (КГПИ). - 1962. - № 8. - С. 154-174.
69. Колганова, Э.М. Историческое значение разгрома и ликвидации восточнопрусского плацдарма фашистской агрессии / Э.М. Колганова // Становление и развитие Калининградской областной партийной организации и области. - Калининград: Изд-во КГУ, 1977. - 167 с.

70. Колганова, Э.М. Образование и развитие Калининградской области – национальный по-
двиг советского народа / Э.М. Колганова // Ленинская национальная политика в дей-
ствии. - Калининград, 1974. - С. 34-64.
71. Корнилов, Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны /Г.Е.
Корнилов // Отечественная история. - 1993. - № 3. - С. 67-82.
72. Корнилов, Г.Е. Уральское село и война: Проблемы демографического развития /Г.Е. Кор-
нилов. - Екатеринбург: ТОО "Уралагропресс", 1993. - 175 с.
73. Костяшов, Ю.В. «Желающих переселиться мало...». Об организации переселения кол-
хозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы / Ю.В. Ко-
стяшов // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград: Изд-во
КГУ, 2004. - Вып. 6. - С. 61-68.
74. Костяшов, Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы /
Ю.В. Костяшов // Вопросы истории. - 1994. - № 6. - С. 186-188.
75. Костяшов, Ю.В. Заселение Калининградской области после второй мировой войны / Ю.В.
Костяшов // Гуманитарная наука в России. М.: 1996. - Т. 2. - С. 82-88.
76. Костяшов, Ю.В. На колхозном собрании: штрихи к истории заселения Калининградской
области в 1946 году / Ю.В. Костяшов // Вопросы истории. - 2003. - № 9. - С. 132-138.
77. Костяшов, Ю.В. О естественном движении населения в Калининградской области в 1946-
1950 гг. / Ю.В. Костяшов // Проблемы исторических и философских наук. - Калини-
град: Изд-во КГУ, 2000. - С.4-9.
78. Костяшов, Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной
адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945-1950-гг.) / Ю.В.
Костяшов // Национальные отношения в Новое и Новейшее время. - Калининград: Изд-во
КГУ, 2000. - С. 66-79.
79. Костяшов, Ю.В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946-
1951 гг. / Ю.В. Костяшов // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Ка-
лининград, 2001. - Вып. 3. - С. 227–236.
80. Костяшов, Ю.В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в после-
военные годы / Ю.В. Костяшов // Балтийский регион в истории России и Европы. - Ка-
лининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. - С. 211-219.
81. Костяшов, Ю.В. Особенности заселения Калининградской области и формирования её
трудового потенциала / Ю.В. Костяшов // Материалы международной конференции «Со-
циально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря». - Калининград: Изд-
во РГУ им. И. Канта, 2008. - С. 299-316.

82. Костяшов, Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945-1956 гг. / Ю.В. Костяшов. - Калининград: Терра Балтика, 2009. - 352 с.
83. Костяшов, Ю.В. Секретные документы отдела спецпоселений МВД СССР о заселении Калининградской области в 1946 г. / Ю.В. Костяшов // Проблемы источниковедения и историографии. – Калининград: Изд-во КГУ, 1999. – С. 64-67.
84. Котов, В.И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 60-80-е годы / В.И. Котов // Отечественная история. - 1992. - № 5. - С. 32-41.
85. Кретинин, Г.В. Военные комендатуры Кёнигсбергского особого военного округа в 1945-1946 гг. /Г.В. Кретинин // Вестник РГУ им. И. Канта. - 2006. - Вып. 12. - С. 55-62.
86. Кретинин, Г.В. Ещё раз о военных комендатурах Кёнигсбергского особого военного округа в 1945-1946 гг. /Г.В. Кретинин // Вестник РГУ им. И. Канта. - 2007. - Вып. 12. - С. 88-93.
87. Кретинин, Г.В. История Восточной Пруссии и Калининградской области – состояние и перспективы научных исследований /Г.В. Кретинин // Калининградские архивы. - Калининград, 1998. - Вып. 1. - С. 19-22.
88. Кретинин, Г.В. О численности немецких войск и гражданского населения Кёнигсберга во время его штурма 6-9 апреля 1945 г. /Г.В. Кретинин // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития. - Калининград: Янтарная летопись, 2006. - С. 50-66.
89. Кретинин, Г.В. Проблема идентичности калининградцев /Г.В. Кретинин // Калининградский социум в европейском измерении. - Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – С. 50-93.
90. Криворуцкая, И.Е. Использование документов областного государственного архива в изучении истории края / И.Е. Криворуцкая // Калининградские архивы. - Калининград, 1998. - Вып. 1. - С. 23-27.
91. Лебина, Н.Б. Антимирры: принципы конструирования аномалий, 1950-1960-е годы / Н.Б. Лебина // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. - М.: ООО «Вариант», 2008. - С. 255-265.
92. Марианский А. Современная миграция населения /А. Марианский/ - М.: Статистика, 1969. - 238 с.
93. Маслов, В.Н. Временное гражданское управление Особого Военного округа (1945-1946 гг.) /В.Н. Маслов // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития. - Калининград: Янтарная летопись, 2006. - С. 67-76.
94. Маслов, В.Н. Продовольственный вопрос в деятельности советской военной комендатуры Кёнигсберга в 1945 г. /В.Н. Маслов // Вестник КГУ. - 2003. - Вып. 2. - С. 47-52.

95. Маслов, В.Н. Сельскохозяйственная деятельность советской военной комендатуры Кёнигсберга в 1945 г. /В.Н. Маслов // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 2005. - С. 171-178.
96. Маслов, В.Н. Хозяйственная деятельность военной комендатуры Хайнрихсвальдского района Особого военного округа в 1945 – начале 1946 года /В.Н. Маслов // Калининградские архивы. - Калининград: Изд-во И.П. Мишуткина И.В., 2008. - С. 110-116.
97. Маслов, Е.А. Архивные материалы по истории религиозной политики в Калининградской области во второй половине 40-х – 60-х годов / Е.А. Маслов // Проблемы источниковедения и историографии. - Калининград, 2001. - С. 74-81.
98. Маслов, Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения / Е.А. Маслов // Балтийские исследования. - Вып. 1. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. - С. 17-33.
99. Маттес, Э. Государственный архив Калининградской области. Впечатления и мысли исследователя / Э. Маттес // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2001. - Вып. 3. - С. 64-76.
100. Маттес, Э. Региональное самосознание в Калининградской области / Э. Маттес // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2003. - Вып. 5. - С. 203-218.
101. Маттес, Э. Судьбы людей и краеведение. Биографические источники в исследовании Новейшей истории / Э. Маттес // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2004. - Вып. 6. – С. 62-77.
102. Медков, В.М., Шелестов, Д.К. Народонаселение как категория научного познания / В.М. Медков, Д.К. Шелестов // Народонаселение: прошлое, настоящее, будущее. - М.: Мысль, 1987. - С. 9-18.
103. Миронов, Б.Н. Историческая социология России / Б.Н. Миронов. - СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. - 536 с.
104. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. / Б.Н. Миронов. - СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. - Т. 2. – 566 с.
105. Миронов, Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в конце XIX – начале XX в. /Б.Н. Миронов // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. - М., 1977. - С. 83-104;
106. Население Западной Сибири в XX веке. - Новосибирск: Изд. СО РАН, 1997. - 170 с.
107. Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 1. 1920-1939. - М.: РОС-СПЭН, 1999. - 463 с.

108. Население России в XX в.: Исторические очерки. В 3-х тт. т. 2. 1940-1959. - М.: РОС-СПЭН, 2001. - 416 с.
109. Население России в 1920-е-1950-е годы: численность, потери, миграции. - М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1994. - 224 с.
110. Население России за 100 лет (1897-1997). Стат. сб. - М.: Госкомстат России, 1998. - 222 с.
111. Население Советского Союза. 1921-1991. - М.: Наука, 1993. - 143 с.
112. Население СССР за 70 лет. - М.: Наука, 1988. - 216 с.
113. Нелипович, С.Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника /С.Г. Нелипович // Военно-исторических журнал. - 2000. - № 2. - С. 60-69.
114. Осокина, Е.А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? / Е.А. Осокина // История СССР. - 1991. - № 11. - С. 21-25.
115. Очерки истории Восточной Пруссии. - Калининград: Янтарный сказ, 2002. - 536 с.
116. Платунов, Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н.И. Платунов. - Томск, 1976. - 258 с.
117. Полх, П.П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений / П.П. Полх // Калининградские архивы. Калининград: Изд-во И.П. Мишуткина И.В., 2008. - С. 138-147.
118. Полян, П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. - М.: ОГИ–Мемориал, 2001. - 328 с.
119. Попов, В.П. Голод и государственная политика (1946-1947 гг.) / В.П. Попов // Отечественные архивы. - 1992. - № 6. - С. 60-71.
120. Попов, В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг. (источники и их интерпретация) / В.П. Попов // Отечественные архивы. - 1992. - № 2. - С. 20-31.
121. Попов, В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны / В.П. Попов // Социологические исследования. - 1994. - № 10. - С. 76-94.
122. Послевоенные переписи населения. Сборник статей. - М.: Государственное статистическое издательство. 1957. - 343 с.
123. Пospelов, К.А. Влияние миграции на формирование и использование трудовых ресурсов в отдельном регионе / К.А. Пospelов // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. - Калининград: Изд-во КГУ, 1977. - С. 19-32.

124. Прошина, Т.А. Проблемы заселения Калининградской области в документах центра хранения и изучения документов новейшей истории / Т.А. Прошина // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 1998. - Вып. 1. – С. 12-23.
125. Пушмина, Ю.М. Особенности сельского расселения Калининградской области / Ю.М. Пушмина // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. - Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 1977. - С. 95-99.
126. Репинецкий А.И. «Никому мы не нужны». Голод 1946-1947 гг. в Куйбышевской (Самарской) области / А.И. Репинецкий // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 106-109.
127. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. - 608 с.
128. Рыбная промышленность Калининградской области: Страницы истории. - Калининград: Янтарный сказ, 2009. - 464 с.
129. Становление и развитие Калининградской области. - Калининград, 1978. - 160 с.
130. Строганова, Н.А. Немецкие дети-сироты на территории Калининградской области (1945-1948 гг.) / Н.А. Строганова // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 2001. - Вып. 3. - С. 278-288.
131. Сымонович, Ч.Э. Советская деревня в 50-80-е гг. (взаимосвязь экономического и политического развития) / Ч.Э. Сымонович // Вопросы истории. - 1988. - № 2. - С. 42-60.
132. Тер, Ф. Этнические чистки в Балтийской регионе во время и после Второй мировой войны и их современные последствия / Ф. Тер // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. - Калининград, 2004. – С. 220-233.
133. Территориальные особенности народонаселения РСФСР /под ред. Л.Л. Рыбаковского. - М.: Статистика, 1976. - 231 с.
134. Тольц, М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. / М.С. Тольц // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. - М.: Статистика, 1977. - С. 138-154.
135. Урланис, Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б.Ц. Урланис. - М.: Наука, 1963. - 136 с.
136. Урланис, Б.Ц. Рост населения в СССР / Б.Ц. Урланис. - М.: Статистика, 1966. - 36 с.
137. Федоров, Г.М. Население Калининградской области / Г.М. Федоров. - Калининград: Изд-во КГУ, 2001. - 202 с.
138. Фёдоров, Г.М. Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области / Г.М. Федоров // Народное хозяйство Калининградской области:

- проблемы и пути развития. - Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 1977. - С. 100-108.
139. Филатов, А.В., Пацерица, В.Н. Население Северо-Восточной Пруссии после Второй Мировой войны. Правовой анализ. Часть 1. Переселение или изгнание? Правовые предпосылки и последствия / А.Ф. Филатов, В.Н. Пацерица. - Калининград: ООО Промышленная типография «Бизнес-Контакт», 2001. - 224 с.
140. Фицпатрик, Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР / Ш. Фицпатрик // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. - М.: ООО «Вариант», 2008. - С. 219-254.
141. Шелестов, Д.К. Демография: История и современность / Д.К. Шелестов. - М.: Финансы и статистика, 1983. - 271 с.
142. Шелестов, Д.К. История и демография / Д.К. Шелестов // Вопросы истории. - 1981. - № 5. - С. 3-15.
143. Шелестов, Д.К. О современной буржуазной исторической демографии / Д.К. Шелестов // Вопросы истории. - 1982. - № 6. - С. 61-73.
144. Шендерюк, М.Г. Социальный портрет переселенца /М.Г. Шендерюк // Калининградские архивы: материалы и исследования. - Калининград, 1998. - Вып. 1. – С. 180-184.
145. Arbusauskaite, A. Karaliauciaus-Kaliningrado srities civiliu gyventoju padetis 1945-1951 metais / A. Arbusauskaite // Klaipedos ir Karaliauciaus krastu XVI-XX a. istorijos problemos, Acta Historica Universitatis Klaipedensis VIII. – 2001. – p. 91-124.
146. Arbusauskaite, A. Soviet Occupation of former East Prussia: Konigsberg-Kaliningrad and Klaipeda / A. Arbusauskaite // The Baltic Countries under occupation: soviet and nazi rule 1939-1991 / Acta Universitatis Stockholmiensis. - Studia Baltica Stockholmiensia.– 23. – Ed. Annu-Mai Koll, Akademitryck AB, 2003. – P. 17-49.
147. Arbusauskaite, A. “Kaliningrado vokieciu” klausimo issprendimas: Lietuva, 1951- ieji / A. Arbusauskaite //Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII, Klaipeda: KU, 2009, - P. 207-230.
148. Brodersen, P. Enttäuschte Hoffnungen. Kaliningrader Industriearbeiter und die Neubesiedlung des nördlichen Ostpreußen in der sowjetischen Nachkriegszeit (1945-1953) / P. Brodersen // Berichte und Forschungen. Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Mitteleuropa. Bd. 10. Oldenburg, 2002. - S. 117-143 (1. Teil); Bd. 11. Oldenburg, 2003. - S. 7-46 (2. Teil).

149. Brodersen, P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde / P. Brodersen. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. - 367 S.
150. Frobarth, V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945-1990 / V. Frobarth. - Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz, 2001. - 297 S.

2.2 Диссертации и авторефераты

151. Вербицкая, О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Вербицкая Ольга Михайловна. - М., 2002. - 416 с.
152. Геращенко, Л.В. Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке в 1940-1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Геращенко Лилия Валентиновна. - СПб., 2009. - 220 с.
153. Гончаров, В.В. История Восточной Пруссии и калининградской области в отечественной и зарубежной историографии XX - начала XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Гончаров Валерий Валерьевич. - М., 2009. - 30 с.
154. Горбачев, О.В. Миграция сельского населения Западного района РСФСР в 1946-1970 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Горбачев Олег Витальевич. - Брянск, 1992. - 22 с.
155. Горбачев, О.В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945-1985 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Горбачев Олег Витальевич. - М., 2003. - 472 с.
156. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне европейского Севера России в 1940 - 1950-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ильина Ольга Викторовна. - Вологда, 2010. - 238 с.
157. Ким, И.П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после второй мировой войны: Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова: 1945 - первая половина 1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ким Инна Пенхваевна. - Южно-Сахалинск, 2010. - 255 с.
158. Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 - 1960-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Крушанова Лариса Александровна. - Владивосток, 2007. - 274 с.
159. Левченков, А.В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Левченков Андрей Викторович. - Калининград, 2005. - 194 с.

160. Мальцев А.А. Демографические процессы в российской деревне в 1946 - 1959 гг. (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мальцев Алексей Алексеевич. - Самара, 2012. - 226 с.
161. Маслов, Е.А. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Маслов Евгений Александрович. - Калининград, 2004. - 313 с.
162. Мухортов, А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941-1950 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мухортов Алексей Сергеевич. - Пятигорск, 2010. - 193 с.
163. Тимофеева, Т.Ф. Государственно-правовое регулирование демографических процессов в Российской Федерации (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Тимофеева Татьяна Федоровна. - Чебоксары, 2005. - 227 с.

2.3 Публикации автора по теме исследования

1. Манкевич, Д.В. О состоянии здоровья сельского населения Калининградской области в 1950-е гг. / Д.В. Манкевич // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. - Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. - Калининград, 2007. - С. 25-27.
2. Манкевич, Д.В. Некоторые аспекты демографического развития калининградского села в 1950-е годы / Д.В. Манкевич // Северо-Запад в аграрной истории России. - Калининград, 2007. - С. 200-210.
3. Манкевич, Д.В. Факторы общественного сознания в демографическом поведении сельского населения Калининградской области (1950-е гг.) / Д.В. Манкевич // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: Материалы международной научной конференции. - Калининград, 2007. - С. 321-326.
4. Манкевич, Д.В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945-1950 гг.) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. - Калининград, 2008. - С. 54-68.
5. Манкевич, Д.В. Сельское население Калининградской области и демографическая революция в СССР (вторая половина 1940-х – 1950-е годы): к постановке проблемы / Д.В.

- Манкевич // Балтийский регион: Лики русского мира: Сборник научных трудов. / Под общ. ред. Н.Г. Бабенко. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. - С. 80 – 91.
6. Манкевич, Д.В. О проведении и некоторых итогах Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Калининградской области / Д.В. Манкевич // Калининградские архивы: Материалы и исследования: Научный сборник. - Вып. 8 / Отв. ред. В.Н. Маслов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. - С. 149 – 158.
 7. Манкевич, Д.В. Некоторые архивные материалы по истории сельского населения Калининградской области в 1950-е гг. / Д.В. Манкевич // Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. - Вып. 5 / Отв. ред. В.И. Гальцов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. - С. 34-41.
 8. Манкевич, Д.В. «На Западе нет больше Восточной Пруссии...». Проблемы становления Калининградской области в работе первых партийных конференций (1947-1950 гг.) / Д.В. Манкевич // Балтийские исследования. Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке: сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во «НЭТ», 2009. – Вып. 4. - С. 29-37.
 9. Манкевич Д.В. Голоса из прошлого. «Информации» райкомов и горкомов ВКП(б)-КПСС о «настроениях трудящихся» Калининградской области (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. - Вып. 4. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. - С. 45-52.
 10. Манкевич, Д.В. «Немецкий контингент» Кёнигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету / Д.В. Манкевич // Балтийские исследования. Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке: сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во «НЭТ», 2009. – Вып. 5. - С. 43-55.
 11. Манкевич Д.В., Манкевич М.А. Некоторые демографические аспекты жизни гражданского населения Восточной Пруссии / Калининградской области (апрель 1945-1947 гг.) / Д.В. Манкевич, М.А. Манкевич // Acta Historica Universitatis Klaipedensis XVIII: Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos. – Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2009. - P. 189-206.
 12. Манкевич, Д.В. О некоторых проблемах развития советского здравоохранения Калининградской области в конце 1940-х – середине 1950-х годов (по материалам областных архивов) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Вып. 5. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. - С. 62-71.

13. Манкевич, Д.В. Калининградское село в условиях «демографической революции» (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.): трансформация рождаемости / Д.В. Манкевич // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. темат. сб. научн. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010 - С. 226-233.
14. Манкевич, Д.В. О младенческой смертности в Калининградской области (вторая половина 1940-х – 1950-е годы) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Вып. 6. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. - С. 56-67.
15. Манкевич, Д.В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области / Д.В. Манкевич // Калининградские архивы: Материалы и исследования: Научный сборник. Вып. 9 /Отв. ред. В.Н. Маслов. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. - С. 149 – 157.
16. Манкевич, Д.В. О структуре рождаемости населения Калининградской области в конце 1940-х – 1950-е годы / Д.В. Манкевич // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. - Калининград, 2011. - С. 83-87.
17. Манкевич, Д.В. О формировании брачно-семейной структуры населения Калининградской области (вторая половина 1940-х – 1950-е годы) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Вып. 7. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. - С. 40-49.
18. Манкевич, Д.В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах / Д.В. Манкевич // Калининградские архивы: Материалы и исследования: Научный сборник. Вып. 10 /Отв. ред. В.Н. Маслов. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. - С. 233 – 247.
19. Манкевич, Д.В. О деятельности учреждений родовспоможения в Калининградской области (вторая половина 1940-х - 1950-е годы) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Вып. 8. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. - С. 67-73.
20. Манкевич, Д.В. Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940-х - 1950-х годах / Д.В. Манкевич // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - Вып. 16: Сер. Гуманитарные науки. - Калининград, 2014. - С. 153-158.
21. Манкевич, Д.В. Население Калининградской области в 1960-х годах (по материалам Всесоюзной переписи 1970 года) / Д.В. Манкевич // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. - Вып. 9. - С. 58-68.

22. Манкевич, Д.В. Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы / Д.В. Манкевич // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. № 2: Сер. Гуманитарные и общественные науки. – Калининград, 2016. С. 32-36.
23. Манкевич, Д.В. Об особенностях раннего этапа заселения Калининградской области (апрель 1945 – август 1946 г.) / Д.В. Манкевич // Актуальные проблемы современной регионалистики. – Калининград, 2016. С. 141-146.
24. Манкевич, Д.В. Сельское население Калининградской области в условиях послевоенной демографической компенсации и эпидемиологического перехода (вторая половина 1940-х - 1950-е гг.) / Д.В. Манкевич // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России. – Калининград, 2018. С. 354 - 363.
25. Манкевич, Д.В. Первые шаги детского здравоохранения в Калининградской области (1946 - начало 1948 года) / Д.В. Манкевич // Время музея. Сборник статей. – Калининград, 2018. С. 438 - 450.
26. Манкевич, Д.В. Женщины и мужчины, взрослые и дети в условиях интенсивного заселения Калининградской области: медико - демографический аспект / Д.В. Манкевич // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. - Калининград, 2019. с. 162 - 165.
27. Манкевич, Д.В. 1950-е годы в демографической истории Калининградской области / Д.В. Манкевич // Известия Смоленского государственного университета. № 1 (45). – Смоленск, 2019. С. 398 – 413.

2.4 Специальная и справочная литература

1. Борисов, В.А. Демография: Учебник для вузов /В.А. Борисов - М.: Издательский дом NOTABENE, 1999. - 272 с.
2. Демографический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1985. - 608 с.
3. Медков, В.М. Демография / В.М. Медков. - М.: ИНФРА-М, 2008. - 683 с.
4. Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. - 640 с.
5. Шелестов, Д.К. Историческая демография / Д.К. Шелестов. - М.: Высшая школа, 1987. - 285 с.

2.5 Электронные ресурсы

1. Поляков, Ю.А., Жиромская, В.Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны // Скепсис. Научно-просветительский журнал. Библиотека. Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_1260.html (дата обращения: 13.11.2015).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Перечень приложений

Приложение 1. Статистические материалы о заселении Калининградской области и миграционном движении населения региона.....	209
Приложение 2. Статистические материалы о численности населения Кенигсбергской области, военнопленных и интернированных.....	212
Приложение 3. Статистические материалы о естественном движении населения Калининградской области в 1946-1959 гг.....	214
Приложение 4. Статистические материалы о смертности населения Калининградской области.....	216
Приложение 5. Возрастно-половая структура населения Калининградской области и некоторых других областей РСФСР по данным Всесоюзной переписи 1959 г.....	218

Приложение 1.
Статистические материалы о заселении Калининградской области
и миграционном движении населения региона

Приложение 1. Таблица 1. Переселение советских граждан в сельскую местность Калининградской области (1946 – 1960 гг., по данным Областного переселенческого отдела)⁴⁰⁴

Год	Переселено семей	Переселено человек	В том числе трудоспособных
1946	12 115	58 663	32 835
1947	8 432	37 548	21 749
1948	10 191	44 169	26 017
1949	4 936	21 370	12 430
1950	4 664	29 422	11 653
1951	1 326	5 782	3 121
1952	1 486	6 686	3 617
1953	1 021	4 503	2 388
1954	1 110	4 643	2 517
1955	958	3 774	2 085
1956	1 081	4 396	2 383
1957	204	755	429
1958	192	613	397
1959	185	749	388
1960	409	1 676	887

Приложение 1. Таблица 2. Данные о приёме и хозяйственном устройстве переселенцев в Калининградской области. 1949-1953 гг. Сельская местность (колхозы и совхозы)⁴⁰⁵

Год вселения	Принято семей	Отчётная дата	Выбыло семей		Осталось семей в месте вселения	Из них имеют жилые дома
			Всего	В т.ч. за пределы области		
1949	4 936	1.01.1950	222	87	4 714	4 370
		1.01.1951	349	167	4 587	4 587
		1.01.1952	561	316	4 375	4 375
1950	4 664	1.01.1951	223	134	4 441	4 441
		1.01.1952	469	325	4 195	4 195
		1.01.1953	968	606	3 696	3 696
1951	1 326	1.01.1952	44	38	1 282	1 282
		1.01.1953	174	105	1 152	1 152
		1.01.1954	253	166	1 073	1 073
1952	1 499	1.01.1953	49	41	1 450	1 423
		1.01.1954	110	88	1 376	1 373
1953	1 021	1.01.1954	31	29	990	977

⁴⁰⁴ Составлено по: ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 162. Л. 112; Д. 171. Л. 35; Д. 187. Л. 25; Д. 196. Л. 12.

⁴⁰⁵ Составлено по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 679. Л. 74, 75.

Приложение 1. Таблица 3. Данные о количестве предъявленных исков и возвращённых переселенческих семей в места вселения по состоянию на 1.11.1952⁴⁰⁶

№	Годы	Предъявлено исков		Сумма взысканных средств	Возвращено в места вселения	
		Кол-во	На сумму (руб.)		Семей	Одиночек
1	1946-1948	314	1 397 967	126 652	63	-
2	1949	159	737 887	139 812	130	-
3	1950	205	679 011	64 653	119	-
4	1951	289	916 346	153 343	103	146
5	1952	459	1 210 760	157 213	127	124
	Всего	1 426	4 941 971	641 673	542	270

Приложение 1. Таблица 4. Динамика заселения колхозов Калининградской области (по данным Главного управления переселения и оргнабора рабочих при Совмине РСФСР, 22 июня 1957 г.)⁴⁰⁷

Год	Принято семей	Выбыло семей	В % к численности принятых
1946	12 115	213	1,7
1947	3 574	1 608	45,0
1948	3 889	1 894	48,5
1949	3 388	1 941	57,2
1950	3 284	2 096	63,8
1951	1 120	1 663	148,4
1952	1 486	660	44,4
1953	1 012	505	49,9
1954	726	450	62,0
1955	871	471	54,1
1956	1 072	524	44,8

Приложение 1. Таблица 5. Механическое движение населения в 1948, 1953, 1956, 1959 гг. (структура миграционных потоков)⁴⁰⁸

Городские поселения						
Год	Прибывшие			Выбывшие		
	Из городов	Из сельской местности	Неизвестно	В города	В сельскую местность	Неизвестно
1948	58,2	37,4	4,4	57,1	31,7	11,2
1953	52,7	28,9	18,4	67,6	15,6	16,8
1956	54,3	23,1	22,6	65,2	14,1	20,7
1959	59,7	13,8	26,5	67,1	8,2	24,7
Сельские поселения						

⁴⁰⁶ Составлено по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 708. Л. 71-73.

⁴⁰⁷ Составлено по ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 612. Л. 33-36.

⁴⁰⁸ Таблица составлена по ежегодным статистическим разработкам механического движения населения. ГАКО. Ф. 181, Оп. 3, Д. 4. Л. 2-4; Оп. 15. Д. 354. Л. 2, 3. Все расчёты выполнены автором. В таблице указаны процентные доли структурных компонентов миграционных потоков: прибывшие в города из других городских поселений или из села, выбывшие в другие города или в сельскую местность и т.д. В остатке – процентная доля, характеризующая ту часть мигрантов, о направлении перемещения которых Областное статистическое управление данными не располагало.

Год	Прибывшие			Выбывшие		
	Из городов	Из сельской местности	Неизвестно	В города	В сельскую местность	Неизвестно
1948	29,9	67,6	2,5	53,0	21,7	25,3
1953	40,4	49,5	10,1	60,7	33,7	5,6
1956	39,1	46,7	14,2	58,3	27,1	14,6
1959	59,7	13,8	26,5	67,0	7,9	25,1

Приложение 2.
Статистические материалы о численности населения
Кёнигсбергской области, военнопленных и интернированных

Приложение 2. Таблица 1. Население Кёнигсбергской области на 1 июня 1946 г.
 (по районам и г. Кёнигсбергу)⁴⁰⁹

Район / город	Всего	Граждане, прибывшие из СССР	Подл. репатриации	Немецкое население
г. Кёнигсберг	60 897	15 039	2 901	42 957
Замландский	18 240	1 512	466	16 262
Хайлигенбайльский	5 426	813	183	4 430
Кёнигсбергский	8 060	668	434	6 958
Кройцбургский	5 818	802	340	4 676
Лабиауский	9 568	1 150	414	8 004
Тапиауский	7 222	1 852	690	4 680
Фридландский	6 305	583	60	5 662
Хайнрихсвальдский	5 349	656	168	4 525
Инстербургский (вкл. Инстербург)	12 584	5 545	2 394	4 645
Рагнитский (вкл. Тильзит)	12 817	7 112	446	5 259
Даркеменский	2 566	290	261	2 015
Гумбиненский	4 979	1 470	719	2 790
Пилькаленский	3 781	1 389	-	2 392
Шталупененский	1 907	362	63	1 482
Не распределено по районам	4 500	4500	-	-

Приложение 2. Таблица 2. Военнопленные и интернированные на территории
 Кёнигсбергской области по состоянию на 1 июля 1946 г.⁴¹⁰

№	Наименование лагерей и подразделений	Состоит на 1.07.1946.	Использование труда военнопленных и интернированных
1	Лагерь военнопленных № 445 МВД	5 732	Восстановление ЦБК
2	Лагерь для интернированных № 533 МВД	4 012	Восстановление ЦБК
3	Управление строительства перевалочных баз (три отдельных рабочих батальона)	1 892	Строительство складских помещений.
4	Центральные перевалочные базы МВС ⁴¹¹ (2)	6 924	Погрузочно-разгрузочные работы.
5	Штаб тыла 11 Гвардейской Армии (4 отдельных рабочих батальона)	3 718	На сельскохозяйственных работах.

⁴⁰⁹ Составлено по: ГАКО. Ф. 181, Оп. 1 в. Д. 10, Л. 20.

⁴¹⁰ Таблица составлена по РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 144. Л. 90-92, 94.

⁴¹¹ МВС – Министерство вооружённых сил СССР.

6	Войсковые части 11 Гвардейской армии (распределены по воинским частям)	967	В подсобном хозяйстве, на строительстве аэродрома.
7	Прибалтийский военный округ (отдельный рабочий батальон)	577	На строительных работах
8	Инженерный отдел Южно-Балтийского флота	2 434	На строительстве доков и жилых зданий
9	Судостроительный завод №820	866	На строительстве плавучих доков
10	Эвакуационный госпиталь № 1894	2 090	На погрузочных работах
11	Кёнигсбергский мелькомбинат	61	На погрузочных работах
Всего состоит на 1.07.1946		29 273	

Приложение 3.

Статистические материалы о естественном движении населения Калининградской области в 1946-1959 гг.

Приложение 3. Таблица 1. Динамика естественного движения населения Калининградской области в 1946-1959 гг.
(по материалам ежегодных отчётов Облстатуправления)⁴¹²

Местность	Число родившихся (чел.)	Число умерших (чел.)	В т.ч. умерших детей до 1 года	Число браков	Число разводов	Естественный прирост (чел.)
1946 год⁴¹³						
Городская	3 617	833	181	2 542	2	2 784
Сельская	1 419	192	41	552	-	1 227
Вся область	5 036	1 025	222	3 094	2	4 011
1947 год						
Городская	8 274	4 496	690	4 973	61	3 778
Сельская	5 693	2 695	364	1 825	2	2 998
Вся область	13 967	7 191	1 054	6 798	63	6 776
1948 год						
Городская	9 970	2 571	718	5 706	131	7 399
Сельская	6 908	1 495	440	3 174	4	5 413
Вся область	16 878	4 066	1 158	8 880	135	12 812
1949 год						
Городская	11 707	2 446	1 029	6 620	215	9 261
Сельская	8 980	1 681	586	3 805	10	7 299
Вся область	20 687	4 127	1 615	10 425	225	16 560
1950 год						
Городская	10 828	2 836	1 160	7 795	340	7 992
Сельская	8 789	1 602	619	4 105	13	7 187
Вся область	19 617	4 438	1 779	11 900	353	15 179
1951 год						
Городская	11 999	2 878	1 084	7 421	317	9 121
Сельская	8 415	1 733	725	3 705	5	6 682
Вся область	20 414	4 611	1 809	11 126	322	15 803
1952 год						
Городская	12 810	2 565	833	6 419	437	10 245
Сельская	7 934	1 615	611	3 017	11	6 319
Вся область	20 744	4 180	1 444	9 436	448	16 564
1953 год						
Городская	11 197	2 352	634	6 338	543	8 845
Сельская	7 144	1 379	443	2 713	6	5 765
Вся область	18 341	3 731	1 077	9 101	549	14 610

⁴¹² Составлено по: ГАКО. Ф. 181, Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3, Д. 3. Л. 65-67; Оп. 5. Д. 1. Л. 2 об. Д. 8. Л. 3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3.

⁴¹³ Данные за 1946 г. представлены за семь месяцев (с июня по декабрь).

1954 год						
Городская	12 429	2 192	578	6 719	614	10 237
Сельская	8 014	1 429	414	3 069	15	6 585
Вся область	20 443	3 621	992	9 788	629	16 822
1955 год.						
Городская	11 145	2 080	481	6 549	549	9 065
Сельская	7 514	1 443	398	2 862	53	6 071
Вся область	18 659	3 523	879	9 411	602	15 136
1956 год.						
Городская	10 807	1 799	400	6 244	564	9 008
Сельская	7 114	1 248	245	2 830	72	5 866
Вся область	17 921	3 047	645	9 074	636	14 874
1957 год.						
Городская	9 619	1 866	313	6 345	690	7 753
Сельская	6 455	1 107	232	2 779	76	5 348
Вся область	16 074	2 973	545	9 124	766	13 074
1958 год.						
Городская	9 673	1 696	275	6 378	897	7 977
Сельская	6 118	1 174	226	2 910	106	4 944
Вся область	15 791	2 870	501	9 288	1003	12 921
1959 год.						
Городская	9 547	1 906	306	6 279	983	7 641
Сельская	5 632	1 194	235	2 508	167	4 438
Вся область	15 179	3 100	541	8 787	1 150	12 079
Всего за 1946-1959 гг.						
Городская	110 054	22 170	6 064	66 487	5 934	87 884
Сельская	73 129	13 924	4 148	30 498	524	59 205
Вся область	183 183	36 094	10 212	96 985	6 458	147 089

Приложение 4.
Статистические материалы о смертности населения
Калининградской области

Приложение 4. Таблица 1. Уровень младенческой смертности
 в Калининградской области и РСФСР в 1947-1959 гг.⁴¹⁴

Регион СССР	Общий коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся)						
	1947	1948	1949	1950	1953	1956	1959
Калининградская область, городская местность	86,2	71,8	93,5	105,4	57,6	36,3	34,0
Калининградская область, сельская местность	72,8	62,8	65,1	77,3	63,2	35,0	47,0
Калининградская область в целом	79,5	67,3	79,3	91,35	60,4	35,6	40,5
РСФСР	135,5	104,0	102,1	101,0	72,1	52,2	41,3

Приложение 4. Таблица 2. Смертность городского населения Калининградской области
 в 1950-1959 гг. (распределение умерших по причинам смерти, %) ⁴¹⁵

Причина смерти	Распределение умерших по причинам смерти (%)			
	1950 г.	1953 г.	1956 г.	1959 г.
1. Болезни системы кровообращения	7,8	15,4	17,8	26,8
2. Онкологические заболевания	4,2	8,8	14,3	18,2
3. Болезни органов дыхания	20,8	14,0	11,1	8,3
4. Инфекционные болезни	29,7	16,5	10,3	9,9
5. Заболевания органов пищеварения	1,3	2,8	1,7	3,0
6. Болезни ЦНС и органов чувств	0,1	0,1	1,2	0,3
7. Болезни обмена веществ	1,0	0,6	0,4	0,4

⁴¹⁴ Рассчитано по: ГАКО. Ф. 181, Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.; Оп. 3, Д. 3. Л. 65-67; Оп. 5. Д. 1. Л. 2 об. Д. 8. Л. 3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об., Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3. Данные по РСФСР см.: Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 270-285. Результаты расчетов подтверждаются и материалами текущего делопроизводства Областного отдела здравоохранения. См. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 603. Л. 4,5.

⁴¹⁵ Подсчёты, результаты которых представлены в данной и последующей таблицах выполнены автором по материалам годовых отчётов Облстатуправления Калининградской области за 1950, 1953, 1956, 1959 гг. Сравнение с аналогичными материалами годовых отчётов 1951, 1952, 1954, 1955, 1957, и 1958 гг. подтверждает репрезентативность представленных в таблице данных. Данные о причинах смерти среди сельского населения фиксируются документами Облстатуправления начиная с 1950 г., среди городского населения – начиная с 1946 г. Причины смерти в отчётах о естественном движении населения сгруппированы в 83 категории (начиная с 1955 г. – в 115 категорий). В составленной автором таблице количество категорий сокращено до 12, в соответствии с международной классификацией болезней и принятой в отечественной демографии классификацией причин смерти. ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 53, 54; Д. 8. Л. 16, 17, 73, 74; Оп. 12. Д. 281. Л. 26, 27, 54, 55; Оп. 15. Д. 59. Л. 26, 27, 32, 33; Д. 353. Л. 62, 63, 66, 67.

8. Прочие заболевания	6,4	9,5	8,0	6,6
9. Несчастные случаи и отравления	11,3	20,9	20,0	20,3
10. Убийства	0,4	1,0	1,0	0,9
11. Самоубийства	2,3	4,0	3,1	3,8
12. Прочие причины (в т.ч. не классифицированные)	14,5	5,0	10,3	0,4
13. Общая численность умерших	2 836 (100%)	2 352 (100%)	1799 (100%)	1 906 (100%)

Приложение 4. Таблица 3 Смертность сельского населения Калининградской области в 1950-1959 гг. (распределение умерших по причинам смерти, %) ⁴¹⁶

Причина смерти	Распределение умерших о причинами смерти (%)			
	1950 г.	1953 г.	1956 г.	1959 г.
1. Болезни системы кровообращения	7,2	14,2	15,4	25,4
2. Онкологические заболевания	3,0	7,6	17,4	21,7
3. Болезни органов дыхания	25,4	20,5	17,2	14,0
4. Инфекционные болезни	25,6	18,4	12,0	11,2
5. Заболевания органов пищеварения	1,8	3,4	1,8	1,7
6. Болезни ЦНС и органов чувств	0,1	0,4	0,5	0,6
7. Болезни обмена веществ	0,0	1,2	0,7	0,1
8. Прочие заболевания	5,2	10,1	4,0	5,6
9. Несчастные случаи и отравления	8,4	13,0	16,1	15,2
10. Убийства	0,4	0,1	0,5	0,7
11. Самоубийства	0,8	2,3	1,5	1,9
12. Прочие причины (в т.ч. не классифицированные)	21,4	8,8	12,1	0,5
13. Общая численность умерших	1 602 (100%)	1 379 (100%)	1248 (100%)	1 194 (100%)

⁴¹⁶ Рассчитано автором по: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 1. Л. 53, 54; Д. 8. Л. 16, 17, 73, 74; Оп. 12. Д. 281. Л. 26, 27, 54, 55; Оп. 15. Д. 59. Л. 26, 27, 32, 33; Д. 353. Л. 62, 63, 66, 67.

Приложение 5.

Возрастно-половая структура населения Калининградской области и некоторых других областей РСФСР по данным Всесоюзной переписи 1959 г.

Приложение 5. Таблица 1. Возрастно-половая структура городского населения Калининградской и Сахалинской областей в 1959 г. (по данным Всесоюзной переписи населения)⁴¹⁷

возрастная категория (полных лет)	Сахалинская область				Калининградская область			
	в % к численности возрастной группы		в % к общей численности		в % к численности возрастной группы		в % к общей численности	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0-9	50,8	49,2	26,6	25,1	51,0	49,0	26,9	20,4
10-19	51,3	48,7	15,9	14,7	50,3	49,7	16,3	12,8
20-24	52,9	47,1	11,1	9,7	48,9	51,1	13,1	10,8
25-29	52,2	47,8	11,4	10,2	44,4	55,6	12,2	12,1
30-34	46,6	53,4	10,7	12,0	38,6	61,4	11,9	15,0
35-39	41,7	58,3	5,6	7,6	31,1	69,9	4,9	8,7
40-44	47,4	52,6	5,5	6,0	39,8	60,2	4,0	4,8
45-49	50,0	50,0	5,5	5,4	42,7	57,3	3,6	3,8
50-54	49,0	51,0	3,7	3,7	39,5	60,5	2,7	3,3
55-59	46,7	53,3	2,0	2,2	31,4	68,6	1,6	2,9
60-69	36,9	63,1	1,2	2,1	27,7	72,3	1,6	3,4
70 и старше	24,5	75,5	0,6	1,3	19,7	80,3	1,2	2,0
Всего	49,3	50,7	100	100	44,1	55,9	100	100

Приложение 5. Таблица 2. Возрастно-половая структура сельского населения Калининградской и Сахалинской областей в 1959 г. (по данным Всесоюзной переписи населения)⁴¹⁸

возрастная категория (полных лет)	Сахалинская область				Калининградская область			
	в % к численности возрастной группы		в % к общей численности		в % к численности возрастной группы		в % к общей численности	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0-9	50,8	49,2	29,8	29,7	50,8	49,2	32,4	26,8
10-19	51,9	48,1	15,1	14,4	51,3	48,7	17,6	14,3
20-24	51,9	48,1	9,7	9,2	48,8	51,2	10,1	9,0
25-29	54,1	45,9	10,6	9,3	48,7	51,3	10,1	9,1
30-34	49,7	50,3	10,1	10,6	41,6	58,4	8,0	9,6
35-39	45,5	54,5	5,5	6,8	35,5	63,5	3,9	5,8
40-44	51,4	48,6	5,6	5,5	39,7	60,3	3,4	4,4
45-49	52,0	48,0	5,6	5,4	38,0	62,0	3,9	5,4

⁴¹⁷ Относительные показатели в этой и других таблицах, включённых в Приложение 5, рассчитаны автором по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 74-75, 84-85.

⁴¹⁸ Там же. С. 86-87, 96-97.

50-54	51,0	49,0	3,8	3,7	40,0	60,0	3,9	4,5
55-59	48,0	52,0	2,1	2,3	33,8	66,2	2,4	4,1
60-69	44,7	55,3	1,5	1,9	38,4	61,6	3,0	4,1
70 и старше	31,4	68,6	0,6	1,2	26,0	74	1,3	2,9
Всего	50,8	49,2	100	100	46,0	54,0	100	100

Приложение 5. Таблица 3. Возрастно-половая структура городского населения Брянской и Владимирской областей в 1959 г. (по данным Всесоюзной переписи населения)⁴¹⁹

возрастная категория (полных лет)	Брянская область				Владимирская область			
	в % к численности возрастной группы		в % к общей численности		в % к численности возрастной группы		в % к общей численности	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0-9	50,9	49,1	23,7	18,1	50,9	49,1	23,3	16,9
10-19	49,7	50,3	17,3	13,9	46,9	53,1	16,9	14,4
20-24	45,9	54,1	9,9	9,3	43,8	56,2	10,4	10,1
25-29	48,1	51,9	10,1	8,6	47,9	52,1	11,0	9,0
30-34	43,6	56,4	10,0	10,2	46,2	53,8	11,5	10,1
35-39	38,0	62,0	5,2	6,8	37,9	62,1	5,1	6,3
40-44	39,9	60,1	4,7	5,6	37,5	62,5	4,5	5,7
45-49	39,1	60,9	5,1	6,3	36,7	63,3	5,0	6,5
50-54	36,9	63,1	4,0	5,5	35,2	64,8	4,1	5,7
55-59	35,0	65,0	3,2	4,7	31,8	68,2	2,9	4,7
60-69	35,1	64,9	4,2	6,1	29,5	70,5	3,4	6,1
70 и старше	27,9	72,1	2,6	4,9	24,1	75,9	1,9	4,5
Всего	44,2	55,8	100	100	43,0	57,0	100	100

⁴¹⁹ Там же. С. 86-87, 96-97.